Вадим Каплин
Государева дорога
"Инфра-Инженерия"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В новую книгу Вадима Каплина «Государева дорога» вошли, в основном, краеведческо-исторические материалы о нашем северном крае – Заволочье, о его населении, тружениках-умельцах, их предках, памятниках старины, красоте нашей щедрой природы.

Вот встреча с первой бабочкой-крапивницей, прилетевшей весной в лесной домик писателя-земляка Александра Яшина. Даже этот прилет бабочки воспринимается как великая радость! Встречая солнце, здороваясь с ним, автор говорит: «Здравствуй, солнце! Здравствуйте, люди добрые!» И разве это не в традициях всем известных писателей: И.С. Тургенева и СТ. Аксакова, Ф.И. Тютчева, М.М. Пришвина и И.С. Соколова-Микитова?

Задача предложенной книги – познавательная, нравственная, эстетическая, а еще призывающая к сбережению богатств края, всей планеты Земля! Птицы и звери, например, – наши соседи, живущие вместе с нами. И как важно с детских лет прививать любовь к природе – непреложное условие воспитания человека в человеке.

В книге с документальными рассказами и очерками немало интересных наблюдений на «звериную» тему. И о дорогах автора лесными проселками к людям, встречах с ними.

Большую популярность приобретает проект «Родина Деда Мороза». «Государева дорога», о которой рассказывает книга, – это один из маршрутов путеводителя на родину Деда Мороза: Нижний Новгород – Великий Устюг.

- Вадим Каплин
  - Города-ровесники
  - Печора
  - Вологодская изба в верховьях Печоры
  - Лызловы
  - Здравствуй, солнце!
  - Сказочный волшебник
  - Орловская корабельная роща
  - Лесниково дело
  - Его стихи
  - Гусей крикливых караван…
  - Гусиный остров
  - Рысь в «Баварии»
  - Двинозавры
  - Кичменгский городок

- Государева дорога
- Никольский рынок
- Ледоход
- Ой, плывут, плывут плоты
- «Буря» и «Комсомолка»
- Автограф академика Обручева
- Великая и Отечественная
- Поэзия русского леса
- О добром деде Мазае, зайцах и поэтах-классиках
- Певец русской природы
- Радетель и защитник лесов
- Легче там, где поле и цветы
- Славная династия
- Просто учительница
- Любить и убивать
- Перовское озеро
- Никольчане и кокшары
- Заячий камень
- По рекам Кемы
- Шалаш в устье Томженьги
- Чем пахнет хариус?
- Тропами охотника Потыла
- Зырянский починок
- Грибная пора
- Второй гриб после рыжика
- Рыжики на огороде
- Его Бобришный Угор
- Березово
- Пыщуг
- Шарья
- Город Ветлуга
- Варнава Ветлужский
- Урень
- Екатерина II
- На Ветлуге
- Сегодня и давно
- Литература

- notes
  - 1
  - 2

Вадим Каплин
Государева дорога

Поздравляю земляков со славным юбилеем – 230-летием города Никольска!

В. Каплин.

Города-ровесники

В музее города Сыктывкар – столице Республики Коми можно видеть красочный стенд. Он сообщает о том, что в 1780 году зырянский погост Усть-Сысольск (известный с 1586 года) указом императрицы Екатерины Второй наделен статусом города Усть-Сысольск и является отныне центром Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Был определен геральдический знак города, в нижней части герба был изображен медведь, лежащий в берлоге.

На том же стенде сообщается, что статус города указом императрицы в 1780 году получило и село Никольское, на реке Юг, с присоединением к нему окрестных деревень Вахромеево, Борисово, Варламцево и Мелентьево. Крестьяне этих деревень стали именоваться мещанами. Кроме того, образовался новый Никольский уезд Велико-Устюгской области, а с 1802 года – Вологодской губернии.

Усть-Сысольск полтора столетия оставался уездным городом. Размеренно, неторопливо текла жизнь в этом захолустном крае, каких на севере было немало. Он и впрямь напоминал того лежащего, дремлющего медведя в своей опочивальне, изображенного на гербе. Только в августе 1921 года из состава Вологодской губернии была выделена самостоятельной единицей автономная область Коми. Затем она получила статус Коми АССР, а позднее и Республики Коми. В 1930 году Усть-Сысольск был переименован в город Сыктывкар – город на реке Сысоле.

«Никольск, г.р.п., центр Никольского района, – читаем в книге профессора Ю.И. Чайкиной «Словарь географических названий Вологодской области». – Поселение на месте Никольска основано выходцами из центральных районов России еще в XV веке… В результате слияния двух селений Старо– и Ново-Никольского на берегу реки Юг возникает Никольская слобода. Название селения переходит на административный округ. «Волость Никольская Слободка на реке Югу»… В конце XVI века, с началом внешней торговли через Архангельский порт, у Никольской Слободки появляется пристань, где строились барки. В начале XVIII века Никольская Слободка именуется с. Никольским. В 1780-м был образован Никольский уезд, к.с. Никольскому – главному в волости – присоединили три смежные деревни и причислили его к разряду городов… Первый компонент названия Никольская Слобода – название церкви, второй восходит к существительному «слобода» – селение, жители которого временно освобождены от налогов».

Между прочим, нередко бытует то ли легенда, то ли быль, что находят икону, где был изображен какой-то святой. Строят какой-никакой храм и называют по имени того святого. Так и тут. Будто бы крестьянин из деревни Борисово, расчищая место под сенокос, обрел (нашел) икону с изображением Николая Чудотворца. На этом месте построили деревянную часовенку, а позднее и церковь, когда около церкви и погоста выросла слободка, ее назвали Никольской. В 1623 году в Никольской слободе насчитывалось 83 крестьянских двора и 7 дворов половников.

«Не знаю, за какие достоинства Никольск именовался городом. Здесь было лишь две улицы, да еще несколько десятков домов, стоявших врассыпную. Полицейское управление, тюрьма, две лавки и церковь – вот и все «учреждения». Даже трактира не было». Это из воспоминаний политического ссыльного А.П. Тайми.

В самом деле, городишко был не велик, его можно было назвать модным сейчас словечком – поселение, но огромной была территория Никольского уезда. Она включала в себя, кроме нынешних Никольского и Кичменгско-Городецкого районов, часть Бабушкинского, некоторые территории Павинского и Вохомского районов Костромской области и даже Подосиновского, Черновского с железнодорожными станциями Пинюг и Опарино – Кировской области. Площадь уезда превышала 36 тысяч квадратных километров. На территории уезда проживало свыше 270 тысяч жителей. А в том, что Никольск был определен уездным центром, сыграло главнейшую роль его выгодное географическое расположение. Река Юг в период весеннего разлива была пригодна для перевозки грузов на север – в Великий Устюг, Архангельск. Недалеко расположены реки Волжского бассейна и Кема, Лундонга и Верхняя Унжа, на востоке – река Ветлуга, приток р. Вятки – Молома.

Село Никольское еще в начале XV века служило перевалочной базой и пристанью при перевозке товаров из южных областей в Архангельск. Еще большее значение пристань Никольск на реке Юг приобрела позднее. Зимой здесь строились барки, а весной они загружались зерном, льном, мясом и дичью, щетиной, смолой и другими местными продуктами и сырьем, и в паводок сплавлялись по Югу и Северной Двине.

В 1394 году с Никольской пристани было вывезено 532 тысячи пудов различных грузов. И как тут не вспомнишь замечательные рассуждения профессора Московского университета Василия Осиповича Ключевского о роли рек в жизни русского народа.

«Река является даже своего рода воспитательницей чувства и

ответственного духа в народе. Она и сама любит порядок, закономерность. Ее великолепные половодья совершались правильно, в урочное время, не имеют ничего себе подобного в западноевропейской гидрографии. Русская река приучила своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности».

«Талые воды весной дают основное питание рекам, а накопившийся в лесу снег, постепенно стаивая, пополняет запас грунтовых вод, растягивая весеннее половодье, – пишет Г.А. Воробьев в книге «Леса земли Вологодской». – Вырубка лесов резко нарушает режим весенне-летнего стока, уровень воды в реках быстро повышается, в короткое время достигая наивысших отметок, продолжительность половодья сокращается, после чего наступает глубокая летняя межень. Особенно нежелательна вырубка лесов в истоках рек и по их берегам. Еще в XVIII веке указом Петра I в России был введен запрет на рубки наиболее доступных приречных лесов. Доставка леса традиционно происходила по рекам сплавом или плотами. При молевом сплаве значительная часть древесины тонула, засоряя дно и ухудшая качество речной воды, разрушались берега, реки мелели. Только в конце 80-х годов прошлого столетия сплав по рекам был запрещен», – сообщает ученый.

Печора

Печоро-Илычский заповедник, о котором слышали многие из нас, расположен в северо-восточной части Коми, в верховьях реки Печоры, в суровом северном крае, таежных дебрях. Все это усиливает ландшафтный облик тех мест, расположенных на границе Европы и Азии, у «Камня» – седых Уральских гор с их невысокими заснеженными вершинами. Печора не сравнима с нашими средне-русскими реками. На их берегах нет таких дремучих темнохвойных лесов, как на берегах Печоры, где растут пихты, лиственницы и даже кедры. Да и длина Печоры свыше 1800 километров, а площадь бассейна превышает 300 тысяч квадратных километров! Но откуда пошло хмурое и столь суровое название – Печора? Существует оно с древних времен. Исстари в этом дальнем глухом крае жили такие народности как чудь, меря, весь, печера. Жили до прихода славян. Нельзя не заметить, что те же финно-угорские племена населяли и наши северные земли, в том числе и Вологодскую.

Исследователь Верхней Печоры и Северного Урала В.И. Канивец в своей книге «Канинская пещера» писал: «После XVI века имя «Печера» исчезло со страниц исторических документов, хотя понятие об этом народе сохранилось в названии реки и края, в котором он жил». Кстати, жили там, в XVI и XVII веках и верхнепечорские вогулы – нынешние манси. Об этом тоже сообщал исследователь.

Печора, ее многочисленные притоки Илыч, Шижим, Сула, Щугор и другие были богаты рыбой, в том числе лососевыми: семгой, нельмой, сигом, омулем и другими. В реках, старицах, других водоемах много водоплавающих и других птиц, водных и полуводных обитателей.

Вологодская изба в верховьях Печоры

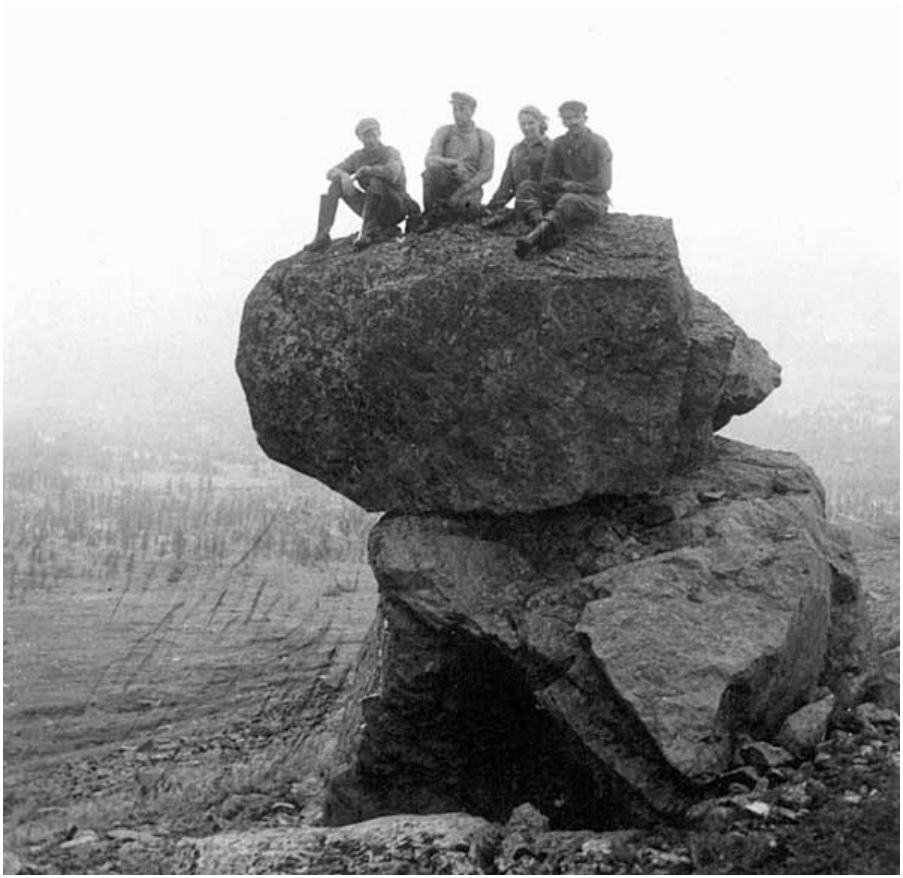
Царь птиц – могучий орел с ношей бриллиантов – герб Республики Коми. Эмблема выбрана неспроста. Драгоценности – символ природных богатств и сокровищ благодатного, но сурового края. Наряду с углем и нефтью богатством являются необозримые просторы северной тайги – пармы – с ее растительным и животным миром.

Территория края огромна. Одна из самых крупных его рек – Печора. Многие, наверное, слышали о Печоро-Илычском заповеднике, расположенном в верховьях реки Печоры. Уникальность и особое значение имеет ландшафтный облик верховьев Печоры. Он характерен тем, что расположен почти на самой границе Европы и Азии, которую разделяют Уральские горы. Они невысокие, но с сохранившимися вершинами, причудливыми лобастыми останцами, валунами, каменистыми россыпями. Не могу не заметить, что многое для создания заповедника сделал Станислав Нат, имя которого в свое время было связано и с Вологодчиной.

Вот что писалось об этом в сборнике «Республика Коми» (Сыктывкар, 1995. Автор очерка – директор заповедника К.О. Мегалинский): «История создания Печоро-Илычского заповедника прежде всего связана с именем Станислава Генриховича Ната и Франца Францевича Шиллингера. С.Г. Нат был первым, кто выступил в печати, обеспокоенный резким сокращением численности промысловых животных в Печорском крае, который он знал прекрасно. В 1886 году Нат (австриец по происхождению – В.К.) приехал в Вологодскую губернию на должность лесничего, а позднее стал лесным ревизором. С 1917 года он – старший уездный лесной инспектор, а затем – губернский инспектор лесов Северо-Двинской губернии. В этой должности он прослужил до 1925 года. Прекрасный охотник, страстный любитель природы, Нат исходил не одну тысячу километров по Печорской тайге и не мог не заметить происходящих в ней изменений. Станислав Генрихович детально изучал природу края, быт и нравы коренного населения. Имея литературный дар, мечтал написать книгу о природе вологодско-печорской земли. Это желание возникло не без влияния известного писателя А.И. Куприна, с которым он был очень дружен и на сестре которого – Зинаиде Ивановне Куприной – был женат. Перу С. Г. Ната принадлежит ряд публикаций, в которых он описывает полюбившуюся ему

природу Севера. В 1915 году в «Лесном журнале» в статье «Леса и воды Печорского края Вологодской губернии» Нат подробно анализирует сложившуюся ситуацию.

В 1917 году им подготовлен очерк «В Печорском крае Вологодской губернии», в котором С.Г. Нат дает подробнейшее описание способов охоты, свое видение перспективы развития охот ничьего промысла. Будучи человеком неравнодушным, понимая пагубность хищнического истребления промысловых видов, он предлагает конкретные меры для их охраны. Так, он пишет: «…присматриваясь к условиям промысловой охоты в Вологодско-Печорском крае, я еще в 1912 году составил подробный проект заказника для сохранения, главным образом, соболя и других пушных зверей в этой местности. Проект был тогда же отослан с подробною сметою куда следует, но едва ли удостоился внимания и направления к высшим сферам власти…». И далее: «…при выборе заказника в области восточной части европейской России я остановился на участке, отличающемся крайне разнообразным рельефом, обилием вод, разнообразием растительного покрова, а также разнообразием как фаунистического, так и орнитологического состава».



Каменный останец – словно памятник первооткрывателям Печоры – этого сурового таежного края. Фото из архива Л.Н. Беляева.

Участок этот с трех сторон выделяется географическими границами: на севере – река Илыч от устья реки Шижим-ю до устья реки Ыджид-Ляга, далее – по реке Ыджид-Ляга на восток до современной границы с Тюменской областью, затем – на юг по Уральскому хребту до истоков реки Печора и по ней – до устья реки Большой Шижим и Шижим-ю до реки Илыч. Как очень важную деталь, Нат подчеркивает, что именно эта территория, по мнению местных охотников-промысловиков, является «… последним этапом пребывания соболя в настоящее время в Европе». По убеждению Ната, организация заказника должна была сохранить возможность промысла соболя и других пушных зверей для коренных жителей этого края – зырян, вогул и остяков (старые названия коми, манси и хантов).

Заповедник был создан в 1935 году. Природная лаборатория для научных сотрудников была огромна. Границы заповедника

протянулись на 800 километров. Основная задача – сохранение нетронутой дикой природы края, его флоры и фауны, а также научно-исследовательская работа. Своеобразная его особенность, благодаря географическому и ландшафтному расположению, состоит в том, что здесь присутствуют представители наших северных лесов и сибирской тайги. Наряду с хвойными елью, сосной можно видеть темно-зеленые пихтовые леса, лиственницы и кедры.

В зеленом царстве тайги много пернатых обитателей. Из куриных часто встречаются глухари – большие темно-коричневые птицы. Клюв у глухаря светлый, на подбородке – «борода» из удлиненных перьев, хвост широкий, округлый. Во время токования глухарь поднимает его веером и приспускает. Весной брови над глазами птицы ярко-красного цвета. Глухарки меньшего размера – рябые с белыми пестринами птицы. Прилетают на токовище и выдают себя квохтаньем или, можно сказать, баканьем, бак-бак-бак… Как и в наших лесах, в парме глухари держатся около сосняков, моховых болот. Летом выводки глухарей и взрослые птицы пасутся на ягодах черники, брусники, клюквы. Осенью, когда желтеет хвоя лиственниц, схваченная морозными утренниками, «закисает», глухари любят вылетать на лиственничные реки поклевать хвою. Летают глухари по берегам рек, чтобы пополнить запас камешков, столь необходимых для переваривания грубой и жесткой зимней пищи.

Места обитания тетеревов – смешанные леса с полянами, заросшими кустарником, вырубки. Зимой птицы собираются в стаи и кормятся почками на деревьях.

Лесные петушки – рябчики – держатся в еловых и елово-лиственных лесах, около ручьев и речек. Самец этой птицы с маленьким хохолком на голове, черными пятнами на горле и конце хвоста. Добыча рябчиков часто имела промысловое значение.

В Коми-крае огромное количество рек и речек, других водоемов. Поэтому очень много гнездится уток, других водоплавающих, околоводных птиц. Из уток обитают кряквы, свиязь, чирки и другие. Часто встречаются крохали. Это северные птицы больших рек, которые питаются в основном рыбой. Разнообразен мир куликов. Среди них кулик-сорока – пестрая птица, своим оперением напоминающая нашу сороку. А еще различные зуйки, кроншнепы, веретенники, улиты – всех не перечислишь.

То же самое и с животным миром – разнообразным и богатым. В Коми-тайге обычны великаны-лоси, бурый медведь, белка, куница, рысь, росомаха, выдра, горностай. В лесах

заповедника, кроме того, обитает уральский соболь, по-зырянски – низь. Красив искрящийся соболиный, мех. Иногда встречается помесь соболя и куницы – кидус. По протокам многочисленных рек и речек широко расселились бобры. Всюду их плотины, каналы и хатки. Успешно прошла акклиматизация ондатры – зверька, тоже имеющего ценный мех.

Чтобы дополнить рассказ о красоте природы северных лесов, приведу хотя бы несколько строк из стихотворений Кронида Гарновского, который много лет прожил в тайге (недалеко от верховьев Печоры), охраняя ее заповедные участки.

…А там все тот же крик кукушки
В березках тонких на заре,
И у охотничьей избушки
Лилово-розовый кипрей.
Все живут по-своему на свете:
И медведь-космач, и хмурый еж,
Только я за всех зверей в ответе.
Только я на всех зверей похож.

Писатель В. Бианки так писал о Крониде: «Ботаник, хранитель лесов и брат всему живому». Замечу, кстати, что Кронид – брат писателя Виталия Гарновского, который в начале шестидесятых жил в Шольском районе нашей области. Его помнят писатели-вологжане старшего поколения.

Управление заповедником находится в поселке Якша, на берегу Печоры. Этот поселок с давних пор известен как торговый центр на севере Предуралья. Со своими товарами купцы приезжали зимой на лошадях с Прикамья. Их путь проходил по лесным дорогам и тропам, по таежному тракту, проложенному во времена Екатерины II. Купцы, служилые люди с Северо-Запада и Севера добирались до Якши по дорогам и тропам, по берегам рек Вычегды и Выми. Коллектив Печоро-Илычского заповедника возглавлял Корнелий Оттович Мегалинский.

Как-то в одном из природоведческих журналов попался мне на глаза очерк «На берегах Печоры». Его автор Дмитрий Житенев, бывший сотрудник Печоро-Илычского заповедника, прекрасно знающий эти места. Дмитрий Житенев образно, живописно и увлекательно рассказывал об этом уникальном и богатейшем крае. Заинтересовало меня такое его сообщение.

«Почти на самой середине Печоро-Илычского заповедника проходит с запада на восток еще не полностью заросшая просека. Там, где она пересекает долину реки Большой Шижим, стояла избушка со странным для этих мест названием – Вологодская.

Причем тут Вологда, которая чуть ли не на тысячу километров отстоит от Верхней Печоры? Оказывается, до двадцатых годов нашего столетия (теперь уже прошлого – В.К.) эта территория входила в состав Вологодской губернии, а просека – это ее северная граница. Нет уж давно губернии, а название избушки и места осталось».

Так вот. Для чего была построена эта изба? Может, она, стоявшая на перепутье в этом глухом краю, по дорогам и тропам, ведущим за Уральский Камень, была слажена для едущих и идущих, и ее кушник, как называют в этих местах хозяина, обеспечивал им отдых или ночлег? А может, было это охотничье пристанище – зимовье, или здесь стоял лесной кордон, подобный тому, что и сейчас расположен неподалеку на той же реке Большой Шижим?

Впрочем, какую бы роль Вологодская изба ни выполняла, сделана она была для людей и срублена, как и все другое жилье на «северах», добротно и умело. Суровый климат, длинная зима с ее лютыми, жгучими морозами и пронизывающими ветрами, вьюгами и пургой, заставляли строителей позаботиться о тепле и уюте, создании нормальной жизни для труда и отдыха. В отличие от наших, русских, охотничьи избушки жители Коми делали с односкатной крышей.

Из состава Вологодской губернии Коми-край (в губернию входила часть его) был выведен в августе 1921 года. Была создана самостоятельная область Коми, а позднее – республика. Республика Коми и раньше, и сейчас связана многими нитями с Вологодчиной. Самое активное участие в обследовании и определении лесных богатств края, а без этого невозможно обеспечить рациональное их использование, принимали и принимают специалисты Вологодского лесоустроительного предприятия. Десятки лет каждой весной отправлялись в тайгу Коми специальные лесоустроительные экспедиции. В трудных условиях северной природы под руководством таксаторов прорубались просеки, специалисты определяли видовой состав лесов, запасы древесины и т. д. Основополагающий принцип лесоустройства – непрерывность и неистощимость пользования лесом.

Более ста десяти лет Вологодскому лесоустроительному предприятию. Сейчас оно называется «Северлесопроект». Я попросил его главного инженера Анатолия Порфирьевича Шушарина ответить на несколько вопросов. Он любезно согласился.

– Продолжаются ли работы вашего предприятия по лесоустройству лесов Коми?

– Да, конечно. Наши специалисты выезжали в Коми-тайгу в 2002 году и годом раньше. Следующий выезд намечен на 2004 год.

– Вы слышали что-нибудь о Вологодской избе в верховьях Печоры?

– Да, слышал, хотя знаю о ней немного. Два года назад сам побывал на Верхней Печоре. Видел и реку Большой Шижим. Рассказывают, что изба стояла на меже, недалеко от реки. Сохранилась ли она сейчас, сказать не могу, так как в тех местах бушевали пожары.

Лызловы

Поликарп Григорьевич Лызлов и его супруга Анисья Диевна десятки лет живут в северной тайге Коми, в предгорьях Уральских гор, на кордоне. Север – особый край. Здесь суровый климат, таежные дебри и верховья реки Печоры. Впервые услышал о Лызловых в Вологде. Рассказал об этих хороших людях Анатолий Порфирьевич Шушарин – в то время главный инженер лесоустроительного предприятия «Лесопроект». Много лет специалисты предприятия выезжают в леса Коми и ведут лесоустроительные работы, без которых было бы невозможно разумно использовать лесные богатства республики. Таксаторы определяли возраст лесов, состав, проходили просеки, разбивали кварталы. И сам Анатолий Порфирьевич выезжал на полевые работы. И не только от главного инженера наслышан о Лызловых.

Поликарп Григорьевич и Анисья Диевна работали в Печоро-Илычском заповеднике, а сейчас на пенсии. Многим из тех, кто интересуется природой нашего северного края, заповедник известен. Важнейшими задачами коллектива были сохранение нетронутой природы таежного края и научно-исследовательские работы по изучению животного и растительного мира. За прошедшие годы им проведена большая работа в различных сферах деятельности. В Печоро-Илычском создали лосиную ферму. До этого нигде в мире таких ферм не существовало. Дивились местные жители, когда длинноногих темно-бурых сохатых запрягали в сани и ехали на них в лес. А от лосих получали очень жирное лосиное молоко, обладающее целебными свойствами. Много и других новшеств осуществили ученые специалисты. А помогали им в этом все работники. Были завезены и выпущены на лесные речки бобры, которые исчезли в начале прошлого века. Этих ценных пушных зверей развелось много. Удалось восстановить и увеличить запасы уральского соболя, который, кроме как здесь, в Европе не встречается. От скрещивания куницы с соболем получили нового зверька – кидуса.

В лесах края обитают медведи и рыси, росомахи, лоси, белки, хори и горностаи, норки, зайцы-беляки и другие. Леса здесь дремучие: мрачноватые ельники, сосновые боры, есть березы и осины, пихты и лиственницы, встречаются кедры. В лесах много ягод: черники, малины, брусники, морошки, клюквы.

«В заповеднике немало замечательных служителей природы, берегущих ее богатства. Есть даже династии. Среди них династия Лызловых», – пишет в очерке директор заповедника К.О.

Мегалинский. Основатель династии – Дий Андреевич – отец Анисьи Диевны. Он работал в заповеднике с 1936 года. Дий Андреевич был удивительно доброжелательным человеком, прекрасным наблюдателем, любил реку, тайгу, помогал сотрудникам на полевых работах.

– Папа на трех войнах был – империалистической, финской и Великой Отечественной, – рассказывает Анисья Диевна. – Вернулся с фронта живой, и опять за работу.

Зорко охранял лесные богатства и нетронутую природу и Поликарп Григорьевич. Он – настоящий таежник и сам любил наблюдать за птицами и зверями. Поликарп Григорьевич невысок, с белой окладистой бородой, живыми и добрыми глазами под кустистыми белесыми бровями. Как и все, кто живет на природе, он часто вставал с солнышком, едва показывалось оно из-за седых Уральских гор. Шел на бережок речки и усаживался там в уютном местечке. Лесные и речные обитатели тоже уже вставали. По бережку у воды шнырял кулик-сорока, иногда пролетали утки, канючили чайки. На быстрине, на текучей воде, то и дело выпрыгивали за мошкой проворные светлые и блестящие хариусы. Их широкие плавники на спинах в лучах солнца блестели всеми цветами радуги.

Дочь Дия Андреевича Лызлова – Анисья Диевна со своим мужем Поликарпом Григорьевичем Лызловым в день золотой свадьбы. Фото В. Мегалинского.

Судя по всему, Анисья Диевна и Поликарп Григорьевич

остались довольны прожитой жизнью. Поликарп Григорьевич – фронтовик, имеет правительственные награды. Лызловы давно справили свою золотую свадьбу. Вырастили троих детей. Дочь Майя и сын Григорий тоже работают в Печоро-Илычском. Подрастают внуки. Их надо учить.

– Раньше отправишь детей на учебу в интернат – и горя не знаешь, – делится мыслями Анисья Диевна. – Сейчас труднее. В лесу школы нет. Надо отправлять в поселок Якшу. Хорошо, если есть родственники. А если их нет? И все равно детей надо учить. Может, и нам с ними придется ехать в поселок. А пока – на кордоне.

Кордон в тайге, прилегающие к нему лесные угодья раньше входили в состав Вологодской губернии. Даже название реки Печоры навевает думы о лесной глухомани, таежных дебрях, дремучих темно-зеленых хвойниках. Словно это вторая Угрюм-река, только в Европе. Здесь, в верховьях Печоры, проходила северо-восточная граница нашей губернии, и там, на просеке, стояла изба, которую называли Вологодской. У нас, на Севере, любая таежная изба, домик, охотничий стан, даже самое маленькое зимовье особо почитаемы людьми. В жилищах этих можно всегда укрыться от холода, заночевать. И потому лесные избушки берегли, относились к ним по-доброму.

Я давно слышал о Вологодской избе. А что с ней сейчас? Об этом решил узнать у Поликарпа Григорьевича. На письмо ответила Анисья Диевна. Ее мужу около 90 лет, и он плохо видит. «От кордона до Вологодской избы по тропе всего девять километров», – сообщила Анисья Диевна Лызлова. По нашим меркам совсем близко. Изба свой век отжила – столько лет минуло, а название места – Вологодское – сохранилось.

Сейчас заповедник понастроил новых избушек. И на одиннадцатом километре, и на двадцать первом, по тропе. Последняя называется Пристань. Есть избушка на речке Лунваж. В избушки эти приезжают сотрудники заповедника и изучают жизнь птиц и зверей, проводят работы по ботанике. Это летом.

Вологодская изба. Невелико событие. Но это тоже история. Жизнь не вечна не только у человека. Отрадно то, что и через сотню лет название места, где была изба – Вологодское, – сохранилось, не осталось безымянным. Оно сохранилось в памяти жителей тех мест: земледельцев, лесников, охотников, работников заповедника. Значит, люди, живущие здесь, помнят и уважают тех, с кем они когда-то были вместе, продолжают дружить и сотрудничать сейчас.

В 1996 году в жизни заповедных территорий Коми произошло важное событие. Национальный парк «Югыд-ва» Печоро-

Илычского заповедника и прилегающие к нему территории буферной зоны были включены в список Всемирного культурного наследия как новый памятник под условным названием «Девственные леса Коми». Это – первый в России объект, вошедший в почетный список Всемирного наследия.

Здравствуй, солнце!

Заря охватила полнеба. То ли из-за края земли Колымской, то ли из морских глубин окиян-моря синего, словно сполохи северного сияния, бьют огненные лучи-стрелы. Они неугасимо ярки, словно пожар небесный. Огнем-полымем горит всходящее солнце. Заря вечерняя догоняла утреннюю. Незакатны июньские ночи севера. Солнце уже взошло, выкатилось из-за горизонта и сразу осветило лобастые купола седых Уральских гор приполярья, вершины отрогов, причудливые останцы, серые камни-валуны – «бараньи лбы», россыпи камней. Все светится, все великолепно и живописно. И небо голубое, и ясное, без облачка. Солнце, осветив распадки, заросшие хилым низкорослым леском, перевалило за хребет, за «Камень», и покатило дальше, к лесистым берегам Верхней Печоры, подступающим к самой воде. Лучи светила заскользили по вершине кряжистого великана-кедра с могучей кроной, забравшегося на береговую кручу, ударили по макушкам темно-зеленых островерхих пихт, пробились сквозь мохнатые лапы елей, листву чернолесья-подсада, растущего во втором ярусе леса, и бликами заиграли в прогалах на стволах красных сосен.

Солнце заглянуло в приречную луговину-пойму. И тотчас засеребрились бусинки воды на набрякших росой густых травах, на узких зеленых листочках краснотала и осоки. Из глубины омутов вышла на простор, на освещенную солнцем гладь реки рыба: сиг, нельма, голец, омуль. Но семги не было. Как только осенью в верховьях реки она выметала икру, сразу же скатилась вниз по реке и ушла в море.

Просвистев крыльями, пара уток опустилась в мелководный заливчик, и птицы сразу принялись нырять, доставать со дна какую-то травку.

По песчаному бережку – запеску бегал длинноносый кулик-сорока и что-то клевал. Наверно, спрятавшихся рачков-бокоплавов, плавунцов, водолюбов, гладышей. На мысок речной излучины прилетел куличок-хрустан, небольшой, с пестрой спинкой и темно-рыжеватым брюшком. Не однажды читал о хрустанах, как о птицах загадочных и необычных. «А чего в них такого?» – возразил мне знакомый молодой полярник, окончивший Арктический институт в Питере и не первый год живший в далеком чукотском городе Певек. – Они такие же кулички, как и золотистые ржанки, тулесы, зуйки, которые летом обитают у нас, на севере». У хрустана даже обидная кличка есть, кто-то в насмешку придумал – сивка глупая. Слишком глупы, неосторожны, не в меру доверчивы птицы.

Солнце двигалось своим извечным путем-кругом, забиралось все выше и выше и уже осветило Усть-Унью, Курью, реку Большой Шижим, охотничью заимку моих добрых знакомых Лызловых – Поликарпа Григорьевича и Анисьи Диевны – и еще много поселений Коми-края. Двигалась, конечно, земля, а не солнце. И радовались солнцу звери и птицы, все живое и сущее на земле. Птицы и звери чутко улавливают начало нового дня, момент, когда проснется светило. Многие встают раньше, чем поднимается солнце. Понаблюдайте, посмотрите, как радуются пернатые первым проблескам зари, появлению первых солнечных лучей! Стоит им показаться, и взорвется лес птичьим гомоном. Тогда по-особому зальется в поднебесье крестьянская птица жаворонок, ягненком заблеет невидимый в небе куличок-бекас, громче забормочут тетерева, а скворец у своего домика на березе от избытка чувств зааплодирует крылышками. Не утерпят, сыграют побудку журавли на болоте. Поют и ликуют птицы. И только филин-горюн, усевшись на толстом суку осины, прижимаясь к дереву, прячась от солнца, вцепившись кривыми крючьями когтей в дерево, постарается затаиться. Его день – ночь.

Продолжая свой путь по небу, солнце послушно законам природы. Движется своим извечным кругом, не собьется с пути, не свернет в сторону. И на месте не стоит солнце. День-деньской в работе. Давно ли проснулось светило, а в лучах его уже сияют позолоченные кресты собора блаженного Прокопия Праведного в Великом Устюге, колокольня Успенского собора, каменный шатер Троице-Гледенского монастыря, улицы города, деревянный терем-дворец Всероссийского Деда Мороза. Дальше путь светила – вверх по полноводной когда-то реке Сухоне, по ее живописным берегам до Нюксеницы, до Тотьмы, до самой Вологды. Заглянет солнышко в Бабушкинский район, брызнет лучами по горе Тимановой, доберется до Северных увалов. И где бы ни появилось светило, всюду встают люди, если не поднялись раньше. Во всю горланят петухи-раноставы, хозяйки обряжают коров, выпускают на волю. Коровы мычат, встречаясь друг с дружкой. Пахнет парным молоком. Пастухи с заплечными сумками, набитыми разной снедью, пешком иль на бойких лошаденках, гонят стада то на приречный луг, то в поле. Тихие плеса по Сухоне, озерины-старки, заливчики и неглубокие омуточки заросли травами. В цвету луга – яркие, нарядные.

«Нет ничего благодатнее на свете, чем перволетняя ширь той поры, когда повсюду выступают узоры полевых цветов, еще не познавших ни острия косы, ни зимней стужи, когда вразброд и еще шепотом учится речи народившаяся листва… Прогрелась на солнце не смятая трава, и хочется мчатся по ней босыми ногами,

все вперед и вперед, пока не остановится сердце», – писал Леонид Леонов. Велика наша земля. Кажется, нет ей ни конца, ни края. И каждое утро встает отдохнувшее солнце. Преодолев необъятные просторы земли, оно приходит к нам, даря свет и тепло. И все живое на земле радуется солнцу, на которое четко ориентирована наша жизнь. Увидев его первые утренние лучи, мы говорим: «Здравствуй, солнце! Здравствуйте, люди добрые!».

Сказочный волшебник

«Серебрят снега без устали
Между елок и берез.
Я живу в Великом Устюге
—
Всероссийский Дед Мороз»

Это слова из песни сказочного волшебника, любимого и почитаемого детьми и взрослыми – Дедушки Мороза.

Резиденция Деда Мороза – в Великом Устюге, в сосновом лесочке, в заповедном уголке живой природы. Терем Деда Мороза – из дерева, этого удивительного строительного материала, создающего особый уют и здоровый микроклимат. Украшен терем затейливыми расписными узорами, кружевными окнами, крылечком тесовым.

Восседает Владыка на троне. И есть у него свита, и внучка, юная красавица Снегурочка в одежке голубоватой. Навещают Деда Мороза тысячи его друзей, пишут ему письма не только из России, стран СНГ, но и всего мира. Их так много, что пришлось открыть специальную почту.

А как же Санта Клаус? Тоже Дед Мороз, только проживает в Финляндии. Знакомы деды. Санта Клаус приезжал в гости к нашему волшебнику. Он был очарован его великолепным сказочным царством, теплым и душевным приемом северного чародея и его свиты.

Понравился Санта Клаусу старинный Устюг Великий, его храмы каменные, благодатнейшие места наши, божественная их красота и всюду исконно русское гостеприимство, доброта и внимание. Навещают Деда Мороза тысячи людей, его друзей и поклонников. И особое внимание волшебника – детям. Какая радость мальчишкам и девчонкам отправиться в сказочное удивительное путешествие на родину Деда Мороза, не во сне, а наяву увидеть его, северного волшебника, так любящего детей, пообщаться с ним, встретиться со сказочными героями, к которым ведут «неведомые дорожки» и лесные тропинки… Такое не забывается.

Дед Мороз и сам посещает детские сады, школы, открывает новогодние елки. Всегда и всюду детвора рада встрече с любимым волшебником. Там, где Дед Мороз, царит веселье и радость.

И еще. В древнем русском городе Великий Устюг встречаются

реки Сухона и Юг. Сливаются и текут дальше. Это уже Северная Двина. И льет она воды в само море Белое. Устюжане гордятся своим городом. В нем храмы каменные красоты необыкновенной. Золотом сияют в лучах солнца кресты на куполах. И не зря Устюг назван Великим. Славен он своим историческим наследием, традициями, землепроходцами отважными, народными ремеслами, мастерами-умельцами, горожанами трудолюбивыми и многим другим. За северные моря, к океан-морю синему, за Камень – седые Уральские горы, в таежную Сибирь навстречу солнцу ходили смелые мореходы и землепроходцы, расширяя и укрепляя государство российское. Жива память народная о Семене Дежневе, Ерофее Хабарове, Тимофее Булдакове, Никите Шалаурове и других.

Это он, Семен Дежнев, открыл раздельность между Азией и Америкой, «Табин Промонториум» – Великий Северный угол древних, и Камчатку. Все это важнейшие географические открытия.

Ерофей Хабаров основал город в Приамурье. В честь его он назван Хабаровском.

Велик вклад устюжан в развитие российской торговли. В начале прошлого века земля вологодская занимала обширную территорию от Олонецкого края на Северо-Западе до верховьев Печоры. От Вологды до северо-восточных границ было 1000 верст. Через Великий Устюг проходили пути торговые между Центром,

Севером и Сибирью. По реке Вычегде и другим, по тропам и волокам лесным добирались купцы и служилые люди к землям восточным. И были те земли щедры пушным зверем, рыбой красной, другими природными богатствами.

Исторические памятники архитектуры, белоснежные соборы, дивной красоты изделия из серебра черненого, выразительная резьба по дереву, изделия из бересты и многое другое прославили и прославляют мастеровых людей, всех тружеников земли устюгской.

Орловская корабельная роща

Не только где-то в России есть уникальные реликты родной природы, представляющие огромную ценность. Это, например, и наша Орловская корабельная роща в Великоустюгском районе, которая, по словам профессора Архангельского лесотехнического института Л.Ф. Ипатова, «единственная со времен Петра Первого и случайно сохранившаяся в неизменных границах; остальные рощи давно вырублены, забыты и не представляют теперь лесоводственного и исторического интереса».

«Лесной знатель» А.А. Битрих, детально изучивший рощу в 1911 году, назвал ее жемчужиной, отмечая что леса ее в смысле продуктивности не имеют себе равных не только на Севере, но и центральной России. Высота спелых лиственниц и сосен превышала 40 метров, а запас на один гектар – 600 кубометров. В среднем у нас рубят древостой с запасом около 150 кубометров на гектар.

Территория рощи по северным меркам небольшая – 1276 гектаров. Строки, которые вы прочитали, – из статьи Л.Ф. Ипатова «Сохранят ли устюжане корабельную рощу?», опубликованной в газете «Красный Север» 10 апреля 2008 года. «Орловская роща – это… сама история ведения лесного хозяйства на Севере, – продолжает профессор. – Вначале здесь заготавливали мачтовый, а позднее и строевой лес для нужд кораблестроения. В конце XIX века здесь впервые в России были применены сплошные рубки, продолжавшиеся до 1936 года. И уж чисто по-российски, когда спелые леса были вырублены, рощу объявили памятником природы. По новому лесному кодексу леса ее теперь отнесены к особо ценным, имеющим историческое и научное значение.

В роще выделены и занесены в государственный реестр элитные семенные деревья – сосны и лиственницы, по размерам и качеству не имеющие аналогов в стране. А между тем, есть серьезная проблема, которая может привести к полной утрате ценности этой рощи. И виной всему – ель. Благодаря своей теневыносливости, она постепенно и безвозвратно вытесняет сосну и лиственницу. При первом лесоустройстве в 1868 году насаждения с преобладанием сосны составляли 70 процентов, сейчас их осталось менее половины. Почти полностью оправдались прогнозы А.А. Битриха о том, что ель продиктовала сосне и лиственнице смертный приговор, если не будут приняты меры к ее обузданию».

Таксация насаждений. Памятник природы «Орловская роща». Усть-Алексеевское лесничество. Плюсовое дерево. 2003 год. А.П. Байлов

Вологодской области здорово повезло, что природа наградила ее таким ценным и неповторимым лесным массивом. Понимая, что рощу незамедлительно надо спасать от ели, великоустюгские лесоводы, возглавляемые директором лесхоза М.А. Фалевским и главным лесничим А.П. Костюком, предприняли с 2004 года очень смелые и правильные шаги по уничтожению нежелательной породы. Это, на мой взгляд, единственный выход, ибо лесная наука и практика не

располагают какими-то особыми приемами предотвращения смены сосны на ель.

Благодаря поддержке заместителя Губернатора В.В. Грачева и начальника департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды В.М. Кумзерова, работы по выдворению ели из рощи продолжаются.

Орловская роща – уникальный памятник природы, имеющий историческое и научное значение. Роща находится в 50 километрах от Великого Устюга и расположена на высоком водораздельном плато при слиянии рек Юга и Лузы. Лесовод Алексей Павлович Байлов (из г. В-Устюг) – один из тех, кто принимал участие в работах по уходу и выращиванию сосны и лиственницы в знаменитом памятнике природы.

Лесниково дело

У Алексея Павловича Байлова приятное русское лицо. То тронутое летошним загаром, то задубевшее от мороза и колючего, очень тонкого ветерка, который добирается даже до тела, в любую щелку, в любой одежке. Нетрудно догадаться, что такой человек много времени проводит на природе, на чистом воздухе. Да, Алексей Павлович один из лесничих Великоустюгского района. Свою лесную профессию он приобрел давно в специальном учебном заведении. На практику по лесоустройству лесов в 1980-м выезжал в Княжпогостский район автономной Республики Коми.

Высокий. И статью вышел. Ладно сидит камуфляж. Осанка прямая, зоркий взгляд. А еще располагающая улыбка. Таков мой друг сейчас. О знании дела говорить не приходится. Лес – призвание его. Знает лес в совершенстве, до тонкости. Шутка сказать – четверть века прошло. Шагает лесничий бодро и прямо. Людей уважает и ценит их по труду. Сам без дела минуты не просидит.

Многие думают, что деревья в лесу сами растут. Расти-то растут, но что вырастет, если не будет заботы о них лесников. Путного ничего не получится. Это уже проверено.

Лес не только охранять и вырубать надобно, а думать о будущем. Это как дважды два. И не только думать, но и делать все, чтобы расти деревьям ценных пород было вольготно. Чтобы солнце над ними сияло, не мешали расти второстепенные породы деревьев. Тут без рубок ухода не обойтись: прочистка, прореживание – все как положено. И оденется зеленью краснолесье – елки и сосны. И будет зеленое море тайги. Хватает служителям леса других дел и забот: отвод делянок, подчистка просек и визир, уборка заболевших и высохших на корню деревьев, проверка вырубленных делянок, не говоря уже о семенах, о новых посадках. А крыша над головой лесника – небо. Стоит пролиться дождю, окропит он траву, кусты и деревья. Сунешься в лес – промокнешь до нитки. Не обрадуешься. Даже летом замерзнешь.

Работа лесоводов сродни крестьянской. Много у них такого, что характерно для тех и других. И не только «крыша над головой». Работают они на земле, труд на которой всегда тяжел. Одни выращивают хлеб, другие – лес. И все же лесовод – не крестьянин. Хлебороб засеет весной поля и через три месяца – радуйся, собирай урожай. И это очень хорошо. Хлеб – богатство деревни, богатство страны – главнейший продовольственный

продукт для жизни человека. А еще продукт стратегический.

Чтобы собрать урожай леснику, подчас и жизни не хватит. Береза готова к рубке с 60 лет, ель поспевает со 100, сосна со 120 лет. Стало быть, трудятся лесники на перспективу, для будущих поколений. Работы у них хватает, а оплата не ахти какая. Но люди преданы делу, а к работе не привыкать. И оптимизм впридачу.

А тут еще очередные изменения в структуре лесного хозяйства. «Что и как будет дальше, поживем – увидим», – говорит Алексей Павлович. Он лесовод, и этим все сказано. Хотя и точит забота сердце лесничего: «Одним днем в нашей профессии жить нельзя. Лесопользование должно быть устойчивое и постоянное. И тут нужны специалисты, знатоки своего дела».

Еще в начале зимы лесничий поднял людей на заготовку шишек ели. Радуется Байлов, что план перевыполнили, заготовив 1,3 тонны шишек. В каждой из них десятки легких семян. Прикиньте, какую площадь можно будет засеять лесом! Хотя работы с посевным материалом еще много: надо добыть семена, подготовить их и посадить в питомник, вырастить сеянцы, провести посадку саженцев. Но процесс, как говорил Горбачев, пошел. Рассказывая о работе служителей зеленого царства, не забыть бы о том, что очень часто лесоводы встречаются в лесу с его обитателями. И забота об охране пернатых и четвероногих обитателей, об их жизни – тоже важное для лесников дело.

И, сами того не ведая, лесоводы попутно со своей работой познают окружающий мир природы, наблюдают смену времен года, другие явления и перемены. Они первыми узнают о приходе весны, услышав необычный стукоток дятлов, песенку птички веснянки, увидев оживление муравьишек, собравшихся на куполе своего жилища. А появились муравьи – значит, и топтыга-медведь проснулся.

Красоты родной северной природы, русского леса, его обитателей у многих вызывают мысли и чувства, о которых хочется рассказать другим. Отсюда интерес к поэзии. Предлагаем прочесть стихи лесного знателя Алексея Байлова, тонко чувствующего и понимающего природу.

Его стихи

Мечты и воспоминания

В тот дальний уголок природы
Мы шли полдня пешком
С хозяином обхода
Володей-лесником.

Шли тропкою пробитой,
Молоденьким леском,
Не задевая веток
Тяжелым рюкзаком.

Все ясно и понятно —
Приложена рука,
И похвалить приятно
Работу лесника.

Дорога – недорога,
А все ж она прямей,
Короче нет маршрута —
Лесничему видней.

За сотню метров с лишним
Все видно впереди,
А под ногами – грузди,
Смотри, не прогляди!

Мы подошли к полянке.
Внизу ручей течет,
А в ельнике землянка
Скучает и зовет.

Дров быстро нарубили.
Печурку затопив,
Чайку сообразили,
Слегка перекусив.

В землянке, как в парилке,
Спина и лоб в поту.
Через четыре часика

Всю снимет ломоту.

Мы с лесником мечтали,
Как в той лесной глуши
Построить домик с баней
Для отдыха души.

Чтоб утром встал и видел,
Как солнышко встает,
Как трелями на зорьке
Соловушка поет.

Чтоб аромат с полянки,
Волнуя в жилах кровь,
Затронул наши чувства,
Как первая любовь.

Мы знаем цену дружбе,
Она крепка, пока
Лесные щи и кашу
Едим из котелка.

Апрель

Зима заплакала снегами,
Когда пришел крутой апрель.
Он ярким солнцем, резким ветром
Ей преподнес такой «капель».

Что покрывало промочило,
Смывая белый макияж.
Зима на север отступила,
Оставив позади мираж.

Птиц перезвон не утихает,
Всех радует приход весны,
И речки бурно заиграли,
Сбылись их радужные сны.

Лось вышел на опушку леса
И долго, замерев, стоял.
Он наслаждался птичьим пеньем,

Наверно, что-то понимал.

Я тоже, прислонившись к ели,
Смотрел и думал про себя,
Как можно не любить Россию?!
Как можно не любить тебя!!!

Гусей крикливых караван…

Гуси – это крупные водоплавающие птицы, легко узнаваемые по своему гогочущему крику. Часто сначала услышишь голоса птиц, а потом оглядишь стаю.

Прилетели журавли и гуси – значит, пришла весна. Большинство гусей гнездится на севере, в тундре и встречается у нас лишь на пролетах. Много гусей, уток, чаек и некоторых видов куликов остаются на зиму в Европе, в районах, примыкающих к Атлантическому побережью и Средиземноморью. Эти птицы весной, добираясь до тундры, чаще всего и появляются в нашем северном крае. В Великом Устюге нередко встречаются окольцованные птицы. Весной 2006 года была отловлена окольцованная в Голландии чайка.

Зимуют гуси на Каспийском и Черном морях, в Японии и Китае. Видов гусей около десятка. Среди них серый гусь, гуменник и другие. Гуси имеют серую окраску оперения со светлой штриховкой и различным цветом перепончатых лап. Клюв у серого гуся бледно-розовый или желтоватый, ноги светло-красные.

У нас чаще встречается белолобый гусь, или белолобик, как называют его охотники. Он меньших размеров по сравнению с серым гусем и гуменником. Шея, голова и щеки белолобика светло-белые. У основания клюва белая полоса. Лапы оранжевые.

Весенняя и осенняя миграции гусей проходят одними и теми же путями. Долетев до средней полосы России (сюда можно отнести и нашу Вологодскую область), гуси надолго останавливаются. В это время на Севере, где птицам предстоит вывести птенцов, еще царствует зима. Благодаря остановке, гуси отдыхают, восстанавливают свои энергетические ресурсы.

У нас гуси держатся в угодьях Рыбинского водохранилища, на водно-болотных участках Череповецкого и Шекснинского районов, в Присухонской низине и других подходящих местах. Днем птицы отдыхают на больших водоемах, на разливах, затопленных местах труднопроходимых болот. Основу питания гусей составляют растительные корма. Ближе к вечеру, часа в три, гуси вылетают на кормежку, часто на хлебные поля. Иногда им удается отыскать неубранные осенью участки. Если их нет, гуси летят на только что засеянные хлебные нивы и собирают зерна. Тем самым гуси наносят ущерб сельскому хозяйству. Гуси – птицы прожорливые. На ночевку гуси возвращаются в те места, где отдыхали днем. А чуть свет снова летят на пашни.

Гусиный остров

В Великоустюгском районе одно из самых посещаемых гусями мест – Красный остров. Он расположен недалеко от устья реки Юг. В былые времена остров славился сенокосными угодьями. И сейчас там проводится заготовка кормов, хотя и в меньших объемах. В перволетье длинен день и ночью светло. Травы тянутся к солнцу, густеют и поднимаются на глазах. Не травы – травищи! Луга в цвету. Сколько их, ярких, нарядных: пышные розовые соцветия клевера, донник, лиловые колокольчики, овсяница луговая, лисохвост, пырей, ежа – всех не перечислишь. Еще не сошла роса, а шмели и осы копошатся в цветках. Отыскивают сладкий нектар.

Приходит июль-сенозарник, и приречные луга оглашаются звоном кос. Белые ночи проходят быстро, надо спешить – скосить травы до жатвы. С каждым днем на острове высится все больше стогов душистого сена с неповторимым ароматом самых «молочных» трав. Сейчас луга на острове теснит разросшийся ивняк, заросли колючего шиповника, но сенокос продолжается.

Весной на острове (а он в длину километров 7–8) находят приют гусиные стаи. Широкий простор разлива. Безлистные еще тальники, захлестнутые водополицей. Лугов хватает, но свежая трава еще не выросла. Гуси прилетают на разлив с вечера, опускаются на воду. Из-за кустов ивовой непролази доносится их гоготание. Но вот птицы угомонились. Темнеет на глазах. И уже неразличимы деревца, залитые водой, темно небо. Но все еще поют соловьи, варакушки, посвистывают кулички. Около кустов всплески – наверно, бултыхается, мечет икру щука, или плещутся утки. А, может, приплыл бобр и скусывает свежие побеги ивняка или гложет кору. Высоко в небе перемигиваются звезды, они яркие и крупные. Всех заметнее Венера. То и дело слышится свист крыльев пролетающих в поднебесье птичьих караванов.

Ночи еще прохладны, если не сказать холодны, у воды – особенно. Прикорнул чуток на сухом местечке. Проснулся от холода в самую темень – зги не видно. Понял – это темнозорь, то самое короткое время, которое отделяет ночь от утра. Его по каким-то особенным признакам безошибочно определяют птицы и звери. Одной из первых просыпается зарянка – небольшая, с воробья, серая птичка с алой грудкой. Ночуешь в лесу, и обязательно раным-рано услышишь ее веселые трельки-песенки.

Небо на горизонте светлеет. В небесной выси задребезжал маленький куличок-бекас. Его не видно. Хоркая и цвикая, пролетел лесной кулик-вальдшнеп. Но улетел куда-то, поняв, что

над разливом ему делать нечего.

И опять гогочут гуси. Стая за стаей они поднимаются с воды и летят на кормежку. Не раз замечал: даже в начале мая в Устюге выпадал снег. Тогда гусиные стаи отлетали на Юг в сторону Никольска. Что стоит гусям пролететь сотню-полторы километров? Обширные поля есть и ближе Никольска – в Маркове, Вахневе, Аргунове, и если снега там нет, гуси кормятся на полях. Потеплеет, и гуси полетят по Северной Двине, дальше на север.

И там тоже есть подходящие для гусей места – луга Шомоксы, поймы, протоки, пересеченная местность. А дальше – острова Кошкидаев, Рогозинские и другие. Гуси живут парами, создают их надолго, может, на всю жизнь. Самым тяжелым временем на местах гнездовий является линька. У птиц выпадают маховые перья, они не могут летать и им трудно уберечься от преследователей. Врагов у гусей немало.

Рысь в «Баварии»

Среди хищных зверей лесного царства Деда Мороза особое место занимает рысь. Очень красива и грациозна эта кошка. Высокая, на ногах – с мягким и густым мехом с черными накрапинами. Пятна темного цвета у разных особей выражены более или менее ярко. Длинная шерсть на морде зверя образует раздвоенную бороду – баки. Верхняя губа усажена длинными усами. Уши с черными кисточками на концах. Короткий, куцый хвост. У рыси плотное сложение и мощные лапы. Длина туловища зверя более метра. Когти у рыси длинные и очень острые, они спрятаны, как у домашних кошек, в подушечки и потому не тупятся.

Рысь ловка и проворна, хорошо лазает по деревьям. Затаившись на толстом суку, лесная кошка подкарауливает добычу. Как у всех хищных зверей леса, у рыси острое зрение, хороший слух, чуть слабее обоняние.

Рыси обитают в основном в смешанных лесах, там, где много зайцев и другой разнообразной дичи. Рысь – ночное животное. Добычей зверя часто бывают зайцы, другие мелкие животные, мыши редко. В снегу рысь ловит укрывшихся от мороза глухарей, тетеревов и рябчиков. Лесная кошка любит свежатинку. Иногда рысь не съедает до конца даже то, что поймала.

Следы рыси на снегу большие и круглые, спереди тупые. Зверь любит ходить по чуть припорошенной снежком лыжне. Зимой рыси нередко появляются не только в небольших деревеньках и лесных поселках, но и в городах, даже больших, бывали и в Вологде. Причина тому – глубокоснежье, когда даже лесной кошке трудно поймать зверька или птицу. Голод гонит рысей, кабанов к человеческому жилью. Помню, как две рыси появились в окрестностях Никольска. Следы одной из них с охотоведом С. Кумовым рано утром мы видели на крылечке магазина, в котором принимали шкуры животных и пушнину. Очевидно, рысь заслышала запах мяса. Пока мы искали рысь в верхней части города, она много набродила по огородам в его нижней части, заглянув при этом и на приусадебный участок охотоведа.

Много раз рыси навещали зимой город Великий Устюг. Одна из лесных кошек почему-то наведалась к «Баварии». По-старинке так устюжане называют пивзавод, основанный до революции немцем Людвигом Георгом Зельбильдом. Устюгское пиво славилось и в советские времена. Производят его и сейчас. Может, рысь тоже заявилась отведать этого напитка, забыв про

свою глухомань? Испуганные горожане с опаской поглядывали на незваную лесную гостью и были настороже, старались подальше держаться от зверя. Как никак рысь – хищник. Были и те, кто восхищались элегантностью и красотой пятнистой кошки, любовались ее зимним, пятнистым мехом, выразительным взглядом янтарных глаз, косматыми бакенбардами и длинными ушами с кисточками. Было такое ощущение, что нападать она ни на кого и не собиралась. Многим запомнилась эта встреча. И если бы одна!

В январе того же года в поселке Кузино (рядом с Великим Устюгом) ребята, которые катались на лыжах, видели большую рысь рыже-охристого окраса, сидевшую на заборе. На нее тоже с интересом смотрели прохожие. И еще одна рысь в конце первой декады января объявилась в микрорайоне «Борок», недалеко от гимназии. Посыпались звонки работникам охотнадзора, в общество охотников.

Я попросил прокомментировать случившееся устюгского биолога-охотоведа Г.Н. Шишелова.

– Много раз рыси появлялись в Великом Устюге, поселках и других населенных пунктах, – сказал Григорий Николаевич. – Это не от хорошей жизни лесных обитателей. Трудно отыскать лесным зверям корм, когда суровая зима, метровые снега. Не зря говорят: «Голод – не тетка». Дикие звери лишаются страха даже перед человеком. Те же рыси, которые при благоприятных условиях поедают иногда лишь лакомые кусочки добычи, вынуждены побираться на свалках. Долг всех, кому дорога природа, – помогать диким животным в трудную зимнюю пору, устраивать для них кормушки, подкармливать отходами.

Двинозавры

В апреле 2008 года в Никольской газете «Авангард» директор музея Т.В. Шиловская сообщала, что среди экспонатов в музее хранится зуб мамонта. Его нашли на берегу речушки около деревни Чушевино.

В музее Никольска, который возглавлял Н.Г. Лешуковдо Великой Отечественной войны, останков древних животных, в том числе и мамонтов, было много. Это я помню хорошо.

Хочется рассказать о находках и открытиях известного в свое время ученого, геолога и палеонтолога Владимира Прохоровича Амалицкого. Он занимался раскопками у нас, на севере, в том числе на реке Сухоне и у слияния рек Юг и Северная Двина.

С детства Амалицкий отличался любовью к природе и интересом к естественным наукам. В 1883 году Владимир Прохорович окончил Петербургский университет со степенью кандидата. Позднее ему были присвоены и более высокие степени. Учился он при кафедре известного ученого В.В. Докучаева, который предложил инициативному молодому Амалицкому участвовать в большой экспедиции по исследованию земель Нижегородской губернии. Геологическая экспедиция прошла успешно.

Но В.П. Амалицкого продолжали интересовать северные земли – жизнь пресмыкающихся и земноводных исполинов древности.

Крутые берега рек всегда были весьма подходящим местом для раскопок. В конце XIX – начале XX века ученый исследовал Сухону и Северную Двину. Здесь его ждала удача. На северной Двине, поблизости от деревни Екимовской, В.П. Амалицкий обнаружил окаменелости. Их состав и формы были близки к отложениям, найденным в Индии и Южной Америке. Находка подсказывала, что тут могут встретиться остатки позвоночных подобного типа. Поиски продолжались. И вот – удача. На сорокапятиметровом обрыве Северной Двины Амалицкий находит кости, черепа и даже скальпы пресмыкающихся и земноводных, живших в так называемый «пермский период».

Формируя коллекцию, ученый сам давал названия ископаемым: «Иностранцевий», «Двинозавр», «Котлассия» и т. д. Нетрудно догадаться, что так они были названы в честь нашей Северной Двины, берущей начало в Устюге и расположенном недалеко от него городе Котласе. Но это даже не главное. Небывалый успех В.П. Амалицкого поразил ученых всего мира. За время экспедиции было собрано 1200 видов экспонатов. Среди

них пять целых скелетов.

В.П. Амалицким было научно доказано теснейшее родство нашей пермской фауны с южноафриканскими землями. И это теперь никто не оспаривает.

Собранные экспонаты Амалицкого хранятся в столичном палеонтологическом музее Российской Академии наук под названием «Северо-Двинская галерея».

Владимир Прохорович Амалицкий

Кичменгский городок

В ста верстах от Устюга Великого, если ехать на юг по автомагистрали Котлас-Урень, есть село Кичменгский Городок. По той же трассе из Никольска на север до Кичменгского Городка всего 70 километров.

В древности селение называлось Городком-крепостью и предназначено было отражать набеги вражьих полчищ, прежде всего казанских татар. А ежели это не удастся самим, то в случае появления татарвы наказано было сообщать о появлении захватчиков в Устюг. Кичменгские жители как могли стерегли землю Русскую.

Были еще такие городки-городища по Югу, Сухоне и другим рекам. Попасть в Кичменгский городок-крепость татарве не представляло большого труда. Река Молома, впадающая в реку Вятку, близка от верховьев реки Юг. А по сухопутью от Моломы до Кичменгского городища совсем близко. «В Кичменгской волости городок Кичменгский деревянный, рублен в клетки, а в нем на воротах колокольня, да башня отводная, да 45 городен. А на городке наряд 25 пищалей ручных, да 11 пищалей затинных… да у городка же на площади дворца оборочные бобыльские, – пишет в словаре географических названий доктор филологических наук, профессор Ю.И. Чайкина. – Справно несли службу сторожевые посты. Наблюдали за появлением татарских ватаг, стерегли землю русскую».

«25 пищалей, да 11 пищалей затинных… не велико было вооружение русичей городища Кичменгского супротив несть числа татарской рати…». Вот что сообщает, например, Устюжский летописец: «1468 год… проходили татарве казанские ратью… взяли городок Кичменгу и огнем сожгли и с людьми». Бывали такие нападения захватчиков и раньше, свидетельствует Устюгский летописец: «Год 1462. Того же лета посылал князь великий Иван Васильевич рать на черемису, воевод своих Бориса Кожонова, да Бориса Слепаго, а с ними устюжане, да вологжане, да галичане. А шли воеводы мимо Устюга к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь. Того же лета рать черемисская с татара казаньскими приходили на Устюгский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоевали, в полон повели много русских голов. А устюжане ходили за ними в погоню; согнав их, побили всех, в полон назад отполонили весь». (Полное собрание Русских летописей. Наука. 1982. Том 37).

Наличие большого количества рек – водных путей в бассейнах Юга, Сухоны, Северной Двины, Ветлуги и Унжи –

позволяло северянам, в том числе и кичмежанам, широко вести оживленные торговые отношения, укреплять экономику. Барки и специальные плоты строились не только в Никольске, но и Кичменгских волостях, на речках Кичменга и Ентала.

Церковь Александра Невского (действующая)

Торговый путь из Москвы в Архангельск проходил через Кичменгский Городок, и это способствовало развитию торговых отношений. По реке Унже и Кеме можно было добраться совсем близко к реке Шарженьга, а это уже бассейн реки Юг, впадает Шарженьга в него в пределах Кич. – Городецких волостей или вблизи от них.

В Кичменгском Городке ежегодно устраивались две ярмарки –

Петровская и Михайловская, оборот которых превышал 30 тысяч рублей. Раньше это были большие деньги. Но торговля велась в течение всего года.

Югские волости, в состав которых входили и Кичменгско-Городецкие, занимали первое место по количеству зерна, поставляемого на рынок Устюга. Как и во всем Никольском уезде, главной зерновой культурой была рожь. Не очень требовательная к почве, при соблюдении основных правил ее обработки, удобрении, севе в оптимальные сроки качественными семенами, рожь давала хорошие, стабильные урожаи зерна. В те давние времена рожь считалась наиболее выгодной зерновой культурой на наших северных землях. По плодородию они разнились. Славился уезд и городецкие волости льном, который был известен даже за пределами Вологодской губернии как «Южский». 67,5 процентов льна шло на продажу. Деревенские женщины зарекомендовали себя как искусные мастерицы, производили они не только грубые холсты, но и изготовляли красивые, прочные льняные ткани: полотна, пестряди, полотенца с вышивкой и прочее.

Фонтан на Центральной площади

Самые высокие урожаи обеспечивали лен и рожь, особенно при посеве на новинах-подсеках. Поэтому росчисти новых участков для земледелия велись ежегодно. Ущерба лесам подсеки не приносили, потому что леса обладают способностью

возобновляться.

Крестьяне уезда вели полунатуральное хозяйство, почти все необходимые для жизни предметы и продукты питания производили сами.

И если продолжать разговор о ратных делах, то достойные предков своих кичмежане внесли огромный вклад в дело разгрома гитлеровцев в Великой Отечественной войне. Тысячи защитников Родины героически сражались на всех фронтах, начиная с обороны Москвы в 1941-м, под Сталинградом, на Огненной дуге, под Курском и Харьковом, форсировали реку наших Героев – Днепр.

На всю страну известно имя прославленного военачальника, Героя Советского Союза генерала армии Казакова Михаила Ильича, в свое время начальника штаба объединенных сил Варшавского договора, а в военное время командующего штабами и армиями фронтов.

Берег реки Кичменьги

И уж совсем близко от Кичменгского Городка, от реки Юг, текущей на север, малая родина первого Никольского военного комиссара, дважды Героя Советского Союза маршала Конева Ивана Степановича. Родился Иван Степанович в деревне Лодейно.

Летом 1944 года, когда война продолжалась, и никто не знал, когда она кончится, и предстоят ли еще другие войны, мне и другим старшеклассникам Никольского и Кигменгско-Городецкого районов довелось быть участниками двухнедельных военных сборов. Проводились они в Кичменгском Городке и являлись завершением военной подготовки призывников,

которым предстояла служба в рядах Красной Армии. С тех пор я и узнал многие фамилии тружеников соседнего района. Среди них были Казаковы и Суворовы, Шаравины и Летовальцевы, Щепелины и Шемякины, Наволоцкие, Глебовы…

Генерал армии М.И. Казаков

Позднее не раз встречал эти фамилии в энциклопедических словарях и фолиантах, слышал не только по местному радиовещанию, но и центральному, видел в телепередачах из Москвы, а иногда встречался в обыденной жизни. И у всех их – людей высоких достижений в различных сферах деятельности,

инженеров, строителей, ученых, врачей и учителей, работников культуры, рядовых тружеников, – есть одна важная особенность. Родом они из деревни, и каждый, кого просили рассказать о себе, начинал рассказ о своей малой родине.

Недавно мне потребовалось обратиться к книге вологодского землячества в Москве, рассказывающей о московских вологжанах. И сколько там оказалось людей из Кичменгского Городка, людей заметных, известных на всю Россию, к которым испытываешь искреннее уважение. Все они когда-то принадлежали к славному сословию земледельцев-пахарей. Вспомнил известного вологодского поэта Сергея Васильевича Викулова:

Прямая жизнь у родичей моих.
Мужчины те в руках своих
Держали то плуг, то меч…
А бабы – жены их – солдат
Земле да пахарей рожали…

Родители Александра Александровича Шаравина – участники Великой Отечественной. Он родился в Кичменгско-Городецком районе. Александр Александрович – кандидат военных и доктор технических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, всемирный академик комплексной безопасности, международный академик информации при ООН.

Я люблю эти тихие зори
И туман по-над Югом-рекой,
И поросшие лесом угоры,
От которых так веет тоской.
Где-то там, на одном из угоров,
Деревенька родная стоит,
А внизу, укрываясь от взоров,
Кузюг в Енталу-речку бежит.

Автор стихотворения И.П. Уланов, родившийся в 1946 году в деревне Кексур Верхнее-Ентальского поселения. И.П. Уланов – ныне руководитель одной проектно-строительной фирмы в Москве.

«Я часто бываю в родных местах. В деревне Ваганово живет моя мама. Дети – дочь и зять с моей пятилетней внучкой Аришкой – приезжают в этот дом на лето. Какое-то особое чувство тянет в деревню, – пишет Наталья Анатольевна Шемякина. – В деревне и пишется, и дышится, и думается по-особенному –

светло, чисто и радостно».

Сегодня Наталья Анатольевна служит в департаменте образования Москвы и участвует в реализации международных и межрегиональных программ. В землячестве руководит молодежной секцией. Перечислить всех невозможно.

Но вернемся к земледельцу-пахарю. Причастность к этому славному сословию, самобытности, любви и уважению друг к другу, доброте уже сами по себе высочайшие качества, присущие человеку. Земледельца-пахаря из нынешних крестьян с теми, кто достиг в жизни иных ориентиров, объединяет земля-матушка, пусть даже в детстве. Земля – это удивительное творение природы. Любовь к ней воспитывается с детства и на всю жизнь. Только на земле и нигде больше нельзя вырастить хлеб, картофель, овощи и многое другое, обеспечить производство продуктов животноводства. Без труда на земле по сути дела невозможно существование человека. В деревне всегда знали цену земле и хлебу. Чем нравится деревня? Тем, что здесь с детства приучали к труду. Дети воспитывались в крепкой семье, в ее духовной атмосфере честности и правдивости. На селе была велика сплоченность и единение людей. Примером тому могут служить помочи – бескорыстная помощь другому в проведении важнейших работ.

Живущие среди природы, ее животного мира, люди особенно остро ощущают понятие «малая родина». Именно с чувством неизбывной сыновней любви к ней и начинает рассказ о себе каждый. Если хотите, это русский менталитет.

Сейчас, в основе своей, на селе остались индивидуальные крестьянские хозяйства, которые именуются подворьями. Кто сколько может, тот столько и производит сельскохозяйственной продукции. Но любовь к земле осталась даже у тех, кто уехал в города. Хотя бы любовь к тем заветным шести соткам дачного участка. И люди с удовольствием выращивают овощи, разводят сады.

Земледельцы села надеются на улучшение дел в аграрном секторе. Поставил же губернатор В.Е. Позгалев задачу: каждому району обеспечить свои потребности в зерне, увеличить производство молока и мяса, других продуктов. Акцент надо сделать на развитие среднего предпринимательства.

Возрастает и помощь селу для развития сельскохозяйственного производства. Есть в Кичменгско-Городецком районе предприятие, имеющее прямое отношение к сельскому хозяйству. Это мясокомбинат, много лет стабильно работающий и поставляющий свою продукцию, пользующуюся большим спросом не только в своем районе. Умело руководит им

бессменный депутат законодательного собрания области Нина Степановна Попова.

Нина Степановна родилась в многодетной семье, впрочем, в то время самой обыкновенной, русской, в большом селе Средний Караган Воронежской области. Отец-фронтовик прожил недолго, и всех пятерых воспитывала мать, простая сельская труженица. Нина Степановна окончила Ленинградский ветеринарный институт и по распределению была направлена в Кичменгско-Городецкий район. С ним и связала свою жизнь, став заметным человеком не только в районе, но и в Вологодской области. Своим беззаветным трудом, заботой о людях заслужив высочайший авторитет тружеников города и села.

Гуляние в День Города в Березовом парке

«Для Никольского, Кич. – Городецкого, Бабушкинского районов и некоторых других мест характерен увалистый рельеф местности с пологовершинными грядами-увалами. Возвышенности эти известны как Северные Увалы. Их возраст – не одно тысячелетие. Ландшафты формировались по мере отступления ледника, занимавшего некогда всю территорию Вологодской области. Граница оледенения является важным ландшафтным рубежом», – пишет ученый Г.А. Воробьев.

«В Вологодской области основными лесообразующими породами являются шесть видов деревьев: ель обыкновенная, ель сибирская, сосна обыкновенная, березы (повислая и пушистая), осина, ольха серая. Лиственница сибирская, пихта сибирская и

сосна сибирская могут иногда входить в состав древостоев лесов восточных регионов области или искусственных насаждений» (Т.А. Суслова, А.Б. Чхобадзе – «Флора лесов», из книги «Леса земли вологодской»).

В месте слияния рек Кичменги и Юга в Кичменгско-Городецком районе располагается памятник природы «Захаровский бор». Есть лес, есть и лесозаготовители – предприятия по заготовке и переработке древесины – АООТ «Кичменгско-Городецкий ЛПХ», другие частные предприниматели.

Для развития лесной отрасли, да и других, очень важным явился пуск в эксплуатацию моста через реку Юг в районе Подосиновца (Кировская область) в 2008 году. Мост связал Вологодскую и Кировскую области. К месту события на вертолете прилетел губернатор Вологодской области В. Позгалев, где встретился с тогдашним губернатором Кировской области Л. Шаклеиным. Уже тогда у более 50 предприятий Кировской области были налажены деловые связи с партнерами из Вологодской области, а годовой товарооборот составил 720 миллионов рублей. Беспрепятственный проезд по мосту позволил развивать дальнейшее целенаправленное сотрудничество, сближать регионы, еще более эффективно использовать их резервы.

Государева дорога

Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза.
То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлют пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.

Николай Рубцов.

Любой город, тем более уездный, должен иметь связь с губернией, другими городами. К ним вели дороги, именуемые на Руси трактами или большаками. Из Никольска на Великий Устюг шел Устюгский тракт. Тракт из Никольска на Вологду появился позднее. Поэтому почту отправляли через Великий Устюг.

Очень важным для Никольска и района был тракт на Шарью. И это несмотря на то, что Шарья находилась в Костромской губернии. С давних пор она имела для Никольска первостепенное значение. Она, как окно в центр России, местный путь «из варяг в греки». Путь этот был самым кратчайшим в цивилизацию – На Москву, Нижний Новгород, на Вятку, Урал и дальше, на восток. Дорогу, которая вела из Шарьи в сторону Никольска и Великого Устюга через село Пыщуг, называли Государевой. И не случайно.

Строилась она по велению Императрицы Екатерины II. Она прекрасно понимала необходимость и значимость данного деяния – соединить юг с севером. И не было более подходящего пути, чем оный. Нижний Новгород – Урень – Ветлуга – Шарья – Пыщуг – Никольск – древнерусский город Великий Устюг – Котлас. Если даже официально никто не давал такого названия, то народ окрестил. Так и звали дорогу – Государева.

Все хотели видеть эту дорогу не только хорошей, благоустроенной, но и красивой. Поэтому, наряду с основными работами по прокладке полотна, стали вдоль дороги, на обочинах, сажать молодые березки. Еще лет 40–50 назад за

Березовым можно было видеть кое-где остатки этих старых насаждений и «версты полосаты» вдоль тракта на Шарью. Дорогу старались делать надежно. Там же, недалеко от Березово, несколько лет назад при строительстве новой трассы строители извлекли любопытную находку – толстые, почерневшие от времени дубы, распиленные вдоль. Ими была выстлана гать. Куда, как не на строительство именно Государевой дороги, а не какой иной, был употреблен столь дорогостоящий материал? А заготовили и привезли его за добрую сотню километров, а может, и дальше. И посадки аллей возле тракта, и особо прочная дубовая древесина, и верстовые столбы – все это следы давно ушедших времен. Это уже история, история тех самых мест, той самой Государевой дороги – памятника прошлого нашей Святой Руси. И мы не должны, не можем забывать об этом. И как тут вновь не вспомнить Святое, пушкинское:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Без прошлого нет будущего, нет Родины.

От Никольска в сторону Шарьи разбежались деревеньки Родюкино, Кузнечиха, Кожаево, Плаксино, Козловка, Пермас, Бродавица, Березово. В те давние времена избы в деревнях были, в основном, неказистые, с посеревшими от дождя и снега крышами, с маленькими подслеповатыми окошечками, смотрящими на дорогу.

2 августа, по месяцеслову «Пророк Илия», в Никольске особо почитаемый день, большой праздник – Ильинская ярмарка. Раньше из-за бездорожья купцы с Вятки и Нижнего, со среднего Поволжья иногда и проехать не могли. Приезжали с товарами зимой, по санному пути. Привозили белую муку, рыбу, сладости, мануфактуру и многое другое.

Так и пролетали год за годом, десятилетие за десятилетием. Незаметно текла жизнь обывателей захолустного городка, каким был Никольск. Постепенно кое-что менялось к лучшему. Светлели дома горожан. Появлялись новые, двухэтажные, купеческие. На Нижний Новгород, на Вятку, с колокольцами под расписными дугами, в нарядной сбруе, мчали удалые ямщицкие тройки по Государевой дороге. Как в песне: «Тройка мчится, тройка скачет, вьется пыль из-под копыт…»

В деревне много чего для жизни необходимо, и все производили крестьяне сами. В огородах своих выращивали все,

что росло: старались посеять загон-два ячменя или ржицы. Поспеет, подойдет хлебушек, сожнут, в снопики свяжут, высушат на солнышке. Выколотят зерно, смелют на меленке. Хорош хлебушек из своей мучки!

Потом и картошечка поспевала, овощи: репа, морковка, лук, капуста.

– Посеешь крошечку, а соберешь лукошечко, – хвалились хозяйки.

Для жизни и обустройства нужен был лес. Его хватало. Самые ходовые деревья – ель и сосна. Без них ни избы, ни амбара, ни баньки не срубишь, ни «хором для скотины». Широкое применение находили в хозяйстве и другие деревья: осина, липа, черемушник. Немало ценных вещей изготавливалось из березы.

– Служила береза российскому человеку древесиной своей превосходного качества, – писал в журнале «Лес и человек» В. Плиге. – Из всякого ведь дерева много предметов труда и быта крестьянского и посадского изготовлялось. И лопаты, и ложки, и ведро, и ковшик, и телега, и рукомойник, и грабли, и крыша, и прялка, и игрушка, и лыжи, и тарелки, и гребешки, и сани, даже жернова бывали деревянные, а уже про миски и бочки-бочонки говорить нечего. Характерны они и не отделены от старого русского быта. Да, старинный русский быт был деревянный; неудивительно, страна-то лесная, и до самого XVIII века даже в городах русских деревянные постройки преобладали над каменными».

Никольский рынок

До войны рынок в Никольске находился там же, где и сейчас, на Комсомольской улице, около городского кладбища. На кладбище была и церковь. Только где-то в тридцатых годах прошлого столетия ее разобрали на кирпичи и построили тюрьму на главной Миллионной улице. Миллионной она называлась и до революции, а потом стала Советской. На рынок каждое воскресение ходил мой отец. Он покупал свиное или говяжье мясо, иногда, зимой, воз-другой дровишек. Рынок не был скудный, не с какой-нибудь одной картошкой или капустой. Крестьяне привозили говядину тушами, баранину и телятину. А еще свиное сало, топленое коровье масло, молоко, творог и другие продукты. На рыночных рядах бойкие бабоньки-торговки предлагали ржаную муку, овсяную крупу-заспу, гороховую муку, лук и чеснок. Из некоторых деревень, имевших специальные маслобойки, привозили на рынок постное льняное масло. С ним можно было есть квашеную капусту, соленые грибы-волнухи и грузди, бычки (валуи) и другие. Не представляло труда купить лапти, ступни, солонки, пестери, сплетенные из березовых лык, или корзины из сосновой дранки, ивовых прутьев и даже мордушки для ловли рыбы. Кому-то требовались санки большие или поменьше, бочонки, кадушки и кадочки, половики, валенки деревенской катки, даже кросны домотканой пестряди. Все можно было купить: от саней, кошовки, упряжи до топорища и глиняной свистульки. Мастерами-умельцами славились деревни.

Гончары жили в деревне Большое Фомино. Они лепили из глины корчаги, большие сосуды, в которых парили в русской печи белье со щелоком – раствором из печной золы. В корчагах парили репу и брюкву (голландку). Хозяйки выбирали на рынке кринки для молока, масленки, плошки и другие изделия.

Специалисты из Рассохина изготовляли кадки и кадушки, бочонки, а еще ножи с набранной из бересты рукояткой. Эти большие ножи так и назывались – рассохинские. Ими щепали лучину из сухих березовых поленьев. Лучина вставлялась в светец и использовалась для освещения изб. Крестьяне деревень Дор, Рамешки и других плели корзины из сосновой дранки, лапти, пестери.

В продаже почему-то никогда не видел рыбацких лодок. Рыбы в реках и речках, озерах-старицах, мельничных запрудах водилось много.

Славились мастера-лодочники из деревни Шелково. Деревня эта была на берегу реки Юг, километрах в 15 от Никольска.

Друг мой, Игорь Томилов, очень расхваливал лодки-шелковлянки:

– Они легкие и быстрые, как чайки, – говорил Игорь.

Те, кому лодка была необходима, сами отправлялись в Шелково и договаривались с мастерами, какая им лодка нужна. Было на рынке и увеселительное заведение. Как же мужичку-хозяину, приехавшему верст за 20, а может и больше, в мороз не пропустить стопарик?

Однажды увиделся на рынке со своим товарищем Павлом Ивановичем. Он был намного старше меня. Уговорил-таки зайти в забегаловку. Заглянули, облюбовали укромное местечко за дальним столиком у печки.

К нам подошла знакомая мне девушка, работавшая в «чайхане». Мой друг Павел сразу представился:

– Павел Иванович Померанцев, любитель музыки и танцев, не пьяница, не куплетист, но замечательный артист.

– Продолжай, продолжай, – улыбнулась Нюра.

– Бывал в Париже, бывал и ближе. Бывал в Италии, бывал и далее…

– Может, и стихотворение расскажешь, артист?

Муниципальная аптека (бывший дом купца Ильина)

– Принеси нам по стопарику да на закуску что-нибудь, – по просил товарищ. Чувствовалось, что он был чуток поддатый.

Нюра исполнила просьбу.

– Спасибо, – поблагодарил товарищ. – А теперь слушай:

Обошел Никольский рынок.
Семь рядов фоминских кринок.
Тут и чашек – эй, эй, эй,

Восемь пар висят лаптей.

Есть и мыло, есть и вар.
Есть и весь другой товар.
Есть и булка с калачом.
Пирожочек с рыбкой.

А еще торговый есть
Валентин сербитнем хлесь.
По базару он ведь ходит,
По народу взором водит.

Я зашел в кабак к Лаврушке,
Там завидная пирушка.
Там и Симка и Дресвянин,
Заболоцкий сам боярин.

Вся там свита в угол сбита.
Появился тут Никита —
Криводеевский печник —
Кирка за поясом торчит.

Банку худеньких сельдей
Подешевле продают.
Водолаз-налим пятнистый
Стоит рубль.

Жерех, щучка и плотва – два,
А карасик золотистый – за пятак,
Красноперочка и так.

– Тогда, за рыбку! – предложил товарищ. – Она, рыбка-то, посуху не ходит…

Ледоход

До войны каждую зиму на берег реки Юг, в Никольске, недалеко от пристани, привозили клепку – этакие гладкие дощечки, вытесанные из осины. Их складывали в поленницы, как дрова. Клепку привозили из-за Мелентьева, наверно, потому и дорога та в лес называлась клепочной. Дощечки эти занимали на берегу немалую площадь. В баржах по реке Юг отправляли клепку в Архангельск для изготовления бочек под рыбу. Почти там же, на берегу, у Мелентьева, поближе к воде строили барки. Стояли они на клетках из бревен. Все было рассчитано так, что полая вода подходила к баркам, и спустить их на воду трудности не представляло. Но строительство барок, очевидно, уже заканчивалось. Если раньше их строили десятками, то в конце тридцатых – лишь единицы.

С приходом апреля город жил ожиданием ледохода. Обычно ледоход начинался где-то около 20-х чисел или чуть позднее. И когда река освобождалась ото льда, горожане, и стар, и млад, высыпали на реку, чтобы посмотреть интересное зрелище, которое бывало раз в году. Таял снег в ярких лучах весеннего солнца, бежали к реке говорливые ручейки, вода прибывала. Уже прилетали водоплавающие птицы. Канючили чайки, пролетали стайками утки, кулички.

На реку мы бегали даже в большую перемену посмотреть, не тронулся ли лед. Но обычно сначала были подвижки льда, а уходил он чаще всего ближе к вечеру, когда за день вода прибывала. Льдины шуршали, напирали друг на друга, крошились и вылезали на берег. Несло проруби, обставленные полукружьем молодыми густыми елочками, деревья, бревна. Кричали вороны. Маленькая серая птичка плиска – по-научному, трясогузка – перелетала со льдины на льдину, то и дело покачивала хвостиком и опять подлетала. Это про нее, трясогузку, говорили, что она хвостиком лед разбивает. Поэтому и называли плиску птичкой-ледоломкой. Как бы то ни было, но трясогузки всегда прилетали в пору ледохода и держались около реки.

Лед уходил быстро, не весь, конечно. Вода продолжала прибывать день ото дня, потому что разливались таежные речки, большие и малые, впадавшие в Юг, подпитывали его, давали жизнь. В те времена болота не осушали, ключи в деревенских колодцах никуда не уходили, и вода в них не иссякала.

Речники не сидели, сложа руки. В Великом Устюге не дожидались, когда принесет Никольские льдины. До Устюга они

и не доплывали, превращались в крошево. Первыми обычно отправлялись в рейс маленькие буксирные пароходики. Это были шустрые буксиры-трудяги. Шлепая плицами, они шли осторожно, чтобы не сесть на мель, не уткнуться носом в песчаный берег или наносной песок, проворно преодолевали километр за километром. Хотя было их, километров, много. Березовые рощи, ельники, светлые сосновые боры окружали реку. За каждым поворотом, речной излукой взору речников открывался новый пейзаж. Порой лес отступал от реки, взбирался на крутые берега, угоры, холмы.

Весенний разлив сделал реку широкой, проходимой для пароходиков с баржами. Мутная вода захлестывала приречные низины, бурлила и пенилась на быстром течении, затопляла ивняки-тальники у берегов и мчалась дальше. По Югу встречались большие и маленькие деревни с добротными, сделанными на века, избами, иногда с коньками на крышах и резными наличниками.

– Вот это хоромы! – восторгались речники, разглядывая деревянное узорочье в каком-нибудь селе.

Поля вокруг деревень освобождались от снега. Он сохранялся кое-где в оврагах. Склоны их уже пестрели в ярко-желтых цветах мать-и-мачехи. По прошлогоднему жнивью шныряли грачи и что-то клевали. Хлеборобы вели пахоту, и за плугами тоже ходили грачи и чайки, подлетая за уходящей машиной.

Берега реки – то высокие, с пластами красной, синей и белой глины, то низкие, заросшие ветлами, которые купали в воде свои ветви.

Весенние перевозки грузов по реке Юг испокон века были очень важным мероприятием для района. И к ним были готовы торговые работники. Выгрузка и погрузка велась днем и ночью. За короткий срок надо было получить и отправить тысячи тонн грузов: продовольствия, промышленных, хозяйственных и других товаров, удобрений, горючего.

Обратными рейсами из Никольска везли в Архангельск хлеб, лен, кожи крупного рогатого скота, смолу, деготь и многое другое. В тот же далекий северный город по большой полой воде гнали по Югу плотами лучший лес.

Ой, плывут, плывут плоты

Десятки лет по большим и малым рекам продолжался сплав леса молем (бревнами) в свободном плавании, без сплотки. Сплавлялись сотни тысяч кубометров леса, хотя и потери были немалые – бревна скапливались в заторах, заломах. Они тонули, их разносило по пожням и озеринам. После спада воды немало бревен оставалось на берегах, в старицах. Шла караванка, зачищая хвост. До молевого сплава в половодье гнали плоты-плитки из 28–40 бревен. Сплачивали эти плитки умельцы, которые были в каждом лесопункте. Плоты были достаточно длинные.

– Сплоточным такелажным материалом являлись распаренные и скрученные стволики ели, березы, ивы, черемухи, – рассказывает бывший главный лесничий области Лев Николаевич Беляев. – Из молодых деревцев свивались кольца, при помощи которых и деревянного клина бревна крепились к поворине – поперечному нетолстому дереву на плоту. При входе в более крупные реки плотики собирались в линейки из 10 штук или паромы, сплоченные в два ряда. По выходе в Северную Двину паромы сплачивались в гонки по 1200–3600 бревен.

Даже на плотах-плитках, спереди и сзади их, были специальные устройства для весел-правил. Такое весло вытесывалось из прочного, средней толщины длинного бревна. Правило вставлялось в приспособление – поднятую над плотом перекладину, она закреплялась на определенной высоте так, чтобы сплавщику работать веслом было удобно, не наклоняясь.

Каждая гонка снабжалась лодкой, якорем, снастями. На переднем плоту устанавливалось устройство для причаливания к берегу, на последнем ставилась избушка для рабочих. На каждую линейку давалось два витчатых каната длиной 40–50 метров для причала и хватки плотов. И лишь впоследствии, при переходе к судовой тяге плотов, такелаж заменялся на стальные тросы различного диаметра. Первоначальные способы сплотки и витчатые канаты стали достоянием истории.

– Ты знаешь, как я впервые побывал в Никольске? – спросил меня Иван Степанович Конев.

– Нет, не знаю.

– С отцом гнали плоты с верховьев Юга.

– Куда гнали плоты?

– Не до Подосиновца, конечно. Там своего леса хватало. Как и все, сплавляли лес до Архангельска.

Пожилые люди слыхали о нашем Никольском силаче Иване

Лобанове, который родился в Никольском районе, в верховьях Юга, в деревне Мочальники. О нем много писали в газетах и даже книгах. Была у меня и фотография Ивана Лобанова, на которой было написано: «Непобедимый богатырь города Архангельска».

Вот что пишет о силаче Ване Южаке Н.В. Уваров в книге «Великий Устюг в русском фольклоре» (2001 г., издательство «Полиграфист»).

«Рассказывали, в долине Юга, особенно в среднем и верхнем его течении, много сосновых боров. Жители этих мест издавна сплавляли лес плотами в Архангельск, хорошо зарабатывали на этом промысле. Им занимался и Ваня Южак. Доплыл он на плотах до лесной биржи в Архангельске, удачно продал свой лес. Чувствует, время сева подходит, надо возвращаться. Но парохода, идущего до реки Юг, не подворачивалось. Однажды пришел он на дровяной склад, где пароходы топливом запасаются. Присел отдохнуть. Через некоторое время подошел к этому складу грузовой пароход. Матросы сноровисто привязали его к причальной тумбе, положили сходни и стали грузить дрова.

– Куда направляетесь, братцы? – спросил Ваня.

– Кабыть на Юг, за лесом, – ответил один из матросов.

– Возьмите меня с собой, я заплачу.

– Проси об этом капитана.

Ваня подошел к капитану: «Господин капитан, вы направляетесь в реку Юг. Там моя родная деревня. Возьмите меня, я заплачу». Капитан ответил:

– Грузовым пароходам возить пассажиров запрещено.

– Сделайте божескую милость! – упрашивал Ваня. – Я согласен и работать вместе с матросами.

– Не могу, не проси, – ответил капитан.

Завершив погрузку дров, матросы убрали сходни, а чалку с тумбы, на которой сидел Ваня, не сняли. Надо было кому-то спрыгивать на берег или сбрасывать сходни. Старший матрос обратился к Ване с просьбой:

– Слушай, приятель, сними чалку и брось ее на палубу.

– Сделаю, – сказал Ваня.

Снял чалку с тумбы, но на палубу не бросил, а держал в руках. Капитан, видя, что сходни на палубе и чалка снята с тумбы, подал команду: «Вперед!»

Колеса начали медленно двигаться. Ваня держал канат в руках, упираясь ногами в тумбу. Колеса крутились, а пароход стоял на месте. Капитан дал вторую команду: «Полный вперед!» Колеса закрутились быстрее. Ваня уперся крепче, откинув назад свое туловище. Пароход по-прежнему стоял на месте. Капитан и матросы в удивлении смотрели на Ваню, казалось, все опешили.

Такого и представить себе никто не мог. И капитан, оправившись от изумления, подал команду: «Стоп! Спустить сходни!» А Ване крикнул: «Заходи!»

«Буря» и «Комсомолка»

Через несколько дней после отправления из Великого Устюга пароходики добирались до Никольска. Обычно первым приходил буксир «Буря». Длинным, протяжным гудком он извещал о своем прибытии. О приходе пароходов можно было догадаться и по включенным на суденышках динамикам радиотрансляции. Включались они на всю катушку, так, что их было слышно во всем городе. И снова народ, свободный от работы люд, молодые и старики высыпали на пристань. Сейчас это было самое бойкое, самое многолюдное место. Торгаши загодя готовились к приему товаров и грузов: освобождали складские помещения, приводили в порядок подъездные пути, создавали бригады грузчиков, которые давно ждали своего часа. На выгрузке товаров можно было хорошо заработать.

«Буря», поставив небольшую баржу под разгрузку, сновала по реке около пристани, а то и уходила на помощь какому-нибудь бедолаге-буксирчику, севшему на мель на перекате, хотя и стояли по берегам специальные навигационные знаки – бакены, указывающие фарватер. «Буря» бурей, но многие ждали первого пассажирского пароходика. Кто-то ожидал в числе пассажиров своих близких или друзей, кто-то надеялся встретиться с подругой, кому-то надо было отведать свежего устюгского пивца, что славилось на весь наш северный край.

Среди пассажирских пароходиков был лидер – «Комсомолка», которая приходила чуть позднее буксиров. В окраске пароходика преобладали белые тона. И опять лилась веселая музыка, крутили тогдашние пластинки – «Риориту» и подобные ей. На пароходике был буфетик, комнатушка, где можно было посидеть с друзьями за кружкой пива.

Пиво устюгское славилось. В этом имелась заслуга немца Людвига Георга Зельбильда. В 1887 году Зельбильд построил в Устюге завод с немецкой технологией (баварской). Сам пивовар считал, что важным слагаемым его успеха являлась кристально чистая, словно родниковая, вода из глубины земли. Дети Людвига Георга в начале 1900 года провели реконструкцию завода и сумели поднять марку пива. Спрос на напиток заметно повысился. Еще в 50–60 годах прошлого столетия Устюгское пиво славилось, но слава эта, к сожалению, была утрачена позднее. И все потому, что иссякла вода в скважине.

Автограф академика Обручева

«Сторона наша – глухая, сосновые и еловые леса всю ее прикрывают дремучей тенью и, как живой, зеленой стеной отделили ее от городов, не хуже каких-нибудь гор высоких и лесков сыпучих», – писал П.В. Засодимский, побывавший в наших местах. Вспомним былое.

Не высокой была культура нашего края. Большим событием в жизни уездного городка Никольска было открытие библиотеки в 1874 году. Инициатором этого важного дела явился Г.Н. Потанин, который, находясь в ссылке, познавал быт и жизнь местных жителей, их экономическое положение, знакомился с устным народным творчеством и многим другим. Появились и знакомые из числа местной интеллигенции. Среди них был Иван Степанович Кубасов – преподаватель словесности Никольского духовного училища. Он и стал первым библиотекарем. Библиотека находилась в доме Кубасова и поначалу располагала 50 книгами.

Библиотека им. Потанина (бывший дом купца Рыжкова)

Удалось отыскать письма Г.Н. Потанина И.С. Кубасову. В них Григорий Николаевич выражал свое удовлетворение и радость по поводу того, что в Никольске есть библиотека, что растет ее литературный фонд, писал насчет собирательской краеведческой работы и т. д. Заведующий районной библиотекой М.Е. Шиловский в свое время сообщил об этом в президиум Академии наук СССР. Затем туда были направлены письма Г.Н. Потанина, а их фотокопии в двух экземплярах сейчас хранятся в народном

музее и библиотеке.

За умелую пропаганду книги библиотека отмечалась дипломами Министерства культуры, а в 1958 году заняла одно из первых мест во Всероссийском смотре культпросветучреждений. Одновременно были вручены премии (оборудование и инвентарь на 5 тысяч рублей). В июне 1961 года Совет Министров РСФСР присвоил библиотеке имя выдающегося путешественника, географа и этнографа Г.Н. Потанина.

Как драгоценную реликвию хранят работники библиотеки книгу «Путешествия Потанина» (издательство «Молодая гвардия», 1953 год) с автографом известного академика В.А. Обручева. Надпись на ней гласит: «В библиотеку города Никольска Вологодской области, которой присвоено имя Григория Николаевича Потанина, посвятившего свою жизнь изучению природы и населения Восточной Сибири, Монголии, Китая и восточной окраины Тибета от академика В.А. Обручева, бывшего в экспедиции Г.Н. Потанина в Монголию и Китай 1892–1894 гг. В.А. Обручев».

Огромные перемены произошли в райбиблиотеке за прошедшие годы.

Великая и Отечественная

Летом сорок первого грянула война, самая жестокая, страшная, кровопролитная. Захватив и поработив страны Западной Европы, обретя опыт военных действий, гитлеровцы напали на СССР. Немцы захватывали область за областью, окружая и беря в плен дивизию за дивизией, армию за армией. Защита Родины от врагов на Руси всегда считалась священным долгом каждого гражданина. И вот уже: «Вставай, Страна огромная, вставай на смертный бой!». Все как один поднялись на защиту Отечества. На фронт ушли все, кто мог носить оружие. Даже девушки, даже добровольно.

Великое мужество и отвагу проявили с первых дней Великой Отечественной защитники Родины. Земля на полях сражений была полита их кровью. Пограничники и жены комсостава Брестской крепости защищали крепость до последнего, несмотря на тяжелейшие бомбежки и обстрелы из крупнокалиберных орудий.

Положение на фронтах в сорок первом было порой почти катастрофическим, особенно под Москвой.

Вот что писал в газете «Красный Север» в 2009 году ветеран войны, полковник в отставке Василий Екимовский: «В октябре 1941 года под Москвой попали в окружение пять армий Западного и Резервного фронтов. Обескровленные в предыдущих боях, при остром дефиците боеприпасов, вооружения, продовольствия и медикаментов, они почти три недели сковывали 45 танковых, моторизированных и пехотных дивизий рвавшихся к Москве немецких войск. Это позволило советскому командованию организовать оборону столицы и сорвало немецкую операцию «Тайфун» по захвату Москвы.

Одним из организаторов боевых действий наших войск на Богородицком поле был наш земляк генерал И.С. Конев. В боях погибли сотни наших земляков-вологжан. Вечная им память. На Богородицком поле в 2009 году открыт мемориал памяти.

Героическая битва за Москву, окружение захватчиков под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда, куда Гитлер бросил полумиллионную армию, разгром в сорок третьем году под Харьковом – славные вехи на пути героической Красной Армии.

В те грозные дни на фронт ушли только из Никольского района 11 тысяч человек! Круглые сутки – и днем, и ночью – через узловую станцию Шарья бесперебойно шли эшелоны с вооружением с Дальнего Востока, Сибири, Урала и Предуралья. На платформах – танки и пушки, тягачи и автоматы и другое

грозное оружие.

Многое повидала в те дни и Государева дорога. Труженики тыла, в том числе и никольчане, проявили высочайшее старание, трудовой героизм. «Все для фронта, все для Победы!» – этот призыв был у всех на устах. Самоотверженно трудились земледельцы-пахари, хотя в деревнях остались женщины, старики, девушки да подростки.

Известный прозаик Федор Абрамов писал, что наши бабы открыли «второй фронт». Прав был писатель. Земледельцы-вологжане любили землю, считали ее кормилицей. В работе на земле многие видели смысл жизни. В то время, думается, это было одним из слагаемых национальной идеи. Велик был дух русского человека, воспитанного сызмальства в труде и трудом в нем державшегося. Потому и не было заброшенного в войну ни одного клочка пашни. Начиная с 1943 года, колхозы Никольского района ежегодно сдавали государству 3 тысячи тонн зерна, а в 1945 году – 4231 тонну. И это без учета в фонд обороны страны и других видов поставок! Это был трудовой подвиг. Хотя на трудодни выдавали мало, по каких-то 300–400 граммов. Но никто не роптал. Все для фронта!

В городском парке г. Никольска установлен бюст маршала, дважды Героя Советского Союза Ивана Степановича Конева

Чтобы ввезти зерно на Шарью или другие железнодорожные станции, дважды приходилось вызывать воинские автобатальоны. Комментарии, как говорят, излишни.

Столь же самоотверженно трудились работники лесной отрасли, выполняя плановые задания, в том числе и спецзаказы по поставке материалов для производства лыж, авиасосны, палубника, фанерного сырья и других материалов.

С высоким энтузиазмом работали механизаторы МТС, рабочие и служащие овощесушильного завода, всех без исключения других производств. Великий вклад в дело Победы

внесли медицинские работники, учителя и все другие представители интеллигенции.

Более четырех тысяч тружеников тыла было награждено медалью «За доблестный труд в войне 1941–1945 годов». Вспомним слова маршала Г.К. Жукова: «Тыл – это половина победы!».

Свыше 5 тысяч никольчан погибли на полях сражений. Вечная им память! Похоронены они от Сталинграда до рейхстага. Землякам В.М. Павлову (посмертно), Н.А. Пьянкову, В.И. Баданину были присвоены высокие звания Героев Советского Союза. Бывшему первому военному комиссару Никольска, маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу звание Героя присвоено дважды. Тысячи воинов за отвагу и мужество награждены орденами и медалями. Как сказал поэт, «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Есть у нас свои Герои социалистического труда.

Никольчане гордятся своими земляками, такими как земский врач М.А. Перов, именем которого названа больница в Никольске, северный садовод-мичуринец В.В. Спирин, доктора наук В.А. Сорокин и П.А. Сорокин, М.П. Казаков – бывший преподаватель института народного хозяйства в Москве, кандидат наук М.И. Игумнов, Герои Социалистического труда В.Н. Коробейников и Н. С. Курмахин.

Среди именитых никольчан – имя известного писателя, лауреата государственной премии Александра Яшина. В годы войны ему тоже пришлось взять в руки оружие, чтобы защитить Родину. На фронт он ушел добровольцем.

Герои многочисленных книг поэта и писателя – простые труженики. В Никольске, во дворике педагогического училища, где учился будущий писатель, установлен памятник Александру Яшину работы М.В. Таратынова. Надгробный памятник на его могиле на Бобришном Угоре исполнен скульптором В.А. Михалевым. В Никольске расположен историко-мемориальный музей писателя.

Поэзия русского леса

Вечное откровение нашей милой охоты.

Николай Смирнов.

Николай Павлович Смирнов. Многим читателям, даже нынешним литераторам, эта фамилия ничего не говорит. Другое дело – литераторам-охотникам старшего поколения. Судьба свела его со многими охотничьими писателями, и сам он страстно любил природу и охоту. С 1922 года – в газете «Известия», в 1926-м – перешел в литературный журнал «Новый мир». Н.П. Смирнов был незаслуженно репрессирован. Пять лет провел в лагерях. Затем Великая Отечественная. На ее фронтах он от начала до конца. В 1950-м Николай Павлович совместно с видными учеными-зоологами, писателями и охотниками становится инициатором создания сборника «Охотничьи просторы». Выступает и как автор, и как составитель, и как заместитель ответственного редактора.

Писал Николай Павлович очень много. Тут и охотничьи путешествия: «Леса моей Родины», «Лето на Волге», охотничьи портреты, литературные заметки («Н.Н. Толстой и его творчество»), «Певцы родной природы» (Тургенев, Рахманинов), «Бунин – поэт», «Золотой плес» (о Левитане) и многое другое.

Альманах «Охотничьи просторы» выходил тиражом 100 тысяч экземпляров, а иногда и более, представлял большой интерес для читателей и пользовался огромным спросом. Его быстро раскупали. В 1959–1970 годы я сотрудничал с журналом, очень любил бывать в редакции. Потому что, кто бы ни зашел, будь то молодой охотник, начинающий писать свои вирши, или один из «мелкотравчатых»[1] все внимание – гостю, начиная с верхов (писатели Ефим Пермилин и Николай Смирнов, журналист Виктор Наумов-Цигикал и другие. Не удивляйтесь слову «Цигикал» – это лишь игра в говоре народов среднеюжной России).

Общительность, искренность, доброта, сочувствие были характерными чертами сотрудников альманаха. Кстати, эти черты сохранились и поныне в новой редакции журнала, хотя прежних работников почти не осталось.

Но вернемся к Николаю Павловичу. Он был настоящим писателем. Большой эрудит, знаток охотничьей литературы, начиная с древнерусской.

В 1972 году Н.П. Смирнов был составителем книги «Русская охота» (г. Москва). В предисловии сборника он пишет: «Русская охота имеет свою обширную литературу, а эта литература – богатейшую историю. Киевский князь Владимир Мономах (XII век) в своем поучении отводил охоте особый раздел, приравнивая охотничьи подвиги к подвигам на ратном поле».

Охотничьи образы не раз встречаются и в «Слове о полку Игореве». В другом замечательном памятнике древнерусской литературы «Задонщина» рязанца Сафония (XV век) фигурируют образы соколиной охоты. «А уж соколы и кречати Белозерские ястребы взлетета под синие небеса… Хотят ударити на многие стада гусиные и лебединые…».

Много у писателя рассказов, очерков, зарисовок, и все они по своему привлекательны и интересны, будь то рассказ о егере, очерки «Половодье», «Семигорский бор» и другие.

Вот как в очерке «Косачи» (из цикла «Любимые птицы») писатель описывает тетерева: «Нет, кажется, в русском лесу красивее и грациознее птицы, нежели тетерев. Он делит красоту только с вальдшнепом, но вальдшнеп – птица другой, не лесной природы: это кулик, и среди коренных обитателей является все же как бы гостем, тем более, что на зиму улетает в теплые края. Тетерев – лесная, оседлая русская птица безмерно волнует охотника и гремучим взлетом, и чудесным видом: черно-синим оперением, снежным (снизу) хвостом, распушенным в форме классической лиры, пунцовыми витыми бровями. В тетереве, как ни в какой другой птице, чувствуется поэзия русского леса – запах росистой травы и брусники, палой листвы и свежего снега».

Тетерев – любимая дичь почти каждого охотника, недаром он – на старинных гравюрах, и так часто говорится о нем в русских песнях и сказках.

В Москве много еще было славных жизнелюбов, знатоков леса, природы, флоры и фауны, тех, кто интересуется повадками животных и знает их «от и до», тех, кто назовет Вам любое растение, любой цветок, расскажет о нем так «вкусно», что слюнки потекут. Таким интересным человеком и собеседником был Дмитрий Павлович Зуев. Его чудесные «Времена года», «Дары леса» – не бестселлеры года, а бестселлеры жизни. Написанные в 70-е годы книги не потеряли значения и сейчас.

Николай Павлович Смирнов, конечно же, знал Зуева, даже бывал с ним на охоте. Рассказывая о Д.П. Зуеве, он так характеризует его: «Был он невысок, худощав, по-охотничьи ловок, подвижен и напоминал лицом острым кобчика или козодоя. Он самозабвенно любил охотничью литературу, как и литературу вообще, а в особенности стихи, так и сыпал ими,

будто бенгальским огнем, в любом разговоре. Жизнелюбие его было неистощимо. Он почти физически хмелел ранней весной, когда в Москве появлялись мимоза и верба, и радостно тосковал осенью, бродя по золоченым бульварам».

Зуев был одаренным писателем, умеющим видеть и слышать благотворную красоту природы, тонко и влюблено ценившим вечные очарования нашей милой страсти – охоты. Дмитрий Зуев печатал в столичных газетах свои маленькие новеллы и этюды. Но одно время его печатали неохотно и мало. Тема природы и охоты казалась большинству редакторов не очень-то и нужной. Одинокий Зуев испытывал острую нехватку финансов. Узнав об этом, Н.П. Смирнов, чтобы помочь собрату по перу, на правах зам. редактора пригласил Зуева сотрудничать в «Охотничьих просторах». Как был рад такому предложению Дмитрий Павлович! Сначала он откликнулся одной строчкой в адрес Н.П. Смирнова: «Добро ярче изумруда в черной руке невольника» (Папирус 55 века). А потом написал вот такое четверостишие:

«Дабы не тронул Змей Горыныч
Учителя родимый глаз,
В наследство мне оставил Силыч (Новиков-Прибой)
И спас меня Ни, Па, С».
(Ни, Па, С – инициалы Николая Павловича Смирнова).

Николай Павлович фактически всю жизнь собирал все лучшее, связанное с охотой, и знакомил со своими находками всех, кто читает охотничью литературу. Но и сам писал прекрасно. Вот одно из воспоминаний писателя о встречах в редакции «Нового мира»: «Иногда приезжал еще ранней «неодетой» весной М.М. Пришвин – совсем цыган перед летним кочевьем, возбужденно-тревожное, затаенно-страстное, смуглое лицо, длинная черная борода, припорошенная сединой, порывистые движения, видавшая виды куртка, облысевшие на голенищах сапоги, старая выцветшая шляпа».

С Николаем Павловичем Смирновым мне не раз приходилось встречаться в редакции «Охотничьих просторов». Он присылал письма, касающиеся публикации моих материалов (они сохранились), а однажды по его приглашению я побывал у него дома. И беседовали мы не торопясь, в уютной обстановке, о многом. О природе и жизни, литературе, прежде всего охотничьей, о русских писателях, полузабытых и малоизвестных, таких как Н. Толстой (брат Льва Николаевича Толстого), Дриянский, Арсеньев, Черников, Сабанеев, Смельницкий и других.

Я знал, что родина Н.П. Смирнова – тихий маленький городок Плес на великой русской реке Волге. В Плесе жил и творил художник Левитан. «Да, здесь, на высоком берегу Волги расположен наш прекрасный городок, – рассказывал писатель. – На Волге я часто провожу лето». Были и другие поездки. На всю жизнь память сохранила путешествие с друзьями в молодые годы на родину писателя Новикова-Прибоя, в Мордовию и на реку Вад, по разливам которой было веселое утиное раздолье, а за рекой, в почти дремучем лесу – сказочное глухариное царство.

Среди дальних путешествий писателя – поездка на Южный Урал, на Западно-Сибирское озеро Чаны, на Печору.

Писатель, тем более пишущий о природе, охоте, не может не путешествовать. Иначе о чем же он будет писать?

Между прочим, охотничья литература – разновидность классической русской литературы. С.Т. Аксаков – беллетрист и натуралист, является родоначальником русской охотничьей, исследовательской литературы. «Книги славятся точными наблюдениями, – пишет Н.П. Смирнов. – Широко отражена охота в произведениях великого русского поэта Н.А. Некрасова. Многие замечательные произведения Некрасова созданы в результате его охотничьих скитаний». Из русских поэтов-классиков, кроме Пушкина и Некрасова, вплотную касались охотничьей темы А. Фет, А.К. Толстой, И.В. Бунин. «Записки охотника» Тургенева – одна из самых обаятельных книг в нашей классике. Всех замечательных имен не перечислить.

В беседе нашей с Николаем Павловичем Смирновым мне как-то особо запомнились такие его слова: «Литература создавалась и создается не одними гениальными и выдающимися талантами, а общей совокупностью тружеников и подвижников слова».

Повествование о Н.П. Смирнове хочется закончить словами москвича Л. Мея из рассказа «Соборное воскресение» (очерк написан в середине XIX века): «Слово «охота» все еще имеет обаятельную силу для москвичей (а только ли для них? – В. К.). Слышится в этом слове родимый разгул, родимое молодчество и удаль. Веет от этого слова темным бором, безграничным полем, широким раздольем. Раздробилась охота, но не исчезла и существует, и долго еще будет существовать на Руси».

О добром деде Мазае, зайцах и поэтах-классиках

Поговорим о классиках. Начнем с автора всем известного произведения «О деде Мазае и спасенных им зайцах» – Н.А. Некрасове.

Старый Мазай разболтался в сарае.
«В нашем болотистом низменном крае
Впятеро больше бы дичи водилось
Как бы сетями ее не ловили,
Как бы силками ее не давили.
Зайцы вот тоже – их жалко до слез!»

Сколько поколений юных читателей – мальчишек и девчонок, взрослых были и будут еще воспитаны в любви к природе, животным – «братьям меньшим» – на примере поступка добрейшего деда Мазая, его сочувствия, заботы о зайцах, попавших в беду во время половодья. Вода вот-вот зальет островок, на котором спасаются зайцы. И тогда они погибнут. На радость зверушкам к островку на лодке подплывает дед Мазай, спасает ушастиков. Видя доброту человека, зайцы сами прыгают в его лодку. Радуются за спасенных зверьков все, кто прочитал этот рассказ-стихотворение. И они – читатели – при случае готовы поступить так же, как дед Мазай, – оказать помощь любым животным в трудные минуты их жизни. Известные и малоизвестные писатели, журналисты, любители природы рассказывали о подобных случаях, о других мазаях в своих произведениях.

У Михаила Михайловича Пришвина появился цикл рассказов: «В краю дедушки Мазая». В него вошли: «Деревья в плену», «Остров спасения», «Поляна в лесу», «Осинкам холодно» и другие.

Откликнулся и Н.М. Рубцов. В стихотворении «Про зайца» говорится, что на лугу повстречал зайца, поговорил с ним, но самочувствие зверька было таково, что он сломя голову умчался в лес:

«…И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого».

Даже в Никольске Александр Платонович Пшеничников написал повесть «Потомок деда Мазая». Прочитав стихотворение Н.Н. Некрасова, мы были убеждены в том, что все, как описал поэт, так и было на самом деле – зайцы сами прыгали в лодку спасителя. Но вот что пишет по этому поводу известный журналист и писатель В.М. Песков в московском природоохранительном журнале.

«…Милый рассказ о том, как дед Мазай спасал зайцев, ничего общего с реальностью не имеет. Зайцы человека боятся и в лодку не прыгнут. Я проверял это несколько раз в заповеднике у Оки, где зайцев пальцем не тронут – нет, в лодку не прыгают. Весной 1970 года случился громадный весенний разлив. На равнинной лесной Мещере было затоплено все. Проплывая по лесу на лодке, мы видели бредущего по воде, уже потерявшего силы лося, видели раздувшуюся тушу погибшего кабана, на которой седели вороны. Видели спасавшихся на деревьях лис, енотов (енотовидных собак) и на крошечном островке встретили барсука в обществе двадцати шести зайцев. Барсук, шлепая по мелкой воде, немедленно скрылся, а зайцу с жиденькой шерсткой и тощим телом весенняя вода гибельна. Она медленно прибывала, и зайцев надо было спасать. В лодку они не прыгали, бежали, если их пытались ловить. Пришлось пленить их сеткой. Ее мы натянули поперек островка на тонких прутьях. Пугнешь зайцев – они бегут и запутываются в сети. Некоторые бежали в воду и, конечно, были бы обречены. Мы их вылавливали и водворяли в просторный ящик на лодке. Всех спасли. Вечером, в безопасном месте интересно было наблюдать, как они бегают при луне под ногами у лошади, не боязливо вплотную подпускают овец».

Нельзя не поверить известному, уважаемому писателю, невозможно усомниться в достоверности приводимых им фактов и наблюдений. Но вот другое. Стихотворение «Дед Мазай и зайцы» было написано Н.А. Некрасовым в 1870 году. В.М. Песков наблюдал зайцев в разливе на Оке в 1970. Может, за прошедшие сто лет зайцы изменили свои привычки и поведение? У них появилось недоверие к человеку? В принципе, такое возможно. Примером тому могут быть весьма существенные изменения в поведении, скажем, волков. По сравнению с послевоенными и даже 70-ми годами прошлого века многие серые хищники

перестали опасаться красных окладных флажков. Раньше волки не резали скот вблизи своих логовищ. Сейчас для них такого запрета не существует. Примеров тому немало. Необычно и то, что порой волчат, кроме волчицы и матерого, выращивает и волк-«дядька» – самец из предыдущего выводка.

И все же мое мнение, что В.М. Песков прав в своих выводах о поведении зайцев. Так это или не так, доказать трудно. Важно другое. Чувствуете, уважаемые читатели, сколь велика сила печатного слова? Эмоционально воздействует произведение Н.А. Некрасова на читателей даже сейчас, по прошествии 140 лет! На то он и поэт-классик!

В своем рассказе о добром деде Мазае В. Песков утверждает, что зайцы человека боятся и в лодку не прыгают. Пусть это так, но у некоторых читателей может возникнуть вопрос: «А был ли вообще дед Мазай?» Но об этом не сказано ни слова.

И все-таки берусь утверждать: образ героя – деда Мазая, защитника ушастых зверьков, не вымышленный Некрасовым, а существовавший в реальности. Об этом я прочитал в очерке одного из старейших советских писателей А.В. Перегудова. Очерк назывался «На охоте с А.С. Новиковым-Прибоем».

«…Получив телеграмму, я выехал в Москву, и на следующий же день мы были в Костроме, где на базаре нашли попутку-лошадь и отправились в Вежи, родную деревню деда Мазая, воспетую Некрасовым. Здесь и сейчас живут потомки деда, носящие фамилию Мазайкиных».

Но Веж не стало. На том месте, где стояла эта и другие деревни, красовалась церковь Спас-Веж, где были озера, располагалось огромное водохранилище. Сохраняя древнее зодчество, церковь осторожно разобрали, перевезли в Кострому, снова собрали в Ипатьевском монастыре, где она сейчас радует своей деревянной красотой всех, кто посещает ее.

Певец русской природы

В январе 2009 года по радио России в программе Натальи Бехтиной «От первого лица» выступал главный редактор «Детской энциклопедии» (приложение к газете «Аргументы и факты») Владимир Степанович Поляков. Он рассказал о том, как издается энциклопедия, о всевозрастающем интересе к ней, постоянном увеличении ее тиража и многом другом.

«Я еще раз открыл для себя Пришвина, человека и писателя, – заметил главный редактор. – Удивительный человек, удивительный писатель. Его «Лесную капель» узники одного из концентрационных лагерей переписывали от руки, чтобы читать и выжить. Великие произведения нужны людям для добывания жизни», – убежден главный редактор В.С. Поляков.

Я ничуть не удивился сказанному главным редактором, потому как знал, что уже первая книга М.М. Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907 г.) была не только замечена, но и тепло встречена читателями.

«В ней уже ясно были видны незаурядное литературное дарование автора, особенности его индивидуального стиля – точность и яркость языка, живость и достоверность созданных образов», – так писал в статье «Поэзия прозы» московский литератор Юрий Козловский. Это была его вступительная статья к книге Пришвина «Рассказы и очерки», изданной в 1986 году полумиллионным тиражом в Москве издательством «Правда».

А вот что писал в письме Пришвину Максим Горький:

«Ни у одного из русских писателей я не встречал, не чувствовал такого гармоничного сочетания любви к земле и знание о ней, как вижу и чувствую у Вас» (Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах, том 24, М., ТХЛ, 1950 г.). И еще: «Ни у кого не находил я такой всеохватывающей, пронзительной и ликующей любви к земле нашей, ко всему живому и якобы мертвому. И когда читаю фенологические домыслы и рассуждения Ваши – улыбаюсь, смеюсь от радости – до чего изумительно прелестно все у Вас!»

М.М. Пришвин, продолжая традиции гениев русской литературы Тургенева и Аксакова, писал рассказы, повести, такие как повесть-сказка «Корабельная чаща», «Неодетая весна», «Кладовая солнца», «В краю дедушки Мазая», роман-сказка «Осударева дорога», автобиографический роман «Кащеева цепь» и другие.

Наряду с этими жанрами мудрый, знающий и любящий жизнь писатель Пришвин достиг истинного совершенства в своих

небольших рассказиках-миниатюрах, кратких, но весьма поэтичных. И те лирические миниатюры – словно стихотворение или поэзия в прозе. И таких у него – великое множество. Даже сказки Пришвина проникновенны и поэтичны.

«Пришвин любил не абстрактные представления о природе, а саму ее, каждое дерево, каждое животное и каждую птицу; поэтому, наверное, его любовь была активна и деятельна», – писал о Михаиле Михайловиче тот же Юрий Козловский.

Пришвин учил видеть в природе ее обычную красоту, ее гармонию, ее живую реальность и призывал не только к доброте и человечности ко всему живому, но и постоянной, активной защите окружающего нас мира.

Книги признанного певца русской природы, вошедшего в историю мировой литературы (его сказка-быль «Кладовая солнца» была переведена на многие языки мира), в Карелии, Верхневолжском, многих других издательствах издавались 100–200 тысячными тиражами, а «Кладовая солнца» в 1987 году в издательстве «Советская Россия» была издана 500-тысячным тиражом! И таким же тиражом вышла книга в 1988 году.

Любознательный, знающий, талантливый писатель Пришвин, хорошо познавший природу, открывает нам не одну, а несколько весен: весну света, «когда в январе с утра было минус 20, а среди дня с крыши капало», весну воды, весну первой зелени, весну человека…

Вот первая зарисовка «Березы» из «Лесной капели». Михаил Михайлович делится с нами своими наблюдениями: «Зимой березы в хвойном лесу малозаметны, зато весной, когда белокурые оденутся листвой и сравнятся в цвете с яркостью хвойников, они как бы выйдут на опушку, а осенью становятся золотыми и прощаются с нами.

Речки черные и голубые. В лесах я люблю речки с черной водой и желтыми цветами на берегах. В полях реки текут голубые и цветы возле них разные. Бал на реке. Желтые лилии раскрыты с самого восхода солнца, белые распускают часов в десять. Когда все белые распустятся, начинается бал».

В зарисовке «Запоздалый ручей» Пришвин пишет: «В лесу тепло. Зеленеет трава: такая яркая среди кустов! Какие тропинки! Какая задумчивость, тишина! Кукушка начала первого мая и теперь осмелела. Бормочет тетерев и на вечерней заре. Звезды, как вербочки, распухают в прозрачных облаках. В темноте белеют березки. Растут сморчки. Осины выбросили червяки свои серые. Весенний ручей запоздал, не успел сбежать и теперь струится по зеленой траве, и в ручей капает сок из поломанной ветки березы». «Я переполнен счастьем, мне хочется открыть всем глаза на

возможности для человека жить прекрасно, дышать таким солнечно-морозным воздухом, смотреть и слушать лилии, угадывать их музыку». Это тоже Пришвин. И тоже из «Лесной капели».

Радетель и защитник лесов

Как-то летом, в июле, с молодым инженером Львом Николаевичем Беляевым мы зашли к памятнику писателя А.Я. Яшина. Памятник этот расположен в центре Никольска, во дворике бывшего педагогического училища, в котором учился будущий поэт. Присели на лавочку, вспомнили писателя, поговорили о том, о сем, как обычно и бывает, когда давно не видели друг друга.

Стоял чудесный солнечный день. Цвели липы. Пахло неповторимым ароматом их цветов. Я заметил, что, разговаривая со мной, Лев Николаевич внимательно рассматривает стоящие в скверике старые уже деревья. Понял сразу, почему – профессионально. Профессия товарища – инженер-лесовод.

Бывший главный лесничий области Л.Н. Беляев, заслуженный лесовод РСФСР

Вот липа. Старая уже, с растрескавшейся корой, но стоит зеленая, с мощной кроной, в цветах. Около них вьются великие труженицы – пчелы. Дерево здорово, потому и благоухает. А этот хилый тополь?

– Он уже болен. У него гнилостное заболевание. В этом повинны особые грибки, – поясняет лесовод. – Желтые прядки

листьев на березе – скорее всего, признак другого заболевания – мучнистой росы. Все живое на земле не вечно – таков закон природы. Деревья болеют, как и люди.

* * *

Удивительный мир природы – поля с колосящимися на них хлебами, цветущие луга, реки и озера – маленький Лева полюбил с детских лет. Ему не приходилось задумываться потом, куда пойти учиться. Только детство его было опалено войной. Отец, Николай Арсеньевич, работал в Никольском леспромхозе. В сорок первом он уже на фронте. А на следующий год погиб под Великими Луками. Тяжелая утрата. Так двенадцатилетним подростком Лев остался единственным мужчиной в семье. На него навалилась масса забот о дровах, грибах, ягодах, работа на огороде.

Чтобы выжить, помочь семье и близким, приходилось не только любоваться природой, но и использовать ее дары. Большой с мезонином дом Беляевых находился почти в центре Никольска. От него и до рынка, и до реки Юг было близко. А за рекой начинался сосновый лесок, болотце с хилыми, сучкастыми сосенками, а за ним, подальше, на суходоле, уже настоящий сосновый бор – заветное местечко Левы. Здесь росли грибы, а паренек был заядлым грибником. Боровики – настоящие белые грибы встречались редко. Это и понятно. Грибной лесочек был совсем близко у города. Но мальчик вставал пораньше, иногда с солнышком, и успевал собрать появившиеся грибочки. Попадались простые, серые: путники, обабки, иногда волнушки, масленники. Грибам-сушеникам, как было принято их называть, Лева предпочитал те грибы, которые можно было засолить впрок, на зиму. Выручали обыкновенные краснушки. Сбор даже этих грибов увлекал, и каждый день паренек приносил их по корзинке. Мама Левы, Ольга Алексеевна к зиме засаливала целую кадочку. Зимой вкусны были грибочки со специями да с рассыпчатой картошечкой!

За ягодами черникой, брусникой приходилось ездить или ходить гораздо дальше.

Кончилась Великая Отечественная, но жизнь полегчала не сразу. И, как мог, Лев продолжал помогать семье.

В 1948 году Лев Беляев окончил среднюю школу и в том же году поступил в Ленинградскую лесотехническую академию имени СМ. Кирова.

Учеба на лесохозяйственном факультете была желанной,

интересной и давалась легко. Преддипломную практику студент проходил в Пестовском лесхозе Новгородской области. Лесоустроительная экспедиция, в которой работал Л.Н. Беляев, проводила устройство лесов лесхоза. Свои теоретические знания будущий инженер подкрепил на практике. Темой своего дипломного проекта Л.Н. Беляев избрал «Организация лесного хозяйства в запретной полосе реки Мологи». Она была не только интересной, но и важной, проблемной, целесообразной, направленной на продолжение лесохозяйственной деятельности в конкретном районе, преумножающей лесные богатства, лесные ресурсы.

Красный диплом молодого специалиста, который защитил работу на «отлично», предоставлял право выбора места работы. Лев Николаевич избрал Вологодский лесоустроительный трест (впоследствии Северное лесоустроительное предприятие).

В 1953 году начал работу в четвертой экспедиции инженером-таксатором, а в 1959-м был уже ее начальником.

Важной, захватывающей была работа в лесах республики Коми. Интересен, богат и своеобразен этот край. Настоящая северная тайга, глухомань и суровый климат. Величественная река Печора длиной 1600 километров и тысячи других рек и речек. Достаточно сказать, что площадь бассейна Печоры превышала 300 тысяч квадратных километров.

Работы лесоустроителям хватало. Требовалась полная инвентаризация лесных запасов. Летом – полевые работы. Для решения этой задачи проводилась расчистка просек, граничащих с колхозными лесами, установка столбов, таксация насаждений, их подробное описание, определение класса и возраста бонитетов и многое другое. Зимой, дома – камеральные работы, т. е. составление таксационных описаний.

В 1965 году Л.Н. Беляев перешел на работу в Вологодское управление лесами. Сначала начальником отдела лесного хозяйства, а с 1969-го – главным лесничим. Проработав в управлении несколько десятилетий, Л.Н. Беляев прежде всего проявлял особую заботу о растущих лесах, о создании наилучших условий для их роста и развития. А это достигалось в немалой степени путем ухода за ними. Чтобы деревья хорошо росли, им нужен простор, солнце, свет.

Сделано немало. И тут никак не обойтись без цифр. Лесовосстановительные мероприятия проведены на площади 744,7 тысячи гектаров. Заложено лесосеменных плантаций на площади 355 гектаров, из которых 144 вступили в стадию плодоношения. Под руководством Л.Н. Беляева специалисты особое внимание уделяли селекционной работе – генетическому

будущему наших лесов. Создано 26 постоянных лесных питомников. Заложено около 700 гектаров насаждений лиственницы, 900 гектаров кедра, 10 гектаров дуба, карельской березы, клена. В 1966–1970 годах проведено благоустройство и озеленение пришлюзных территорий Волго-Балтийского водного пути.

«Много сделал главный лесничий Л.Н. Беляев по наведению порядка в лесоэксплуатации, по сокращению переруба расчетных лесосек, условно-сплошных рубок. Но особенно проявилась его принципиальность в недопущении уничтожения хвойных лесов области и снижении возрастов рубки», – писал автор очерка о Л.Н. Беляеве «Восхождение» Г. Савчук. К отстаиванию интересов области, основ лесоводства и лесоустройства были привлечены все институты Северо-запада страны, имеющие к этому отношение.

Наградой за стойкость стали сохраненные от преждевременной вырубки тысячи и тысячи гектаров ценных хвойных лесов.

Помощь взрослым лесоводам оказывали школьные лесничества – в 1985 году их было 136, а это сотни ребятишек, с детства приобретавших мудрое и бережное отношение к лесу. В большинстве школьных лесничеств Лев Николаевич бывал сам – делился знаниями, помогал в работе, поддерживая интерес к родной природе, к профессии лесника.

Нет возможности рассказать о всех славных делах по сбережению и преумножению лесных богатств заслуженного лесовода России Льва Николаевича Беляева – потомственного лесовода.

В богатой личной библиотеке Льва Николаевича я видел книгу российского писателя, живущего в Вологде, И.Д. Полуянова «Деревенские святцы». «Радетелю и защитнику лесов» – говорится в дарственной надписи. И это очень точно и правильно подмечено писателем. Многие годы Л.Н. Беляевым потрачены на то, чтобы лесные богатства нашего северного края росли и преумножались.

Легче там, где поле и цветы

Люди любят деньги. Зарабатывают деньги. Считают и берегут. Впрочем, каждый волен распоряжаться ими по своему усмотрению. Но без денег, как и без хлеба, не прожить. «С деньгами в кармане ты умен, красив и даже поешь хорошо», – гласит пословица. Не важно чья: армянская, грузинская или иная. У Николая Михайловича Рубцова денег было мало, а иногда и вовсе не было, но он обладал удивительным даром и пел прекрасно. Потому время и выделило его из тысяч других поэтов. Жизнь его складывалась не просто, многого не хватало. В заботах, в нужде, неустроенности жил талантливый литератор. Хотя жилья-то сносного не было. И с одежкой не лучше. Немудреное пальтишко. Скромный шарфик в клеточку, в полоску фуражка или шапка на голове, ботинки. Поэтому деньги были нужны на пропитание, другие надобности. Но напечатать стихи в журнале, издать книжку, даже опубликовать подборку стихов в газете было не просто. Приходилось пробивать, доказывать, убеждать. Вот что писал поэт в Архангельское издательство (сборник «Россия, Русь! Храни себя, храни!». Вологда, ИЧП «Крис-Крисфалучский», 1991 г.): «Ваша ссылка на снисходительное отношение как к автору (разрешили якобы разбивку строк) безосновательна. Снисхождения с Вашей стороны никакого не было. Иначе Вы не убрали бы из рукописи 75 стихотворений. Это вы сделали абсолютно произвольно. Это. А что же тогда можно сказать о разбивке строк? Вы легко могли убрать эту разбивку если бы нашли это нужным. Все 75 стихотворений, исключенные Вами из рукописи «Лирика», сейчас одобрены издательством «Советский писатель» и выйдут скоро книжкой «Звезда полей». Трудно было напечататься, да и буквы кормили не очень. К тому же прижимистые бухгалтеры того же издательства старались надуть автора. Как-то вместо 40 процентов оставшегося гонорара автору послали… 29 рублей.

«И эту крохотную сумму они послали после долгой некрасивой волынки», – сетовал Н.М.Рубцов в письме к А.Я. Яшину.

Однажды Николаю Михайловичу крупно повезло. Из Московского издательства пришел весьма приличный гонорар. Столько денег у поэта никогда в жизни не бывало. Деньги – это и психологический фактор. И что такого, если ими, честно заработанными, полюбоваться? Ассигнации были новенькие, чистые, приятно пахнущие типографической краской Монетного двора (а еще говорят, что деньги не пахнут!). Деньги писатель

разложил на столике по купюрам, но столика не хватило, тогда занял и табуретку, а остальное – на пол. Они не только обладали запахом, но и излучали приятный цвет. От денег, словно от живых, исходили какая-то благостная энергия и сила, которая воспринималась организмом, и от того становилось радостно и тепло на душе, сами собой возникали радужные надежды и планы, и так хотелось жить. Николая Михайловича вовсе не интересовал Рокфеллеровский постулат – каждый миллион долларов (то бишь рублей) начинается с одного доллара. Не думал он и о шкафах и хрустале, других дорогих вещах. Зато, получив деньги, он мог распорядиться ими, как хотел. Выходили и другие книжки. Поэт оттачивал свое мастерство. Стихи отражали его мировоззрение, его духовный и нравственный облик, причастность к литературным традициям старшего поколения писателей. У талантливого поэта накапливалась житейская мудрость, у него было свое видение Мира, свое мнение о жизни, о шаре земном… Все это ощущаешь, когда окунаешься в поэзию Рубцова. Вот стихотворение, которое прочитал в июле прошлого года в одном из московских журналов:

Николай Рубцов

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим другом,
Который сам не терпит суеты.
За нами шум и пыльные цветы.
Все улеглось! Одно осталось ясно,
Что мир устроен грозно и прекрасно,

Что легче там, где поле и цветы.

Хвативший в жизни не один фунт лиха поэт проявлял неизменную доброту и заботу не только к людям, но и ко всему живому на земле, испытывал очарование мудрой природой, был душевно близок к лесам, полям и рекам, их обитателям, умел донести свои чувства до читателей, до всех других.

В письме А.А. Яшину Николай Михайлович пишет: «Ну, до чего жаль, что в лесу опять нет рыжиков! Недавно в лесу так обиделся на это, что даже написал стихотворение о том, как много бывает грибов. В общем, не смог обойтись без того, чтоб не приукрасить свою лесную жизнь. Иначе было бы очень скучно. Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики! Когда их много, рыжиков, они так и заманивают в лес!»

Одним из слагаемых поэтического мастерства Н.М. Рубцова, на мой взгляд, это то, что в стихах он не использовал затасканных, дохлых слов, а находил живые, образные и благозвучные. Потому и звучат они свежо, ярко и выразительно. Впрочем, и сам поэт писал об этом. В письме А.Я. Яшину Николай Михайлович сообщал, что приезжал отдохнуть в Николу. «Здесь за полтора месяца написал около сорока стихотворений. В основном о природе, есть и неплохие, и есть вроде бы ничего. Но писал по-другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас. По-моему, совсем не обязательно в лирике употреблять современные слова», – писал Н.М. Рубцов.

«Тихая моя Родина,
Я ничего не забыл.
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую связь»,

– читаем его проникновенные строки.

Осмысливая происходящее, поэт Николай Михайлович Рубцов напишет хрестоматийное: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Славная династия

«Учитесь у профессоров, а лечитесь у сельских врачей. И берите с них пример, как общаться с теми, кто ждет от вас помощи…»

Николай Николаевич Блохин, президент Академии медицинских наук СССР.

Ох, уж этот русский авось! Думаешь, пронесет, пройдет, заживет, уладится само собой. Ан нет, не прошло, не поправилось. Затянул с лечением, стало только хуже. Договорился с молодым врачом-хирургом Николаем Анатольевичем Рыжковым о приеме на консультацию. Никольск город небольшой. Хотя бы немного все знают друг друга, тем более врача.

– Приходи завтра к пяти вечера, к окончанию работы, – взглянув на часы, сказал врач.

Пришел. Среднего роста, с простым открытым русским лицом, добрыми глазами, в белоснежном халате и такой же шапочке встретил хирург. Провел в кабинет. Осмотрел внимательно. Спросил, только спокойно так: «Как у тебя сердце?» Мне тогда было где-то под шестьдесят.

– Не знаю, в больнице не бывал.

На лице врача ни настороженности, ни волнения, ничего другого. И только по тому, что он пригласил в кабинет своего брата Игоря Анатольевича – тоже хирурга, вполголоса, по-докторски, поговорил с ним, понял, что у меня что-то серьезное. И уже вслух Николай Анатольевич произнес: «Готовьте операцию». Это кому-то из помощников. Понял. «У врачей нет времени ждать, какие уж тут анализы». Знал, что операция осложняется наличием множества кровеносных сосудов на шее.

Врачи, помощники пришли быстро. Через несколько минут я уже на операционном столе. Ощущаю терпкий запах каких-то лекарств, кажется, эфира или новокаина. Вижу братьев-хирургов, анестезиолога, сестричек в белых халатиках. Удивляюсь себе, что так спокоен. За всю жизнь в больнице лежал всего один раз, даже уколов не ставил. А спокоен потому, что наслышан о мастерстве молодых хирургов Рыжковых, их умении, профессионализме, внимании и доброте к людям, больным тоже. Укол или уколы в вену. Общий наркоз. Лишь мельком, на мгновение увидел врача

со скальпелем в руке. Которого врача – не помню, скорее Николая Анатольевича. Впрочем, оба они были высокой квалификации, имели уже достаточно большой опыт, и им безраздельно доверяешь. Впрочем, я уже отключился. Словно провалился в бездну. Сколько времени прошло, не знаю. Очнулся. Чувствую себя нормально. Словно ничего и не было.

– Сейчас схожу в палату, посмотрю, куда тебя положить, – сказал Николай Анатольевич.

Мест не оказалось. Нагрузка всегда высокая.

– Зачем в палату? Вон же мой огород, домишко, – показываю врачу в окно.

– Тогда каждое утро будешь ходить на перевязку, – наставляет врач. Поправился быстро. И еще раз хочется поблагодарить врачей Рыжковых Николая Анатольевича и Игоря Анатольевича, врача-анестезиолога, сестричек, всех, кто меня вылечил.

…Анатолий Павлович Рыжков, отец врачей-хирургов, родился в деревне Травино. Когда началась Великая Отечественная война, ему было всего 16 лет. Но уже в декабре 1942-го его призвали в армию. Воевал на Западном фронте артиллеристом. Многочисленные бомбежки и оружейные шквалы, от которых земля вставала дыбом, разрывы мин, автоматные и пулеметные очереди, раненые и убитые – все вокруг казалось кромешным адом. Думалось, он и не кончится. Вот и его, Анатолия, полоснуло по бедрам. Как оказалось, сквозные ранения. В госпитале находился шесть месяцев. И снова на фронт.

Довелось участвовать в боях и с милитаристской Японией. За ратные подвиги Анатолий Павлович Рыжков был награжден многими государственными наградами, в том числе орденом Великой Отечественной войны I степени. После демобилизации бывший воин с отличием окончил Великоустюгское медучилище и Горьковский государственный медицинский институт им. Кирова. Местом работы Анатолий Павлович избрал свою малую родину. Начав с врача-терапевта, овладел сложными специальностями инфекциониста, хирурга, патологоанатома.

«20 лет работал главврачом районной больницы. Велик его вклад в дело развития здравоохранения. При его активном участии строились и реконструировались корпуса больничного городка, участковых больниц, фельдшерско-акушерских пунктов. Приобреталось новое медицинское оборудование, внедрялись современные медицинские технологии в диагностике и лечении заболеваний», – говорилось в одной из публикаций в районной газете «Авангард» администрации МУЗ «Никольская ЦРБ» в честь почетного юбилея – 80-летия врача А.П. Рыжкова в 2004 году.

Особой заботой главврача было улучшение условий жизни работников здравоохранения.

А.П. Рыжков пользуется заслуженным авторитетом тружеников города и села, ему присвоено звание почетного гражданина города и села. Супруга Надежда Серафимовна – почетный работник народного образования – человек высокого долга, неуемного трудолюбия, профессионального мастерства.

Рыжковы-старшие воспитывали детей в труде. Дети в избранных профессиях часто повторяют своих родителей. Трое сыновей – Николай, Игорь и Павел – получили высшее образование и работают врачами-хирургами. Павел Анатольевич в Котласе. И как работают!

Профессия врача-хирурга – особого рода. Она отличается от других специальностей тем, что приходится часто наедине, быстро и профессионально точно определить и принять единственно правильное решение. У врача нет времени на раздумья. Надо спасать человека, не опоздать… Приведу такие слова знаменитого французского медика XIX века Клода Бернара: «Цель медицины – действие, а не ожидание, опасность ошибиться в диагнозе всегда велика, но еще опасней рисковать жизнью больного, оставив его без лечения».

Николай Анатольевич окончил Архангельский медицинский институт в 1981 году. А еще проходил практику, повышая знания врача-уролога в Уральском госинституте. Многое дала врачу и клиническая ординатура в Ленинградском институте на базе больницы имени Мечникова. Уже там, под руководством профессора, он делал сложнейшие операции, показав свое мастерство. Ему предлагали остаться работать в городе на Неве, но он предпочел Никольск, поближе к природе. И не один десяток лет уже отдано любимому делу. Врач самой высокой категории, Н.А. Рыжков обеспечивает квалифицированное лечение, скажем так, на высоком уровне. К врачу-урологу приезжают на лечение больные из соседних районов – Кичменгско-Городецкого и Бабушкинского. «Хочу рассказать об удивительном человеке, специалисте высокого класса, враче-урологе Никольской райбольницы Н.А. Рыжкове, – писал в газете «Авангард» И. Паутов из Кич. – Городецкого района. – О нем я узнал из областной газеты. В Кич. – Городецкой поликлинике мне был поставлен тяжелый диагноз. Операцию делал Николай Анатольевич. Прошел полный курс лечения и почувствовал себя вполне нормально. Пока я лежал в стационаре, Н.А. Рыжков выполнил несколько сложных операций. И все успешно. Хочется выразить огромную благодарность этому врачу». Таких писем немало.

– Я давно и часто общаюсь с Николаем Анатольевичем, –

сказал мне писатель В.М. Мишенев. – Беседа с ним всегда желанна и интересна, он образованный, одаренный, всесторонне развитый человек. Меня удивляют познания Николая Анатольевича по истории нашего государства. А еще есть у него увлечение: выращивать на огороде цветы. Самые любимые – гладиолусы. Такая красота! Глаз не отвести. Занимается Николай Анатольевич и пчелами. Любит охоту и рыбалку. И уж если говорить о природе, любви к родной земле, то это дети унаследовали от родителей. Всей семьей, с детьми Рыжковы ездили в живописные сосновые боры за грибами и ягодами, на реку Юг, в заветные местечки, в деревню, где держали живность, трудились на земле, испытывая радость от веселого пения и щебета пернатых!

Хороший врач – всегда и хороший человек. Это истина. Ничуть не погрешу против нее, если скажу, что на счету врачей Рыжковых сотни спасенных жизней. Нет. Не сотни. Больше. Не забыть бы. Николай Анатольевич – почетный донор России. 98 раз сдавал он свою кровь, чтобы спасти других!

В Никольской больнице имени земского врача М.А. Перова, как я отмечал выше, работает и Игорь Анатольевич Рыжков – врач-хирург первой категории. Владеет большими практическими навыками. Создав эндоскопический кабинет, Игорь Анатольевич много лет проводит обследование и лечение больных, которые страдают болезнями желудка, кишечника, легких. Лечение Н.А. и И.А. Рыжковых всегда на высоком уровне.

– Сколько же операций вы делаете за год? – спросил как-то я И.А. Рыжкова.

– Сотни, – ответил Игорь Анатольевич.

Супруга И.А. Рыжкова Ираида Дмитриевна – тоже знающий и любящий свое дело врач.

Столь же преданы медицине врач-хирург Павел Анатольевич Рыжков и его жена Ольга Юрьевна. Работают они в Котласе.

Семейные традиции замечательной династии Рыжковых не будут утрачены. В Ярославской государственной медицинской академии учатся внуки Анатолия Павловича и Надежды Серафимовны.

А вы знаете, сколько других родных и близких, по примеру Анатолия Павловича, избрали своей профессией профессию врача? Вот такое письмо получил от Анатолия Павловича:

«Здравствуйте, Вадим Николаевич!

Получили Вашу бандероль и письмо, спасибо Вам за то, что вспомнили о нас.

Книжечку сразу прочел, понравилась, но с ответом немного задержался.

Спасибо за поздравление с Днем защитника Родины. У меня сейчас стало на одну книгу больше, чем было. Имею «Глухари поют на заре», «Рассказы», вторую «Лесные встречи», да которую прислали, спасибо, и стало у меня три книжечки. Я собираю все, что могу, всех наших писателей никольских: Панова, Павлова, Жданова, Горчакова, Яшина, Бересневой Музы Вячеславовны и других.

Большой привет Вам от всей нашей семьи. Врачами стали сыновья и некоторые внуки. Николай, Игорь, Павел, внучка Катя – акушер-гинеколог, проходит стажировку в областных учреждениях, будет работать в Никольске, внук Алеша заканчивает в этом году клиническую ординатуру при Ярославской медицинской академии. Внучка Лена (дочь Николая) учится на пятом курсе Ярославской медицинской академии, а внучка Ирина (дочь Игоря) окончила 11 класс с золотой медалью и поступила на учебу без экзаменов в Ярославскую медицинскую академию. Есть еще и дети сестер и брата, стали врачами В. Рыжков (г. Мурманск), Рыжков (г. Северодвинск), В. Рыжкова (г. Санкт-Петербург), М. Большаков (с. Кич. – Городок), Е. Баданина (Камчатка). Это я подчеркиваю, что последовали моему примеру быть врачом. Отработал я в медицине 48 лет, 6 месяцев. Ушел с работы 3 года, 3 месяца назад.

До свидания.
03.04.2009 г.
г. Никольск».

Просто учительница

Однажды заведующий роно Алексей Васильевич Кузнецов пригласил мою маму, учительницу начальных классов с сорокалетним стажем, в свой кабинет. «Софья Андреевна! Мы Вас представили к самой высокой правительственной награде, а Вас удостоили медалью «За трудовую доблесть», – сказал заведующий. На его лице можно было прочесть удивление. Алексей Васильевич поднял брови, отчего на лбу появились складки морщинок. Задумался. Он-то знал о ее призвании, о том, что она любила свою работу, детей, о ее высоком нравственном долге, о достигнутых успехах и даже о ее трудной, но радостной жизни.

Потому и спросил прямо, без обиняков: «У Вас что-нибудь с социальным положением?»

– Возможно. Да и беспартийная я, – сказала мама. – Но дело не в наградах, Алексей Васильевич, – улыбнулась мать. – Не ради них мы работаем. Главное – вырастить, воспитать хорошего человека. Для меня школа – вторая семья. Да что я Вам рассказываю, – спохватилась Софья Андреевна.

Родилась мама в деревне Мишуково Тотемского уезда. Семья жила на Вожбале, в одной из половин большого дома. Вторую половину занимала семья дяди Генаши – брата отца – Андрея Васильевича. Вместе держали больше десятка коров, имели маслобойку. Продавали сливочное масло, реализуя его в Вологде, Москве и Санкт-Петербурге. Масло было высокого качества, только почему-то называлось французским. Но какое же оно французское, если коровы поедали молочные травы наших северных лугов?

Отец Николай Александрович был жителем Тотьмы, имел высшее образование. В стране начались репрессии, и мои родители были вынуждены уехать из родных мест. Предложили Курган или Никольск. Выбрали поближе – Никольск. Отец стал работать преподавателем биологии и химии в средней школе, мама – в начальной. Работа нравилась обоим. Однажды мама заболела. Над глазом появилась опухоль, стала расти косточка. Решили ехать в Ленинград. Но врачи не смогли дать направление. Поехали за свой счет. Приняли на операцию. Институт оказался полувоенным. Болезнь была редкой, и операцию делал профессор как показательную. Она прошла успешно. Как-то в клинику зашел начальник медицинского учреждения.

Увидев у кровати Софьи Андреевны табличку «Платная», остановился.

– А вы кем работаете?
– Учительницей.

Софья Андреевна стоит слева в первом ряду экскурсантов санатория «Красная Москва». Сочи. Снимок довоенный.

– Учительница, и платная? Как же так? Это у нас-то, в Советском Союзе? Сейчас деньги, которые вы заплатили, обратно выдать не можем, но возьмете у нас справку, и получите дома.

Деньги и в самом деле возвратили. Пролетали год за годом. Все чаще и чаще шли проверки. Проверяли происхождение родителей. На семейном совете решили: с работой в школе маме надо повременить. Завели корову Зорьку. Большую, светло-бурую, с рогами. Мама и бабушка Тася заботливо за ней ухаживали, и Зорька давала много молока.

В труде родители воспитывали и нас, детей: Тему и меня. А еще учили доброте, отзывчивости, уважению к старшим. Мама летом успевала сводить нас на цветущий луг к Перовскому озеру или на поляны за сладкой ягодой-земляникой. А осенью – в лесок, за Вахрамеевские поля, за грибами-рыжиками.

Не работала в школе мама два года. Хотя я не велик был (мне было 9 лет), но хорошо помню страшный тридцать седьмой. Тогда у нас в Никольске арестовывали и судили «врагов народа». Помню как-то арестантов вели на суд, то ли в кинотеатр, то ли в Дом пионеров на улице Кузнецова. Встреча была случайной. Помню, потому что горе не обошло стороной наших соседей – Черемисиных. Глава семьи работал заведующим роно. Сроки подсудимым давали большие.

Мама считалась одной из лучших учителей начальной школы, и потому немало детей репрессированных оказалось в ее классе. Она понимала, была убеждена, что это какая-то ошибка, несправедливость. Честная и демократичная, она, как могла, старалась не ранить детские души, помочь в беде.

Побеседовала с каждым, у кого были репрессированы родители, и для каждого нашла доброе слово. Спросила, как дела дома, посоветовала быть внимательнее и ласковее к мамам, братикам или сестричкам. Отдельная беседа была и с остальными учениками, но уже со всеми вместе. Просила понять и разделить чужое горе, чужую боль, отнестись к детям пострадавших особенно чутко и внимательно.

Не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь из невинно осужденных возвратился домой обратно. Зато знаю другое. Из тех учеников четвертого класса, окончивших школу в тридцать седьмом, выросли и стали замечательными врачами, педагогами, инженерами, военными, простыми рабочими все без исключения.

Трудно жилось в войну. Мама работала в базовой начальной школе при педучилище. В школе проходили практику будущие учителя. Здесь с тех, кто учил, особый спрос. Увлеченность, мастерство – на первом плане. На работу мама ходила опрятно одетая, чистая, хотя одевалась скромно. Был у нее строгий черный костюмчик. Если платье, то с белым воротничком или шерстяная кофточка. В школе находилась долго, забывая порой перекусить. Приходили будущие учителя, и надо было побеседовать, посоветовать, помочь, как лучше провести урок. В работе Софья Андреевна забывала о своих бедах: смерти мужа, погибшем на фронте сыне.

Часто будущие учителя А.П. Баева, А.И. Сакулина, Р.И. Зубова и другие заходили к маме в гости. И опять разговор о школе, о детях, открытых уроках, о многом другом. Трудно было с

питанием. Выручали спаситель-огород, коза Майка, в конечном счете, собственный труд. Даже огород иногда приходилось пахать на себе, носить из леса веники для козы, а с реки на плечиках – дровца. Ничего, выжили. Как-то после войны мама работала инспектором роно. В составе делегации из области побывала в Москве, в школах столицы. Просторные и светлые классы, умение педагогов организовывать учебный процесс, обучение ребят на уровне, закрепление пройденного материала и многое другое – все понравилось. На уроке по русскому языку был диктант. Вот одно из предложений, которое должны были написать дети: «У козы рага, как вилы, у коровы, как ухват», – диктует учительница. Многие так и написали. Москва не Никольск.

Другая учительница-логопед (в специальной школе) учила детей, как избавиться от заикания. Попросила каждого рассказать какой-нибудь интересный случай. Говорить четко, неторопливо, выговаривая каждое слово.

Мальчик из Коми, заикаясь, рассказал о том, как ходил в лес с отцом ловить рябчиков. Пойманных рябчиков (они попадались живыми) охотники привязывали веревочкой за ножки одного к другому, а всех – к ремню охотника. Рябчиков было уже много – около десятка, а может и больше. Когда привязывали очередного, птицы вспорхнули и улетели. Все смеялись. Маме не было смешно. Она думала о том, освободятся ли птицы от пут, не попадут ли в зубы хищника. Или веревочки «размокнут», и рябчики вновь смогут обрести свободу.

Любить и убивать

Любить и убивать. Таких противоречий полно человеческое сердце. Не мне распознать эту загадку, трагедию древнего Эдипа.

Виталий Бианки.

Никольчане старшего поколения еще помнят магазин ОРСа леспромхоза, который некоторые называли «высокое крылечко». Был он в центре города, на Советской, там, где сейчас Торговый дом предпринимателя А.С. Недобельского. Крылечко магазина и в самом деле было высоким.

Кстати, рядом, чуть повыше, был еще один дом с таким же высоким крылечком. В домике том располагалась «казенка», лавка, в которой торговали спиртным. Здесь можно было купить четверть, пол-литра, «шкалик» – маленькую и даже «мерзавчик» – со 125–150 граммами водки. Милейший продавец, коренной никольчанин Павел Павлович Тельминов, высокий и аккуратный, с очками на лбу, мастер своего дела, был очень и очень деликатен и вежлив с посетителями, даже с самыми маленькими. Мальчишки-школьники осенью, в большую перемену, прибегали к Пал Палычу купить ягод, яблочек, которые он выращивал в своем саду. У Павла Павловича было два сына, которые наезжали к отцу, не забывая его.

Вернемся, однако, к первому магазину.

В магазине ОРСа стояла очередь за мясом. В ней заметно выделялась дамочка в рыжеватой шубейке-дубленке. На голове женщины – нарядная кунья шапочка индивидуального пошива. Мех куницы темновато-коричневый, зимний, пушистый, густой, шелковистый. Выглядел весьма привлекательно, хотя и не дотягивал до искрящегося соболиного. Что мне понравилось – шапочка была сшита без набивших оскомину хвостиков зверьков, а мужского покроя – последний писк моды.

Нарядный головной убор очень подходил этой симпатичной блондинке с ее тонким личиком. Оно казалось еще привлекательнее и даже моложе. Дамочка разговаривала с женщиной ее постарше. Закончив беседу, женщина в куньей шапочке повернулась, пожала плечиками и совсем неожиданно для меня выпалила: «Вам не жалко убивать лосей?» Такой вопрос задавали мне не раз, и я был готов «к разборке полетов», как говаривал летнаб Альберт Мефодиевич Быков.

– Мне жалко, когда убивают лошадок молодых и старых, которые всю жизнь пашут на человека в прямом и переносном смысле, а потом их везут на бойню и отрубают голову.

– Вы вегетарианка? А стоите в очередь за мясом.

– Да нет. Мясо, колбасу тоже любим, – ответила женщина.

Разговоры об охоте, охотниках, который начала дамочка в дубленке с куньей шапочкой на голове, конечно же, не нов. Десятки лет продолжается дискуссия, спор даже, нужна ли она, эта охота, в первую очередь любительская? Впрочем, не любительской сейчас и не существует.

«Охота на Руси – давняя, даже древняя традиция.
Много у нас лесов и полей.
Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю»,

– писал Н.А. Некрасов.

Охотников даже среди писателей-классиков немало. Их трудно перечислить. Скажу только, что русская охота была широко отражена в произведениях многих литераторов. Давно продолжается дискуссия о том, нужна ли эта охота. Мнения расходятся. Три миллиона охотников России, сейчас даже больше, считают, что нужна. Есть и те, кто охоту не приемлет. Первые уверены, что охота – это страсть, одно из самых увлекательных занятий, общение с природой, которое дает целительный отдых, оказывает самое благостное влияние. Другие занимают антиохотничьи позиции. Они обвиняют охотников в аморальности, антигуманизме, жестокости. Сами же отнюдь не вегетарианцы. Осуждая охотников, они и борщ мясной обожают, и от цыпленка табака не откажутся. О колбасе и говорить не приходится.

Выходит так, что лося, медведя, зайца, глухаря на току, гуся на пролете, вальдшнепа на тяге убивать нельзя, а вот коров, хрюшек, овец и других любимцев хозяев – пожалуйста, словно им жить надоело. Вот и убивают. Одних «птичек» – кур-бройлеров (мясная порода), – чтобы приготовить окорочка, подобные «ножкам Буша», лишают жизни миллионы… Продукция охоты тоже идет для потребления человеком, дополняет производство продукции.

Самым сентиментальным особам порекомендовал бы хоть раз в жизни взглянуть в глаза коровам, которых в кузовах автомашин, тележках тракторов везут на мясокомбинаты. Каким-то особым чутьем или чувством животные догадываются, понимают, куда и зачем их везут. Взгляните в большие коровьи глаза, и вы увидите

не только печальный взгляд, но и слезы. Коровы тоже плачут.

Лучше бы, конечно, никого не убивать. Но так не получится. Такова жизнь. Убиение животных происходит по той простой причине, что человек не может обойтись не только без хлеба, но и без мяса.

Прежде чем рассуждать об охоте, будет правильным, если сначала узнать мнение специалистов-охотоведов, ученых. «Охота – не просто добывание зверей и птиц, а продуманное освоение их запасов, обязательно предусматривающее сохранение воспроизводственного поголовья. Кроме того, охота – одно из основных, совершенно необходимых средств регулирования численности животных», – таково мнение известного доктора биологических наук Я.С. Русанова.

«Изъятие животных хищниками, так же как и человеком-охотником, есть неотъемлемый компонент природных процессов, – пишет в книге «Звери и люди» (2002 г.) профессор, доктор биологических наук С. А. Корытин. – Другими словами, разрешенная охота – одно из звеньев в общей системе мер по охране природы, увеличению численности диких животных».

А разве не охотники и их охотничьи организации проявляют заботу об обитателях лесов? Благодаря им еще в тридцатых годах прошлого века в СССР была завезена ондатра – очень ценный пушной зверек, расселившийся повсеместно.

В России бобры были истреблены почти полностью. Сейчас это обычный пушной зверек. В охотугодьях Никольского района лет 30 тому назад охотоведом С. Кумовым было выпущено около двух десятков бобров. Два десятка лет идет промысел этого ценного зверька, а его поголовье сейчас достигает 1000 особей.

Позднее в европейской части России были выпущены кабаны. Численность этих зверей увеличилась в десять раз, а границы ареала (мест обитания) расширились на 600 километров. Кто, как не человек с ружьем, сдерживает численность самого вредного хищника – волка, наносящего огромный вред диким и домашним животным?

Хорошо помню, как после поездки в США известный журналист и писатель В.М. Песков опубликовал статью в альманахе «Охотничьи просторы». Вспоминая о беседе с заместителем министра внутренних дел (это ведомство осуществляло контроль за деятельностью охотников) Ридом Натаниелом, В.М. Песков привел его слова: «Охотников мы не считаем разрушителями природы, напротив, их усилиями многое сделано для охраны природы. В США считают, что охота – средство оздоровления народа, поддержания в нем духа исследователя. Поэтому на рыбалку и охоту ежегодно тратится

государством 12 млрд. долларов».

Да, охота – не забава. Конечная цель любого охотника – добыть трофей, отстрелять зверя или птицу, не важно, медведя, лося, зайца, гуся или утку. Как ни крути, это убийство. Вроде бы, «любить» и «убивать» – несовместимые понятия. В дневнике известного писателя Виталия Бианки есть такая запись: «Любить и убивать. Таких противоречий полно человеческое сердце. Не мне распознать эту загадку, трагедию древнего «Эдипа». Кстати, Бианки до конца жизни своей не бросил охоту. Пока позволяло здоровье и были силы, писатель с удовольствием ходил в лес и охотился.

Вот размышления об охоте еще одного знакомого специалиста, биолога-охотоведа А. Сицко, не раз приезжавшего к нам, в Вологодскую область. Для тех, кто, руководствуясь ложными принципами гуманности, считает охоту только убийством, злой забавой и задает (иногда даже с трибуны представительного природоохранного форума) вопрос, зачем нужна охотнику тушка убитой птицы, в дополнение ко всему сказанному приводил слова известного во всем мире американского классика Генри Девида Торо из его замечательного «Уолдепа»: «Я ощущал и доныне ощущаю, как и большинство людей, стремление к высшей или, как ее называют, духовной жизни и одновременно тягу к первобытному, и я чту эти оба стремления… Быть может, рыболовству и охоте я обязан с ранней юности моим близким знакомством с природой…

Рыболовы, охотники, лесорубы и другие, проводящие жизнь в полях и лесах, где они как бы составляют часть природы, лучше могут ее наблюдать, чем философы или даже поэты, которые чего-то заранее ждут от нее. В жизни отдельного человека, как и человечества, бывает время, когда охотники – это «лучшие люди», как они называются у племени алгонквинов. Можно только пожалеть мальчика, которому ни разу не пришлось выстрелить; он не стал от этого человечнее; это просто важный пробел в его образовании».

Мы считаем, что он глубоко прав. Ханжеские антиохотничьи сентенции, не имеющие ничего общего с принципами рационального природопользования, наносят делу охраны животного мира только вред. Едва ли кто-то (даже «зеленые») будет возражать, что любой мужчина должен стать, прежде всего, мужчиной. Ему очень рано, порой в начале юности, приходится становиться защитником Родины. И ни что другое, как охота, может научить многому, что пригодится на войне и в жизни. Скажем, обрести такие ценные качества как выносливость, сила, воля, выдержка и даже мужество.

Об этом беседовал я как-то с писателем Иваном Дмитриевичем Полуяновым. «В старые времена на медведя шли один на один с рогатиной. Это был удел храбрых и сильных духом людей высоких сословий, – сказал Иван Дмитриевич. – Приобретая на охоте необходимые навыки, они шли на ворогов земли Русской, Отечества в штыковую атаку рука об руку с простым людом, получали тяжкие ранения и увечья, а то и погибали. И сейчас охота на медведя, кабана, даже лося, может быть непредсказуемой».

Лев Николаевич Толстой в рассказе «Охота пуще неволи» (это выражение стало крылатым) написал о том, как, охотясь у берлоги на медведицу, попал в объятия разъяренного зверя, и схватка с ним едва не стоила ему жизни. Знаю и наших охотников, на теле которых оставили свои отметины хищные звери. С возрастом некоторые охотники, не только в столицах и не только богатые, расстаются со своим увлечением. Кстати, тот же В.М. Песков сменил ружье на фотоаппарат. Но вот что он говорит: «Как это ни курьезно, охота научила любви ко всему живому. У каждого охотника бывали случаи, когда опускаешь ружье, покоренный проявлением жизни в природе».

Брать или не брать ружье в руки – личное дело каждого. Как говорят, вольному – воля. У кого-то, может, кончились все лимиты на охоту, отпущенные свыше, кто-то и в самом деле убивать больше никого не хочет. Но если поразмышлять об охоте и убиенных, то следует вспомнить, что охота в Отечестве нашем – искони русская, давняя традиция. К тому же мясо зверей и птиц не только по-своему вкусно. Оно витаминизировано, часто обладает лечебными свойствами и считается деликатесом. Дичь и мясо диких животных являются традиционно составной частью русской кухни. И это тоже особенность нашей национальной охоты. И то сказать: не каждый из охотников может позволить себе жечь дорогостоящий бензин или солярку, чтобы сгонять на технике этак километров за 30–40, послушать песню древней птицы. Даже в не очень большой семье добытый глухарь, гусь, тетерев, селезень, пара рябчиков не будут лишними.

В Вологодской области только за последние год-полтора число охотников увеличилось на несколько тысяч. Большинство из них – рядовые труженики, городские и сельские. Для них охота – любимое увлечение, отдых. Потому охота была, есть и будет. И не о том надо вести речь, а о культуре охоты, соблюдении ее правил, сроков, охотничьей этики и, пожалуй, прежде всего, об излишних возлияниях, подчеркиваю – излишних. Потому и происходят на охоте трагические случаи, только об этом почти не пишут.

Перовское озеро

Друзьям детства: Юрию Бересневу и Евгению Вахрамееву погибшим на фронтах Великой Отечественной войны; «Ките»[2] Владимиру Мишеневу

Из всего, что связывало нас с детством, одним из самых значимых остается Перовское озеро – этакий райский уголок за околицей нашего древнего городка. Чудесное местечко любили и взрослые, и мы – дети – с малых лет. Своим названием озеро было обязано известному и замечательному человеку, земскому врачу Михаилу Автономовичу Перову. Он возглавлял один из трех врачебных участков в уезде, в самом Никольске. Врач Перов зарекомендовал себя умелым организатором, прекрасным знатоком своего дела и пользовался уважением. В 1892–1893 годах было построено двухэтажное здание больницы, а за ним и второй корпус. Здания эти служат и поныне, а самой больнице присвоено имя врача М.А. Перова.

От нашей тихой, тогда еще Красноармейской, улочки, где жил я и мои товарищи, до Перовского озера – рукой подать. Стоило пройти квартал, пересечь главную бывшую Миллионную улицу с огромными тополями на ней, спуститься с угора к реке Юг, перебрести за нее, тут и озеро. Точнее сказать, старая река, ее русло, как обычно изогнутое подковой. Но все давно привыкли к названию, поэтому пусть и будет оно таким, как прежде – Перовское озеро. Места около него – изумительные, живописные и веселые. Каждый раз, когда раньше по радио пели песню «На Муромской дорожке стояли три сосны», а часто исполняла ее Русланова, мне непременно виделись сосны Перовского озера, стоящие на его бережку, в том месте, где вытекает ручеек в реку Юг. Сосен было тоже три, а скорее, и четыре, теперь уже не помню. Могучие, с распростертыми по сторонам толстыми сучьями, разросшиеся вширь, в стороны – ведь здесь так много простора и света.

Сосны на Перовском озере запечатлены на картине всеми уважаемого, талантливого местного художника А.Д. Щепелина – бывшего морского пехотинца, участника Великой Отечественной, орденоносца. Конечно же, картину он нарисовал не случайно, а с тем, чтобы сохранить красоту для потомков.

Озеро состояло из нескольких курпаг. От сосен начиналась первая из них – круглая и мелководная, заросшая у берегов

осокой и хвощом. Вторая была самой глубокой, с темной, не просвечиваемой водой. В ней жили крупные зубастые щуки, язи и караси. За второй курпагой, чуть подальше, озеро поворачивало влево. Дальше шла полоса воды – протока. Она вела к самой большой и длинной курпаге озера, его первой половине. Курпага эта почти сплошь заросла зелеными кувшинками. Сюда из глубины второй курпаги приплывала на кормежку рыба. Небольшая перемычка, заросшая кустами ивняка и ольшаником, с полувысохшей летом канавой, в которой жили лягушки, отделяла первую часть озера от второй. Она заболачивалась, зарастала осокой и другими болотными травами. Весной канаву захлестывало талой водой, паводком. Летом же только в нескольких местах можно было увидеть зеркальце открытой воды.

Весна на озере для меня начиналась в апреле, когда на безлистных вербах, подступавших к самому берегу, появлялись желтые барашки, от которых веяло душистым, сладостным ароматом меда. В ту пору особенно будоражил чистый, по-весеннему прозрачный воздух с нежным ароматом тронувшихся в рост почек, смолистым запахом хвои, озона, талой воды-снеговицы.

Сами собой возникали в памяти строки стихотворения Вероники Тушновой:

Воздух пьяный, нет спасенья,
С ног сшибают два глотка.
Облака уже весенние.
Кучевые облака…

А откуда название «апрель»? Оказывается, по латыни он означает «все открывается». И разве не так?

Вскрываются реки, оживает лес, сходит снег с полей и лугов, зацветают подснежники, начинается весенний сев, просыпаются медведи-топтыги, барсуки и ежи.

С весны-водополицы озеро становилось особенно привлекательным. Проходила неделя-другая после зацветания вербы, и в поднебесье шли птичьи караваны. Летели гуси и белоснежные лебеди, журавли, длинноклювые кулики и множество других перелетных птиц. Из густых зарослей кустарников лесных рощиц и перелесков, приречных лугов доносились веселые птичьи голоса. Раным-рано, ни свет ни заря, просыпалась маленькая, с оранжевой грудкой, птичка зарянка. Она усаживалась на самую маковку ели, где-нибудь на опушке, и сыпала, и сыпала свои звенящие, «серебристые» песенки. Не умолкала зарянка вечером и пела всех дольше, до темноты, до

самой ночи.

Громко и звучно, с росчерком на конце, распевали зяблики. Только перед дождем их песенки становились отрывистыми. Зяблики, как говорят, «рюмили».

Каждое утро включались в веселый птичий концерт варакушки, болотные камышевки, речные сверчки, луговые чеканы, лесные коньки и многие другие птахи. По ночам сонно крякали на озере утки, пиликали кулики, а иногда кричала по-бычьи скрытная птица – выпь. Позднее других пернатых из центральной Африки прилетали кукушки. И как радостно было услышать грустно-задумчивый голос сероватого, похожего на ястребка, длиннохвостого самца: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!» А рыжевато-бурая, жуликоватая самка лишь иногда диковато похохатывала и кликала: «Кли, кли, кли»… Но, согласитесь, не будь весной голоса кукушки, и в природе чего-то бы не хватало, что-то бы утратилось, не стало бы той весенней благодати.

А потом, когда (по народному поверью) соловей мог напиться росы с зеленого листика березы, от зари до зари, целую ночь напролет слышались чудесные трели этих замечательных, скромно одетых птах. Знатоки птичьих песен утверждают, что есть у соловья и бисер, и флейта, и россыпь горошка, и лешева дудка. Многие горожане по вечерам приходили на озеро, чтобы послушать пернатых солистов. Однако пели они лишь до Петрова дня.

Каждый погожий майский день начинался с алой зари на небосводе. И когда появлялись первые лучики солнца, они озаряли купола Сретенского собора. С бережка, от сосен, юго-восточная часть города открывалась, как на ладони. Совсем скоро вынырнувшее из-за лесных увалов светило озаряло и сами сосны. И стволы их становились фиолетовыми. Потом солнце забиралось выше и заглядывало в озеро, освещая его водную гладь. Тогда чистая, зеркальная вода отливала голубизной. Озеро густо заросло кувшинками с их зелеными, овальными листьями, похожими на сердечки.

Интересно то, что блестящие листья кувшинок с белыми цветами каждый вечер уходят под воду. Их утаскивают туда длинные, прочные, как шпагат, стебли. А утром, когда солнце обогреет озеро, листья, как ни в чем не бывало, вновь всплывают и раскрывают свои белые с желтыми рыльцами и тычинками цветы. Так устроено это растение – чудесное создание мудрой природы.

Отец мой Николай Александрович, учитель химии и биологии, рассказывал, что кувшинки в старину называли в народе одолень-травой. Она почиталась волшебной и, как

утверждалось, имела свойства оберегать людей от разных бед и напасти.

Незаметно приходило перволетье. Цвела и благоухала своими прелестными розовыми лепестками наша лесная роза – шиповник, источая нежный, божественный аромат. На лугах буйствовали и цвели травы: лилово-голубые колокольчики, красные луговые васильки, отливающий желтизной и, в то же время, фиолетовый марьянник (иван-да-марья). В цвету были красный клевер, пышные гвоздики. И такие же нарядные, как цветы, порхали над землей бабочки: махаоны, «мертвая голова», павлиний глаз, лимонницы, голубые мотыльки. В траве стрекотали кузнечики, шелестели слюдяными крылышками стрекозы, ползали какие-то букашки. Озеро, таинственные обитатели подводного мира, травяные заросли и укромные местечки, где гнездились утки и жили ондатры, словно магнитом затягивали нас, пацанов, в этот замечательный уголок природы. И было так радостно побывать здесь, побродить в его окрестностях. Летом спозаранок бежали мы к своим любимым местечкам. С утра удили рыбу в омутках и заводинках. Насадкой на крючки служили закорыши, личинки стрекоз, ручейники. В перволетье рыба брала хорошо, и наши уловы были богатыми. Попадались красноперые головли, подъязки, полосатые колючие окуни, а иногда и щуки.

Мы с нетерпением ждали июль – пору настоящего лета с его теплынью: вода в реке – как парное молоко, и сухой, горячий песок речных кос. Как угорелые, шлепая босыми ногами, мы носились по бережку, загорали, купались. Купались чаще всего на правом берегу реки под Крутиком. Около песчаного берега было мелко, и каждый мог выбрать для себя ту глубину, какую хотел. Некоторые в воду заходили осторожно, не торопясь, ойкая и боясь окунуться. Но какой-нибудь озорник, успевший окунуться, бил по воде ладошками, потом, сложив их лодочкой, беспрерывно плескал в лицо другому, не давая ему вздохнуть. Тот не выдерживал, круто поворачивал и пускался наутек, к берегу. Убежать не удавалось, и он бросался в воду, на мелкоту. Купались подолгу, иной раз не вылезали из воды часами.

Во второй половине августа или чуть позднее с отцом мы ходили ловить щук на Перовское озеро. Но сначала надо было позаботиться о насадке. Для этого недалеко от озера в реку ставили мордушку, сплетенную из тальника. Горловину ловушки, чтобы приманить рыбу, намазывали тестом, в которое добавляли анисовые капли и даже валерьянку. Снаружи, у входа в мордушку, заплетали зеленые веточки берез, которые тоже привлекали рыбу. Попадались головли, сорожняк, крупные ельцы, а иногда и окуни.

Жерлицы ставили в самой большой курпаге озера, в окна между кувшинок. Летом рыбу на озере почему-то никто не ловил. Только один раз видел, как дошный мужичишка длинным, прочным шестом выметывал сеть с бережка, обводя ею траву, а потом тем же шестом бухал, пугал рыбу, чтобы она забегала в ловушку. И попадали ему щучки и подъязки.

И мы удачно ловили щук в озере. Одна из них весила более восьми килограммов. Надо было видеть, как она бултыхалась и выпрыгивала, раскрывала зубастую пасть, когда отец подводил ее к берегу. Щука была толстая, темно-зеленая, с белым брюхом.

Под осень мы с пацанами продолжали ходить на Перовское. И снова удили рыбу, пекли свежую картоху в золе костра недалеко от сосен. По тропинке, которая вела вдоль изгороди, можно было кратчайшим путем пройти в наши другие заветные местечки. Очень скоро, едва поднимаешься на горушку, начинались паленины – выгорки. Пал, скорее всего, пустили сами горожане, чтобы выгорел хилый лесок и лучше росла трава на пастбище. Почему-то после пожара там, на горельнике, появилось много кустов можжевельника с зелеными и синими ягодами. Впрочем, кувшинки на озере и можжевельник на пастбище – это хорошие приметы чистой воды и чистого воздуха.

Тропинкой вдоль изгороди можно было пройти на лесную речку Погорелицу, пруд на ней около Полькиной мельницы, к глубокому омуту – Чёртовой яме на реке Юг. В Чёртовке водилось много крупной рыбы: щук, головлей, язей, окуней, сорог. Туда мы иногда ходили на рыбалку, только обязательно с ночевкой. И рыбалка была всегда удачной.

Таков он был, наш мир беззаботного детства, хотя и кончился для нас слишком рано, началась война. В юности своей тоже любил бывать на Перовском. Весной там ловил рыбу мой бывший учитель географии А.А. Ельцин. Тогда это не запрещалось. К нему мы приходили ночевать с его братом Павлом Алексеевичем, который раньше был другом моего старшего брата Артема, погибшего в первые дни войны. В войну Павел Алексеевич перегонял самолеты «Дугласы» по ленд-лизу. Он писал мне, тогда еще пацану. Прислал как-то фотографию. На ней молодой, стройный летчик, старший лейтенант, симпатичный, с волнистыми и черными, как смоль, волосами. Подпись на фото и сейчас помню: «В этих сердитых глазах (они такими никогда и не были), в этом суровом лице, ты всегда можешь найти доброту к тебе, заботу и ласку»…

В послевоенные годы мы еще больше подружились, я почти каждый день бывал в его семье, часто ходили и на охоту.

И как хорошо было посидеть в шалаше под соснами у

костерка, поговорить, послушать голоса весенней ночи…

И я вновь рассказывал товарищам о том, что озеро это обладает какой-то неведомой, притягательной силой. С детства, всю жизнь так хочется побывать здесь…

Вскоре меня призвали в армию. Было это в начале апреля пятидесятого. Река и озеро находились еще под ледяным панцирем. Но я пришел проститься с озером. Посидел на проталинке – крохотном пятачке оттаявшей земли напротив второй курпаги. Пожалел только, что не было еще кувшинок, и я не смог их взять с собой как талисман. Поклонился озеру и ушел. Знал, что безвозвратно и навсегда ушло прошлое, детство и юность, а что меня ждет впереди – неизвестно.

Служить пришлось вдали от Родины. И долго, не как сейчас, почти четыре года. Около нашего дивизиона, который располагался в серых приземистых зданиях какой-то бывшей немецкой части, и днем, и ночью останавливалась электричка, шедшая из Западного Берлина. Были часты нападения на посты и караулы гарнизона. Тогда командующий группой войск генерал Чуйков приказал перенести остановку подальше, в другое место. Потом, позднее, был день «икс» – как нам объявили – путч. Много чего было. Не все выдерживали тоску по Родине, возникали те или иные непредвиденные жизненные ситуации. Часто после работы, вечерком, со своим другом Юрием Карандашевым и приятелем Айсой Ямбековым мы уходили в сад или садились на скамеечку на улочке и вели неторопливый разговор, вспоминая прошлое, Айса рассказывал нам о Татарстане, мы о своей «семнадцатой республике» (так шутя называли Вологодскую область). В годы разлуки мысли и думы не всегда были радостны. Порой было грустно. Но наплывали воспоминания о детстве. Ничто так не согревало душу как память о родных местах: Перовском озере, речке Погорелице, Полькиной мельнице. Часто они снились во сне. Понимал: «Надо уметь ждать! Надо надеяться!». Только так можно выжить. И, наверно, не было на всем белом свете людей счастливее нас, когда мы вновь ступили на родную землю Отечества.

Никольчане и кокшары

Никольский район расположен на юго-востоке Вологодской области. Его территория 7,5 тысяч квадратных километров. Расстояние до областного центра 418 км.

Район не граничит с Тарногским, находящимся на северо-западе, но у нас много общего. Даже гербы почти одинаковые. В Никольске – золотой сноп ржи с увесистыми колосьями, в Тарноге – пшеничный. Снопы на геральдике – символ основной деятельности жителей – земледелие. То же самое и в других отраслях хозяйства, скажем, лесной. А еще ловитва (охота), пчеловодство, рыбная ловля.

Наш северный край был заселен угро-финскими племенами: чудь, печера, меря, весь, черемись, мордва, пермь и другими. Они, естественно, оказали свое влияние, как и пришедшие предприимчивые новгородцы, москвичи и другие народы земли русской из великороссов.

Андрей Андреевич Угрюмов (1915–1996 гг.), заслуженный учитель РСФСР, почетный гражданин Тарногского района, в течение многих лет изучал историю северного края, его заселения, жизнь и быт его жителей, духовную и материальную культуру, традиции давние и нынешние, природу, экологию и многое другое. Все это нашло яркое отражение в его трудах, изданной им книге «Кокшеньга» («Северо-Западное книжное издательство»).

Кокшеньга – так называлась тарногская земля в давние времена. А ее жители – кокшарами.

Исследователь попытался расшифровать необычное название «кокшеньга», узнать его происхождение. Поработать пришлось немало. «Только в Марийском лексиконе, – писал Андрей Андреевич, – есть слова с корнем «кокш». А нынешние марийцы, живущие в основном в Поволжье, это потомки мери. Они черноволосы и черноглазы, с монголоидными чертами лица: «кокша» по-марийски – лысый, «кукша» – сухой. Они дают возможность перевести слово «кокшеньга» на русский язык, как «сухая река», то есть маловодная, в летнюю пору образующая в своем русле песчаные лысины – острова и отмели. К тому же на территории Марий-Эл текут две реки с очень похожими названиями: Большая Кокшага и Малая Кокшага».

К словам «кукша» – сухой, мне хочется добавить, что «кукша» – это небольшая рыжеватая, очень доверчивая лесная птица. В самом деле, она «сухая» – словно клочок перьев, а мяса в ней поди меньше, чем у дрозда (прим. В.К.).

«С помощью марийско-русского словаря переводятся названия и ряда малых речек бассейна Кокшеньга, – продолжает А.А. Угрюмов. – Это Важеньга – река, имеющая два истока, Тарженьга – Прыгающая, Шуненьга – Глинистая… Так и хочется назвать и наши Никольские речки с подобными названиями: Шарженьга, Кипшеньга, Юрманга, Лундонга, Томженьга и другие.

…Мерянскими (точнее скифо-мерянскими) по своему происхождению являются и слова «кокшар», кокшары, обозначающие жителей Кокшеньги, в том числе и русских («Кокшеньга»).

В Бабушкинском районе есть селение Кокшарка (бывала она и Никольской). Многочисленны фамилии Кокшаровы».

Хотелось бы добавить и слово Шарья. Это крупная железнодорожная станция, получившая в 1938 году статус города. Не только жители Костромской области, где она расположена, но и никольчане хорошо знают Шарью. Через нее у никольчан был и остается ближайший выход в центр России, Поволжье, на Вятку, Урал… Десятки лет (с 1905 года) на железнодорожную станцию Шарья, в основном, поступало все необходимое для обеспечения жизни никольчан, начиная с продуктов питания и всего остального.

Но вернемся к начатому разговору. У слов «кокшар», «Кокшаровы», «Кокшарка», «Шарья» один общий корень – «шар». А «шар», «тор», «тур» на языке некоторых угро-финских народов – река, в различных ее вариациях. По-мансийски – протока, коми – пролив и т. д.

Та же Шарья находится на реке Ветлуге, притоке самой Волги. А сейчас еще город расположен на дороге с твердым покрытием Нижний Новгород – Урень – Шарья – Никольск – Великий Устюг – Котлас.

Близки друг к другу и многие другие словарные и языковые диалекты никольчан и тарножан.

Баять – говорить.

Баской – красивый.

Батог – палка.

Чага – березовый гриб трутовик.

Стожар – гладкая жердь, воткнутая в землю для складирования сена или снопов.

Угор – горка, холм, высокий берег реки-спуда.

Чищенина, чищеник – расчищенная под покос вырубка.

Ведро-хорошая погода.

Зимовник-зимняя изба.

Домовище – гроб.

Суровая нитка – крученная изо льна.

Журавлиха – клюква.

Ляга – низина, сырое место.

Уповод – небольшой отрезок времени.

Ушлый – хитроватый, находчивый.

Балакать – говорить, беседовать.

Кулемка – плашка

Полено – хвост волка.

Березовик – тетерев, поляш, черныш, косач.

Бус – мельчайшие капельки дождя.

Гряда – вытянутая в длину возвышенность, заросшая лесом.

После ухода из жизни исследователя А.А. Угрюмова, его дело было продолжено не только краеведами района, но и области. Ежегодно проводятся межрегиональные Угрюмовские чтения «Природа и народные традиции». Значение этого мероприятия важно и необходимо.

«За годы работы создавались свои традиции, но появляются и новые идеи, – писал в третьем выпуске книжки «Природа и народные традиции» ректор ВИРО, профессор, председатель «Угрюмовских чтений» В.В. Судаков. – Разработан перспективный план развития в Тарногском районе музейного дела до 2010 года, в котором особое внимание уделяется подготовке и проведению ежегодных «Угрюмовских чтений». В работе принимают участие журналисты районной и областных газет, областное радио. Для воспитания подрастающего поколения на конференциях дается возможность выступить с докладом призерам ежегодной школьной конференции «Мир через культуру».

Одной из важных археологических находок, обнаруженных на тарногской земле, оказалось уникальное дохристианское святилище, расположенное в трех километрах от деревни Тиуновской. Его обнаружил вологодский археолог И.Ф. Никитинский в 1985 году.

«Святилище в настоящее время представляет собой два крупных камня, расположенных в 0,9 метра друг от друга, – пишет в четвертом сборнике «Угрюмовские чтения» Н.А. Ермолина, сотрудник центральной библиотеки села Тарногский Городок. – Это алтарная плита и основной камень, на них было обнаружено большое количество рисунков-символов и надписей. Эти символы и формы камня представляют собой трехмерную информационно-мифологическую картину мира. Среди местных жителей существует такая легенда: камень может помочь человеку в трудную минуту».

Создано Тиуновское святилище в XIV-XV веках этнической группой кокшаров. Рисунки-символы и надписи, нанесенные на камень (петроглифы) представляют собой трехмерную

информационную картину мира по представлениям кокшаров. Ничего подобного этому святилищу – объекту истории, духовной культуры и эпиграфики XV века (как охарактеризовал его член-корреспондент РАН В.В.Седов) – ученые еще не встречали («Угрюмовские чтения», выпуск 4, стр. 109).

Тиуновское святилище включено в реестр объектов культурного наследия федерального значения. Это утверждено постановлением правительства области от 18.09.2006 г. № 924.

Заячий камень

В Нижней Кеме (Никольский район) есть деревня Путилово. Большая деревня. В ней даже школа-десятилетка была. Конечно, не для одной деревни, а для всей округи. Школа располагалась в большом деревянном доме бывшего лесопромышленника Сергеева. А дом тот был привезен из села Никольского – административного центра сельсовета. Там же, в селе, был и хозяйственный центр колхоза имени Ленина.

Дома в Путилове, как и в других сельских деревнях, крепкие да ладные, кондовые из краснолесья рублены. Многих жителей деревни, трудолюбивых и добрых, заботливых и гостеприимных, я знал, и некоторые живы по сей день.

Что касается названия деревни Путилово, то, поверим людской молве, происходит оно от имени охотника Потыла, жившего в очень давние времена. Построил здесь Потыл таежное жилье – охотничью заимку, потому как много птицы лесной и зверя дикого водилось в этих местах. Ловитва – охота – лесной промысел в глухомани, местах малохоженных, оказалась удачной. Да и речки, и реки рыбой были богаты.

Места в округе, что раньше, что теперь, красивы, словно райские уголки. Пойдешь за поле по изволоку, по бору красному, где кудрявые сосны обступают дорогу слева и справа, и выйдешь на речку Пырнюг. На ней плотину забирали, мельница крутилась. Красив, глубок был пруд, у берегов травами заросший. Отправился вниз по речке – луга на загляденье! С травами по пояс, цветами яркими. Пырнюг в реку Кему впадает. Всего-то километра три-четыре до его устья. Кема – уже настоящая таежная река, с омутами тихими и заводями глубокими, плесами травянистыми, быстряками-перекатами, особенно в ее нижнем течении. Соединяясь с рекой Лундонгой, реки дают начало красавице Унже – левому притоку Волги.

Если пойти из Путилова на северо-запад, то ближе Кемы-реки встретится небольшое болотце Азбуково.

– Посреди болотца того, на горушке, в лесном острове, поселение бывало, – рассказывали старожилы. – Сейчас от него и следов не осталось.

– Нет, осталось, – утверждают другие, в том числе и краевед Алексей Наумов. – И заросшие сосняком загоны пашен, и провалы могил-захоронений старого погоста, тоже сосняком заросшего. В Азбуковом болоте, как и на любом другом, морошка растет – со светло-оранжевыми ягодами, кустики голубики, журавлиха-ягода.

От Путилова на юг или юго-запад, на десятки, сотни

километров, до самых земель Галицких, что в Костромском крае,

– просторы таежные с реками и речками рыбными, борами, белым мхом заросшими, с приболотями и болотами настоящими, такими как Красновское, с трех сторон обступавшее бывшую таежную деревеньку Красная. А речек-то, речек в округе! Карныш, ниже Баданок, впадающий в реку Лундонгу, Юрманга и Това, Анюг и Митюг – всех не перечислишь. Но так мы далеко заберемся. Давайте-ка, поближе к Путилову возвратимся. В том же лесном окоеме за Путиловым, если идти на юго-восток, есть достопримечательность: Заячий камень. Конечно, камень-валун не скифские холмы-могильники в низовьях Дона и не Анфалова могила на Никольской речке Анданге, что недалеко от бывшего лесорубного поселка Дунилово.

Одна из легенд этого края напоминает, будто бы новгородский боярин Анфал Никитин, перешедший на сторону Москвы, вовсе не был убит на Вятке своими сподвижниками, а умер и похоронен недалеко от устья Анданги, впадающей в реку Юг. У нас на востоке области большие камни, подобные Заячьему, редки. Это вам не Вытегра и Прионежье, где камни-глыбы, камни-кругляши встречаются всюду, даже в воде рек и озерин-ламбушек торчат или на берег повылезали.

Заячий камень. Он в лесу. Велик камень – несколько метров в длину и несколько метров в поперечнике. Цвет камня серо-бурый. По форме своей похож на «бараний лоб» приполярного Урала. В летнюю пору, когда встает солнце, и его светлые лучики процеживаются между стволами деревьев, заглядывают в зеленые оконца колючей хвои елового лапника, с мягкими сивыми

бородами лишайников, которые в детстве мы звали «дедова бородка», добираются до камня и играют на нем светлыми веселыми бликами-зайчиками.

Тогда же серебристо засветятся капельки-бусинки росы на высоких стебельках и листочках трав в пазухах листьев. И скажется, несмело подаст голосок, вспомнив весну, какая-нибудь птаха. Но несколько раз, повторив трельку-песенку, птичка замолкнет. Не время для забав – птенцов кормить надо.

Солнце высушит росу и на обогретом местечке, на припеченке запиликает кузнечик. Пролетит шмель в черно-золотистом кафтане, очень похожий на маленького медвежонка. Замельтешат над землей голубые мотыльки, зашелестят крылышками стрекозы-коромысла, выбирая местечко, где бы присесть на теплый камень.

Заячий камень. У него своя судьба, своя история. И загадки тоже. Почему он большой, а «заячий»? Наверно, и на «медвежий» потянул бы со своими метрами. Да еще никто не мерял, на сколько камень тот вглубь земли ушел. И сколько лет этому камню-валуну? И как он тут появился, в лесу края кемского. Может, остался камень после отступления одного из ледников, которые покрывали всю нашу Вологодскую область? И нет ли в том Заячьем камне следов ушедшей жизни? Так или иначе, живет этот Заячий камень-богатырь любовью и памятью местных жителей и тех, кто знает о нем. Он – история края, история давно ушедших времен.

«В восточной, большей по территории части области, на несколько десятков тысяч лет раньше освободившейся от ледникового покрова, поверхность более ровная, – сообщает вологодский ученый Г.А. Воробьев. – Весьма характерен, особенно для юго-востока области, увалистый рельеф с полого-вершинными грядами. Не случайно эту возвышенность именуют Северные Увалы». Можно реально предположить, что Заячий камень вполне мог остаться после схода ледника.

Старожилы Кемы рассказывают такую историю. В языческие времена здесь находилось капище – скотское кладбище. «Наверное, так и было», – подтвердил догадку о языческой старине Вячеслав Николаевич Парфенов.

Скотьим богом почитался Волос или Велес, охранявший на небесном пастбище облачные стада. В мифах его отождествляли с Месяцем. Впоследствии Волос стал покровителем земных стад и землепашества (в христианской мифологии такую «обязанность» исполняли святые Власий и Георгий). Об этом сообщал известный натуралист и фенолог Александр Стрижев.

Продолжая рассказ о прошлом своего края, Вячеслав

Николаевич заметил: недалеко от Путилова находилась деревня Виноградово. До тридцатых годов прошлого столетия она называлась Чудова. А на месте Покровского починка встарь была деревня Черемисово. По легенде в Чудове стоял литовско-польский отряд интервентов во времена смуты. Старики говаривали, что видели в Черемисове сруб, зарытый в землю. Многое чего знали и видели старики. Охотно рассказывали. Но их не очень и слушали. Сейчас, может, и поинтересовался бы кто-нибудь из молодых. Только рассказчиков, живых свидетелей старины, уже нет с нами.

Зайцы-беляки, которые в кемских лесах, слава богу, еще не перевелись, зимой и летом заглядывают к своему камню. Трудновато зайчишкам в зимнюю пору с кормами. Выручают кора осин, молодые побеги ив, берез, даже можжевельника. Схрумкает косой прошлогоднюю, высохшую на корню травинку-былинку, подберет сена клок на лесной дороге, выкопает из-под снега зеленые веточки ягодника. Тем зайчики и перебиваются.

Много у них врагов-хищников, зверей и пернатых. Потому днем зайцы затаиваются где-нибудь в укромном местечке. И только вечером покидают укрытие. Вот и говорят: «Труслив, как заяц». Весной у зайцев пора свадеб. Как угорелые, бойкими ватажками, носятся зверьки по полям и перелескам. Словно веселый голосок какой-то незнакомой птицы, раздается в ночи заячье боботание.

Желанная пора для зайцев – лето. Тепло и корма вдосталь; ешь – не хочу. Сколько лакомых трав на лугах и пожнях: клеверок с красными шапочками, мышиный горошек, листочки иван-чая, стебельки овсяницы луговой. А недалеко от камня, в бору, поспевает любимая заячья картошка – гриб трюфель. Величиной клубеньки с грецкий орех. Зайцы выкапывают его из песчаной почвы сильными ногами. Любят этот гриб и белочки-непоседы, и другие зверьки. Кстати, во Франции трюфелем откармливают свиней. Есть у зайчишек в лесу и своя заячья капуста и заячьи лапки – невысокая трава пушица.

Просторы лесов и Заячий камень. Молчаливый и тихий. Задумчивый и строгий, пришедший к нам из глубины веков. Он умеет хранить свои тайны.

А еще давайте посмотрим фотографию Тиуновского святилища Тарноги. Она из книги И.Ф. Никитинского «Тиуновское святилище – школа кокшаров XV века?» (2007 г.).

Думается, что камни, места их расположения, травяной покров весьма похожи. К тому же людская молва свидетельствует и о других культово-языческих названиях гидронимов в Нижней Кеме (Никольский район): озеро Волосово, речки Овечка, Бычок.

Вид на Тиуновское святилище с северо-запада до начала раскопок. Фото И.Ф. Никитинского. 1987 год.

По рекам Кемы

«Река воспитывала дух предпришмчивости, привычку к совместному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, общаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение…»

Профессор, историк В.О. Ключевский.

Реки Кемского края (юго-западная часть Никольского района) волжского бассейна Лундонга, Кема, Унжа и их притоки Юрманга, Това, Анюг, Митюг исстари имели огромное значение в жизни людей. Унжа служила водной транспортной магистралью и обеспечивала выход не только в соседние Галичские земли, но и в Поволжье, центр России. Используя другие средства передвижения, был открыт путь на Вятку, Урал, Север, в Сибирь. И жители этим пользовались. С реками был связан лесной промысел, сплав леса молем и плотами, доставка продуктов, горючего и других грузов, вывоз изделий промысла и т. д. Короче говоря, люди старались приспособить свою жизнь к среде обитания, возможностям, которые давала им природа.

Вологодская газета «Губернские ведомости» за 1847 год сообщала: «Река Унжа, образуемая от слияния Кемы и Лундонги, впадает в Волгу. По ней сплавляются в значительном количестве сосновый и еловый строевой лес, вырубаемый ежегодно помещичьими крестьянами преимущественно из дач своих владельцев. Лес этот отправляется по большей части в Кологривский уезд, а также в Мантурово на Унже и Нижний Новгород». Но и после отмены крепостного права крестьяне, ввиду необеспеченности средствами к существованию от земли, получаемой на ней продукции, были вынуждены заниматься подсобными промыслами, в том числе лесным.

В Кеме появились лесопромышленники Сергеев, Афанасьев. Лесов было много. Еще Петр I издал указы, запрещающие под страхом смертной казни рубку лесов по берегам рек. Так называемая «водоохранка» поддерживала и поддерживает

полноводность рек.

Соблюдали ли правила рубки леса его владельцы, не наносили ли они ущерб богатствам края? Объективно ответить на этот вопрос можно, только изучив его. Исследовательской работой я не занимался. В Кеме достаточно своих краеведов: И.М. Парфенов, А.Н. Лукин, А.Н. Наумов. Ими сделано немало. В 50–80 гг. прошлого столетия Кемский леспромхоз ежегодно заготовлял по 200 и более тысяч кубометров древесины (лес сплавлялся по малым рекам и реке Унже), очевидно, недостатка в деловой древесине не было.

Лес достичь своей спелости за время после революции не мог. Это хлеб и другие культуры вырастают на поле за один год, а лес-лишь за 100.

А если лесопромышленники рубили лучший лес, то так поступил бы любой толковый лесозаготовитель. Да и правилами предусмотрено вырубать спелые насаждения, достигшие полной зрелости. И еще нюанс. В 2006 году утвержден новый государственный заповедник «Кологривский лес». В него вошла большая площадь лесов (более 58 тысяч гектаров) в Кологривском, Мантуровском и других районах Костромской области. Об этом в одном из московских журналов за 2006 год сообщал известный журналист и писатель В.М. Песков. «Первобытная былинная картина!» – восторгается писатель. Речь идет о 200-летних елях, жемчужине заповедника, которые В.М. Песков запечатлел на фотоснимке.

Говорят, что от Кемы до Кологрива одна грива. Напрямую, через Анюг, всего километров 80. Но где взялись сейчас, в наши дни, 200-летние ели в лесах под Кологривом? Значит, не вырублены. Сохранились с давних времен, времен лесопромышленников. Встречаются такие деревья кое-где в лесах Кемы. Нет, не свели леса тогдашние их владельцы. Лесопромышленник Сергеев жил в селе Никольском. Один из его домов позднее был перевезен в деревню Путилово под школу. Вот что рассказывает о Сергееве со слое своей бабушки В.Н. Парфенов из Путилова: «Моя бабушка Пирогова Клавдия Яковлевна (в девичестве Платонова) родилась в 1892 году. Примерно с 1907 по 1917 год бабушка служила няней в семье Сергеева. За это лесопромышленник выделил ее отцу лес для строительства. Клавдия Яковлевна много рассказывала об этой семье и хорошо о ней отзывалась. Там ее обучили грамоте, научили читать и писать. Бабушка рассказывала, что Сергеев всегда выделял крепким хозяйствам лес для строительства, часто безвозмездно. Бабушка родилась в деревне Горка и жила там до середины 30-х годов. Отца моей бабушки в конце двадцатых годов раскулачили.

Были арестованы три ее брата. Они были в заключении по 5 лет. Впоследствии двое из них погибли в Великую Отечественную войну».

У лесопромышленников, конечно же, на первом плане были свои личные интересы: забота о выгоде, деньгах, прибыли, обогащении за счет лесного промысла. Но в какой-то степени они заботились и о тех, кто на них работал. Во всяком случае, не были столь алчными и жадными, как кемская помещица Дурново, о которой в народе остались весьма нелестные воспоминания.

Заготовка леса, его сплав по рекам Кемы продолжался и после революции, в довоенные сороковые годы и дальше.

Лундонга берет свое начало, по сути дела, в Кемских лесах, недалеко от бывшего Копыловского лесопункта. Начинается она от слияния речек Большая и Дороватка. И потекла, покатила свои воды река, прокладывая себе путь в безлюдных лесистых поймах. Весной, после ледохода, набирали силу реки и речки. В Лундонгу заметно добавляли воды Юрманга, Това, Анюг.

Еще СТ. Аксаков писал, что леса – хранители вод. Весенняя вода в Лундонге стояла достаточно долго. Весенний сплав всегда был важным делом. На чем еще лес из кемской глубинки можно было доставить в промышленные центры? Сплавщики, плотогоны были сильные, проворные, смелые и выносливые люди.

В устье реки Анюга, через которое шла дорога на Кологрив, были хутор, плотина, пилорама, налажено производство по заготовке осиновой клепки. «Весной здесь собиралась едва не сотня плотогонов с верховьев Лундонги, – писал в газете «Авангард» (16 декабря 2006 года) кемский краевед И.М. Парфенов. – Они по весенней воде пригоняли оплотины, сплачивали их в плоты, до 9 оплотин в один, и гнали далее по Унже».

До места, где встречаются Лундонга и Кема и начинается Унжа, от устья Анюга совсем близко. Образовалась Унжа, и сразу река стала шире и глубже. Здесь больше зеленых лугов, простора и солнца.

Шалаш в устье Томженьги

В начале сентября поехали на рыбалку на Лундонгу. Через деревню Красная шла дорога на Кологрив. За полями стали попадаться березовые колки, зеленоватый молодой осинник, кустистые, с узкими перистыми листьями рябины, с оранжевыми гроздьями ягод. На ветвях возле них сидели, чечекапи и трещали дрозды. Вскоре пошли куртинки, заросшие сосняком, с красноватыми стволами и шапками зеленой хвои. Встречался и еловый лесок. Своды елей были гуще, темнее. Они даже солнечные лучи не пропускали.

В редколесье на лесной поляне, на бруснике кормились рябчики. Мы остановились. Выводок шумно поднялся и расселся тут же, на деревьях. Птицы садились в полдерева, поближе к стволам, и вытягивались вдоль сучков, затаивались. На дороге, в сырых местечках – следы медведей. Одни из них вели к полю, другие – обратно. Любят косолапые бродить дорогами и тропами.

Попалась нам низина-болотина. Это отнорки обширного Красновского болота, которое местные жители называют Сокольским. Сосны высокие, но нетолстые. Дорога залита водой. Колеса «газика» почти скрылись в темной, настоянной на мхах воде. Но опасности не было. Дорога когда-то давно выстлана гатью. В воде смолистые сосновые бревнышки-кругляши не сгнили, а всего-то лишь «наводопели». Машина нигде не провалилась, и мы благополучно миновали лыву. С левой стороны отчетливо просматривалась низинка, заросшая мелколесьем, кустами. Это была пойма речки Томженьги.

Стали попадаться глинистые ложки с глубокими колеями. Ложки спускались к речке. Местами казалось, что не проехать. Колеи на дороге образовались от гусениц танкеток геологов. В те времена рубленые следы гусениц вездеходов часто встречались в самых глухих уголках района. Что искали геологи? Нефть или золотишко, не знаю, но искали. Бурили, взрывали. Нашли ли? Несколько лет назад районная газета писала, что нашли на какой-то таежной речке золотоносный песок, и вот-вот начнется добыча. Но этого «вот-вот» нет и сейчас. Но бог с ним, с золотом. Главное, мы проехали, ни разу не засели, добрались до устья речки.

В Томженьге чистейшая, холодноватая вода, низкие берега, курпажки и заводинки, где водятся хариусы, ельцы и другие рыбешки. По берегам – кусты и деревца, которые заглядывают в воду. Воздух чист и прозрачен.

Вот оно, наше пристанище – большой, просторный шалаш. Стоял он на красивом суходольном местечке, в редколесье,

совсем близко от речки. Построили его косари-сенокосники. Слажен он был добротно, как и все другое, что делает умелый деревенский люд. Стоял шалаш вдоль речки. Расположи его иначе, скажем, смотрящим на север, и стал бы задувать ветер сиверко. Поставь смотрящим на юг – там речка Лундонга, более широкая и глубокая. С ее низины и летом не просыхающей болотины потянуло бы сыростью и холодом. Все это учли мастеровые люди.

Сруба как такового в шалаше не было. Но задняя стенка поднята с земли на двух или трех бревнышках. Были забраны и боковые стенки. Все это не позволяло проникать холодному воздуху. Крыша закрыта пластинами еловой коры, земляной пол густо застлан свежим сеном. На нем так уютно и тепло сидеть и лежать. Шалаш – простейшее сооружение, это не избушка, и все же в нем можно было безбедно переночевать в случае необходимости в любое время года.

Шалаш в устье Томженьги был необходим не только сенокосникам. Он стоял на дороге, которая вела в Кологрив. Туда почти всегда кто-нибудь шел или ехал. Но как раз где-то здесь или поблизости надо было перебираться на противоположный левый берег реки Лундонги. А весной в водополицу или осенью попасть за реку не просто. Иногда людям приходилось и заночевать.

Лундонга – исстари сплавная река. И думается, что в старые времена именно здесь, в устье Томженьги, была избушка сплавщиков, барак или хибара, где можно было людям отдохнуть и обогреться в непогоду, подсушить одежду, а то и заночевать.

Могли воспользоваться избушкой и все другие, кому на перепутье это требовалось. Многие ходили или ездили в Кологрив на лошадках. Кто-то работал в сплавной конторе, кто-то учился в сельхозтехникуме, у кого-то в Кологриве жили родственники.

Первым делом мы запалили костерок, сварили какое-то варево и сытно пообедали. Затем наносили на ночь дров-сушняка и сырого березняка. День угасал. Можно и отдохнуть. Товарищи меня помоложе, похватали спиннинги и убегли на речку. Я подустал малость и от рыбалки отказался. Вышел на бережок, подобрал сухое местечко, присел на бугорок. Тишина. Молчит лес, молчат птицы, молчит река. Правда, иногда раздаются громкие всплески какой-то крупной рыбы. На них сначала не обращал особого внимания, но когда у залитых водой ветвей ивняка завозилась крупная щука, не утерпел. Принес спиннинг, нацепил светлую, величиной с ложку блесну-колыбалку и на второй или третий заброс зубастая схватила блесну. Крупная,

килограмма натри, попалась щука.

Опять сижу на бережку. Повороты реки, песчаные отмели с круто уходящей глубиной, полусонные заводи наводили на размышления об обитателях здешних мест. С реки потянуло прохладой. Вот она какая, речка Лундонга! Сколько же верст отсюда по реке до ее истоков? И сколько до Кологрива? Там я бывал раньше тропинками-прямушками из Полежаева.

В верховьях сливались две речки: Большая и Дороватка. Чуть ниже впадала Дупляна. Там не было глубоких омутов, но то и дело встречались каменистые перекаты.

Весной по реке гнали плоты. Много плотов, много бревен несла река на своих плечах. Сплавщики – народ молодой, сильный, проворный и храбрый.

– Намаешься, конечно, с леском-то, зато и живые денежки получишь, – рассказывал мне как-то сплавщик из Кемы.

После впадения Анюга река набирала силу, становилась шире, многоводнее. За Вороновской мельницей, за Баранихой, вскорости сливалась с рекой Кемой. То и было начало Унжи, притока самой Волги.

Вскоре мы собрались у шалаша. Каждый из моих товарищей поймал по две-три щучки, но крупных не было. Когда мы заготовляли дрова, я обратил внимание, что за шалашом, в смешанном лесочке темно-зеленые ели чередовались с осинами, соснами и серой ольхой. Попадались кустики черники и брусники, но больше всего было костяники-ягоды. В зеленой розетке листьев, словно красные стеклянные бусы. У нас спросом эта ягода не пользуется, но из нее можно готовить компоты, квас, сиропы. А еще костяника обладает целебными свойствами.

Но чем интересна ягода, так своей способностью предсказывать погоду. Это знали некоторые деревенские наблюдатели природы. Знали и применяли на практике. Если листья костяники скручивались в трубочку – быть ведру, сухим, солнечным дням – то, что и надо при заготовке сена. Если листочки расправлялись – жди непогоду, дождь, ненастье. Старая примета, но верная.

Наши планы были таковы: заночевать в шалаше, сделать плотики из бревешек сухостойных деревьев и свалить на них вниз по Лундонге до бывшей Вороновской мельницы. Это добрых два десятка километров, а может и больше. Так плавали многие рыболовы.

Проплыть по таежной реке, полюбоваться дикой природой, ее красотами, узнать об обитателях омутов, заводей и озерин-стариц, половить щук на блесны было весьма заманчиво.

Чем пахнет хариус?

Тихие, светлые, прозрачные, с родниковой водой лесные речки средней полосы России и сейчас богаты хариусом – этой красивой, стремительной рыбой.

Не случайно еще классик русской охотничьей литературы и литературы по рыбной ловле Л.П. Сабанеев писал: «По цвету хариус – одна из красивых рыб. Спина его обыкновенно серо-зеленая, усеянная более или менее многочисленными и ясными черными пятнышками, бока светло-серые с продольными, иногда, впрочем, едва заметными буроватыми полосками, брюшко серебристо-белое. Парные плавники обыкновенно грязно-оранжевые, а непарные – фиолетовые с темными полосками или пятнышками».

Заметен хариус своим огромным спинным плавником. На кормежку стайки рыб выходят на перекаты и быри речек, питаясь различными насекомыми и мошкарой, часто выпрыгивают из воды. И если день солнечный, то огромный спинной плавник хариуса радужно блестит на солнце.

В маленьких речках хариусы затаиваются под берегом, около корней деревьев, камней и других укрытий. И как только появляется проплывающая на воде какая-нибудь козявка, бабочка, жучок, хариус стремительно налетает на добычу. Вкусовые качества рыбы превосходные.

«Рябок из дичи, харьюзон из рыбы», – запомнились мне слова старого лесовика-охотника из Нижней Кемы Николая Александровича Глебова. Поздней осенью ночевали мы с ним на таежной речке Лундонге, в его избушке-зимнице. И угостил он меня ушицей из тех самых хариусов. Вкусной, ароматной была та уха с перчиком, лаврушкой, лучком да еще с какими-то специями.

Набродившись за день на охоте, я крепко заснул. Не помню, как и ночь прошла. Слышу, трясет меня за плечо Николай Александрович – будит.

Поднялся, вышел на улицу. В небе, в разрывах облаков, светили звезды. Облака шли быстро, стремились быстрее очистить небо.

Мне так понравилась уха, что я на охоту не пошел, а уговорил Александровича пойти удить харюзков на перекаты.

Говорят, что хариус пахнет свежим огурцом. Помню, так мне говорил знаток этих рыб Василий Михайлович Мишенев. А рыбачил он в своей любимой речке Чонова.

В старину жир хариуса считался весьма целебным средством при лечении глазных и ушных болезней. А еще утверждали, что

пахнет хариус богородской травой. Отсюда и латинское название этой рыбы.

По мне так хариус пахнет хариусом – рыбой, хорошей рыбой. Потому как в наших никольских реках хариус – единственная из обитающих в водоемах рыб, которая относится к лососевым. А лосось, семга – сами знаете, что за рыба. Водится она только в семужьих реках и речках.

Тропами охотника Потыла

Одним из первых охотников Кемы, с которым я познакомился, был Николай Александрович Глебов. Жил он в деревне Путилово. Как свои пять пальцев знал все леса в округе, промышлял птицу и зверя. А еще был хороший рассказчик, склонный к юмору, бодрый и веселый человек.

Мне Николай Александрович почему-то напоминал того древнего охотника Потыла, у которого было зимовье, и именем которого и была названа деревня Путилово. Его потомок охотился там же, где ловил зверье Потыл, бродил теми же таежными тропами, и была у него таежная избушка, да и в деревне Николай Александрович жил недалеко от речки Потыловки.

В избе Глебовых было тепло, уютно и чисто. И это, прежде всего, благодаря стараниям жены Николая Александровича – Анастасии Карповны. Хозяйке помогали жившие у них на квартире старшеклассницы средней школы Галя, Тоня и Люся Зубовы. Не раз я ночевал у Глебовых. Вечерами сидели долго. Множество забавных лесных историй, былей и небылиц рассказывал охотник. И все о зайцах, куницах, норках, горностаях, водных и полуводных обитателях рек, речек и других водоемов. А рассказов о крупном звере – хозяине наших северных лесов – медведе что-то не припомню. Но встречался же охотник с ними. И знаю, что храбрый был Николай Александрович и на последней войне участвовал. И медведя бы не струсил. Предполагаю, что охотиться на него просто не хотел.

Были, конечно, у Глебовых и дети, но уже взрослые, и жили отдельно. Сыновья – тоже охотники. Внук Н.А. Глебова Николай Владимирович Глебов – крупный предприниматель лесной отрасли.

Морозным зимним вечером я вновь встретился со своим другом в его гостеприимной избе. Жена охотника, Анастасия Карповна, вязала шерстяные носки, девочки-школьницы, дочери знакомого из лесопункта, Галя, Тоня и Люся Зубовы, учили уроки, а мы с хозяином беседовали.

– Здоровье, говоришь, как? Не жалуюсь. Иной раз в лесу до ниточки промокнешь, вернешься, Карповна ругает, а я слушаю да на охоту собираюсь. Врач Юмалов сказал: «На таком воздухе живешь, не заболеешь. Лес ото всех болезней лечит». Верно говорит. Лес – он как санаторий.

На охоте есть у меня хорошая помощница – Ветка. Она все берет: и белку, и куницу, и глухаря. У сына Володи востроушка из питомника тоже добрая.

Глебов Николай Александрович из деревни Путилово. Фото В. Каплина

Медведя, лося, выдры в наших суземах много. Больше всего я за куницей охочусь. Лонись куница верхом ходила, рябиной лакомилась. Редко следок заприметишь. Однажды в шохре Ветка отыскала старый след. Снег уже глубок был, собака по уши тонет. Подался я на лыжах и на свежий следок наткнулся. Оставил зверек несколько отпечатков на снегу и на елку забрался.

Сделал я кружок – ни следка, ни опороху не приметил.

Вернулся обратно. Вижу, рядышком у елки высокий осиновый пень стоит. Стукнул по нему топором – гудит, как бочка. По звуку понял, что дуплистый. Цигарку свернул, закурил. Куница не показывается. Решил срубить пень. Только ударил топором, она пулей из дятлобоины вылетела. Сначала на елку, потом на другую. На ней и затаилась. Тут я ее и осмотрел. За сезон несколько куниц добыл, почти сотню белок отстрелял. Летом ивовое корье заготовлял да сыну новый дом строить помогал.

Николай Александрович закурил и загадочно улыбнулся.

– Сейчас побываем мы с тобой на глухарином току. Ну-ка, девочки, заведите нам глухарев-то.

Галя нашла пластинку и включила проигрыватель.

– Ближе к рассвету на полянах и лесных вырубках начинают бормотать и чуфыркать тетерева, – говорит диктор.

– А это дятлы долбят, весну встречают, – поясняет охотник. – Слыхал, как поточки заводят на реке? – спросил меня Александрович. – Это тянул свою длинную, трескучую трель козодой.

– Найдешь перышко от этой птицы, сколько в молоко обмакнешь, столько и сметаны будет, – улыбнулся старик, поведав мне о народном поверии.

Вдруг Александрович встрепенулся, как-то по-особому заблестели глаза у старика.

– Поет! Слышишь?

В избе охотника, словно на токовище, разносились чарующие звуки глухариной песни. И невольно вспомнился яркий ночной костер недалеко от глухариного тока. Темнозорь и первые проблески зари. Раным-рано начинает петь глухарь – большая черно-коричневая птица с красными бровями и бородой из перьев.

Зырянский починок

Александру Александровичу Горчакову,
Игорю Николаевичу Томилову

Эта лесная деревенька приютилась в дальнем лесном уголке в Юго-Западной части Никольского района. Знаток этих мест педагог и краевед Иван Макарович Парфенов писал, что Зырянский починок возник после отмены крепостного права и после столыпинских реформ. Название починка явно этнического происхождения. Зыряне – это одна из народностей Коми в давние времена. Почему переселенцы покинули свой благодатный край и приехали сюда? Не сразу разгадал эту загадку. У них в Коми, в тайге-парме было много зверя и птицы. Наряду с куницей обитал ценный пушной зверек соболь с искрящимся красивым мехом, водились росомахи и рыси, хори и горностаи, сохатые и бурые медведи. В многочисленных реках и речках в изобилии обитали лососевые рыбы: семга, нельма, сиг, омуль, голец и другие. Встречался даже сибирский красавец таймень.

Зыряне занимались промыслом пушных и других зверей, добывали пушнину и дичь, ловили рыбу. Тем и жили. Но Коми суровый край. На северо-востоке вечная мерзлота, зимой – лютые морозы. Природные условия Севера не позволяли по-настоящему заниматься сельским хозяйством, выращивать хлеб, который всему голова. Привыкшие к просторам северных лесов переселенцы и не помышляли об украинских черноземах или тепле Крыма. Им бы поближе к лесу, да чтоб хлебушко рос: ржаной мучки смолоть, да мучки овсяной – блины хозяйкам испечь, толоконца приготовить да крупки. И выбрали они наш не столь и дальний край. Гонцов снарядили. Встретились они не только с тогдашним начальством, но и с местным людом. Расспросили посланцы о местах здешних, что и как, да не помешают ли кому, ежели жить приедут. Понравились зырянам русские мужики, простые да приветливые.

Приезжайте, говорят, наших суземов всем хватит, только и у нас мох, да ох!

Приглянулось визитерам одно веселое высокое местечко недалеко от речки Каменухи. Сюда и приехали покамест первые поселенцы Пешаковы Дмитрий Михайлович да Тихон. Позднее и другие явились. Поначалу около речки Каменухи времянки, что тебе охотничьи избы-зимницы, поставили. И в них было спасенье от непогоды, осеннего промозглого дождя и холода. Осенью на

суходолах мужики лес рубили. А были те места рядом, за Каменухой. Деревья на суходолах крепкие, ядреные, а еще кремнисты и звонки. С весны за настоящее строительство взялись. Наперед знали, что вкалывать, гнуть спины придется – не на обжитое место ехали. С утра до вечера стучали топоры. Делали все на совесть, надежно, надолго и красиво. Жить собирались. В бревнах вынимали пазы, куда закладывали мох при сборке сруба. Мох обладает отличными теплоизоляционными свойствами.

Уставали плотники, порой и рубаха от пота приставала к

телу, но отдыхали и снова брались за топоры. Кончали работу мужики и, когда возвращались, оглядывались на растущие день ото дня срубы домов. И теплее становилось на душе, приходили вдохновение, уверенность в своих силах, в осуществлении задуманного. Так и возникала новая лесная деревенька. Построили мужики почти одни пятистенки. Для такого дома сотни полторы хлыстов надо. В каждом из пятистенков была зимница, где семья могла жить зимой, и горница для летнего проживания. А наверху через весь дом мезонин. Двор не велик. Отдельно стояли амбары. Кстати, они были также необходимым атрибутом каждого хозяйства. В них хранилось зерно. И не зря говаривали: «Есть в амбаре – будет и в кармане». Добротные и ладно выстроенные дома виднелись издали. Они были красивы не только с улицы, но и внутри. Матицы украшены калевкой, своего рода деревянным узорочьем. Косяки поставлены не прямо, как это обычно делается сейчас, а на «усик» – на косых. Рамы сделаны в шпунт. Вы знаете, что такое изба из дерева? Дерево – отличный, даже сейчас ничем незаменимый строительный материал. Его теплоизоляционные свойства в 4–5 раз лучше, чем у кирпича. В деревянном доме особый микроклимат, приближенный к природе: всегда чистый, сухой и свежий воздух, благодаря тому, что дерево «дышит». Главенствовала в избе печь. Она служила для приготовления пищи, в ней хозяйки пекли подовый хлеб, предварительно заметая помелом (оно делалось из веток сосны) золу и мелкие угольки в загнету. В печи сушили грибы, приготовляли «пареницу» из галахи (брюквы), запаривали бруснику. Печь была и хорошим средством для излечения простудных заболеваний, радикулитов, ревматизма. Лежа зимой на печи, старики грели старые кости, вспоминали жизнь свою, дети, под завывание ветра в трубе, слушали бабушкины сказки. В такой избе было удобно жить. А за окнами дома, от самого крыльца была живая природа, а не окружающая среда. Тогда и понятия такого не знали.

Весенние игры птиц, курлыканье журавлей на болоте, щебет и хлопанье крылышками скворца на ветке у домика-дуплянки, серебристые росные травы, бархатистые шмели в черно-желтых одежках, перелетающие с цветка на цветок, мурлычащая трель козодоя – «ночной ласточки», волнами ходившие колосья ржи на поле – все это и была природа. И с ней было каждодневное общение. Да и сами жители починка были частичкой той самой живой природы.

Рубили лес для строительства, и все сучки, пеньки, корни, различный хлам складывали в кучи, а когда они насыхали, «катили валы» – сжигали порубочные остатки. И еще подсеки

рубили. Так и отвоевывали у леса кулижку за кулижкой. Здесь и проложили первую борозду на будущем хлебном поле. Трудоемкая это работа, но сев по гарям давал приличный урожай зерновых и льна.

Обзавелись домами, зерновые посеяли и за скотинку взялись. В деревне она очень нужна. Завели буренок. Телята и овцы бродили по пастбищу, щипали зеленую травку. Без молока и мяса в деревне не проживешь. Соорудили маслобойку. Стали производить свое масло. Еще тогда, когда переселенцы жили во времянках, мужчины с трудом выкраивали время, чтобы в лес сбегать. С каждым разом забираясь все дальше и дальше, познавая охотничьи угодья. Не отставали и женщины, отыскивая ягодные поляны и грибные местечки.

Убедились люди, что не обманулись в своих надеждах. И стала для них земля Вологодская их второй родиной. И в здешних лесах водилось немало зверя и птицы. А если и не было царской рыбы – семги, то в омутках и травянистых плесах речки Юрманги бултыхались крупные, зубастые щуки, стаями ходила сорога, а на перекатах выскакивали из воды, блестя радужным оперением, стремительные хариусы.

Юрманга вливается в реку Лундонгу, еще более глубокую и богатую рыбой. Встретилась Лундонга с Кемой и дала начало тихоструйной красавице Унже – одному из притоков самой Волги.

В глухой деревеньке, лесной тем более, каждый мужчина должен быть мастером на все руки: плотником и столяром, слесарем и шорником. Уметь чинить обувь, подшивать дратвой валенки, плести лапти. Ремеслу этому обучали с детства. Славился мастерством в изготовлении поделок для крестьянского обихода Илья Дмитриевич Пешаков. Насадить ли топор, сладить санки крупорушку или сани, сделать ступицу к колесам или ручную меленку крупорушку – все мог умелец. Любое изделие, изготовленное мастером, от пасти на мышей до мельницы-крупорушки, хоть на выставку отправляй. Так любовно и красиво они были слажены. Все поделки гладко выструганы, подогнаны и прилажены, причем без единого гвоздя.

Все знали толк в деревьях, знали, для каких целей подойдет сосна – с учетом того, где она росла, на борчине или в болотистой низине, ель, липа, можжевельник, черемушник. Чаще всего приходилось иметь дело с березой, очень крепким деревом, без которого не сладить крестьянских саней и санок, не сделать топорища и многих других вещей. Никого не требовалось учить охотничьему ремеслу. Лесовать ходили многие. У каждого была своя промысловая тропа – путик. Держали собак, осенями постреливали белочек, ловили глухарей и рябчиков.

Не было лучше охотника-промысловика Николая Васильевича Тюпакова. Одно время он работал учителем начальной школы. Не берусь судить о его профессиональном мастерстве, а вот охотник он был от Бога. Потому и в тайгу потянуло. Мороз ли лютый, пурга кружит, снег валит, он с утра в лес, на свою ловчую тропу на лыжах катит.

– Куда ты, Николай Васильевич, в такую непогодь? – оклик нут соседи. А он только рукой махнет. Дни зимой короткие, а до зимовья далеко. А еще надо ловушки проверить. Где снег отряхнуть, приманку заменить, а подфартит, так и куничку снимет, хоря из капкана достанет.

По просекам и лесным дорожкам, по берегу речушки, по темным хвойникам петляла его широкая лыжня. Шел охотник и по следам на снегу, по «посорке» – сбитой с деревьев кухте (снежной нависи), оброненным хвоинкам и кусочкам коры узнавал, какой зверь живет и куда ушел. Много добывал зверьков охотник, но и на расплод оставлял, чтобы зверь не перевелся. Охотился круглый год. Летом промышлял кротов. За сезон отлавливал и сдавал государству до трех тысяч бархатистых шкурок. Больше его в районе никто не сдавал. Мягким золотом называлась в те времена пушнина. Она-то и давала стране валюту. Много валюты.

– Очень скоро никто не считал работящих, приветливых и гостеприимных переселенцев пришлыми. Жили они словно большой семьей, дружили с соседями из Куданги, – рассказывает житель этой деревни Александр Александрович Горчаков.

Быстро и незаметно, словно слова из песни («Ах, как годы летят!») проходили год за годом, складываясь в десятилетия. Урожаи только сначала на подсеках были подходящими. С тощих супесей да подзолов много не получишь. Нужен навоз, другие удобрения, а их где возьмешь? Только в благоприятные годы, когда в июне сеяли теплые дождички, хлеба были получше. А так, хотя и обращались зыряне с землицей, по-настоящему хлебным поле не стало. Лет тридцать назад вместе с коллегой-журналистом Вениамином Горчаковым по заданию редакции райгазеты «Авангард» посетили мы лесные деревеньки Куданги. Побывали в Веденихах и Баданках, Калинкине. Ночевали в каждой из них. Была первая половина сентября. Рожь уже выжали, кончали уборку овса. Проходили по полям, и они все еще источали духовитый, сладковатый запах поспевших хлебов. Из Калинкина пошли в Кудангу – хозяйственный центр колхоза. Вышли с утра, но не рано. Шли проселочной дорогой, любовались расцвеченными осенью лесами, живописными пейзажами. Каких только красок не было в листве осин, черемух, лип, берез и

рябин! Поблекшие травы никли к земле. Но все еще летали паучки-путешественники на своих тенетах. Мы наслаждались задумчивой тишиной осени, ярким еще солнцем, дышали чистейшим воздухом. Иногда совсем близко, с ягодников, шумно взлетали бородатые глухари и рябчики.

По пути в Кудангу нам и встретился починок Зырянский. Пришли в него около обеда. Первое, что бросилось в глаза – хорошо сохранившиеся дома. Они удачно вписывались в окружающую природу.

Увидев нас, хозяева махали рукой в окно, приглашая зайти, а чаще всего выходили на улицу сами. Зашли к Пешаковым. Первым делом нам предложили пообедать. Хозяйка достала из печи чугун, поставила на шесток, налила варево в большое блюдо. Сразу же аппетитно запахло свежей капустой, свеклой, лучком, специями.

На второе было жаркое со свежей картошечкой. «Молочка топленого выпейте», – потчевала хозяйка. Молоко стояло в глиняной кринке. Сверху плавала коричневая пенка, молоко под ней было желтое и густое, с золотистыми звездочками жира. Конечно же, оно было очень вкусным. Немало и другой снеди стояло на столе. В том числе лесные деликатесы – грибочки со сметаной и моченая брусника-ягода. Обедали и вели разговор. «Жить-то бы у нас, робята, можно. Все свое и все под боком, только вот жизня-то коротка, как детская рубашонка. Сила уже не та стала!». «Что-то молодежи у вас не видно», – заметил мой товарищ. «Разбежались, разлетелись парни и девки по белу свету, – вздохнула женщина. – Летом приедут, помогут старикам на сенокосе, да велик ли отпуск-то? Они как журавушки перелетные. Прилетят, покурлычут, и поминай как звали. И старики уже уезжают. Пустеет деревня».

Была эта встреча в далеком семьдесят третьем. А что же в Зырянском сейчас, в теперешние дни? А то же самое, что и в других лесных деревеньках. Я уже упоминал, что уезжать люди начали давно, когда стали укрупнять колхозы.

Дольше всех жили две старушки: Нина Палкина и Екатерина. Дети их не забывали, приглашали поехать к ним в города, но они отказывались. Потом одну увезли в Курск, так она там мало и пожила – с тоски умерла. Уехала в Челябинск и Екатерина Лужинская. Детей у нее семеро. Ей за 90 перевалило. Долго живут люди, жизнь которых прошла в труде да на природе.

Погибла деревенька. Заросли лесом поля, луговины затянуло ивняком да мелколесьем. Ни крика петуха, ни ржанья лошадей, ни звона отбиваемых на лугах кос не услышишь. В знойные летние дни кругами ходят в небе сарычи и все канючат: «Пить,

пить, пить»… Да серо-черные коршуны с высоты высматривают зайчат в травяных зарослях около бывших изб.

Грибная пора

После того как по Государевой дороге проложили асфальт многие стали ездить за Березово за грибами. Потому как можно было проехать не на каком-то «козле-бобике», но и на «Жигулях» – машинах покруче. Летом, в грибную пору в тамошние места все больше потянулось любителей с корзинами и кузовками. Знал те грибные местечки, бывал не раз и я. И опять собрался. В Березове заглянул к знакомому старичку. Николай в огороде картошку копал.

– Грибов ноне не богато, но есть, пособираешь, – сказал Николай. – Тебе бы лонись приехать. Сколько губ было!

Губами пожилой деревенский люд зовет те грибы, которые годны для засола. Не трудно догадаться, почему грибы называют губами. Посмотрите на розовую волнушку, валуй (у нас валуи зовут бычками, под Вологдой кубарями). Шляпки этих грибов очень похожи на губы.

Поехал я дальше, к бывшим деревенькам. Всего-то они от Березова в нескольких километрах. Они – это Горбаченки, Государеньки и Калистратенки. Когда-то эти деревеньки входили в состав Костромской области. Из-за бездорожья, вдрызг разбитой дороги до райцентра – села Павино, других неудобств председатель колхоза А.А. Мишенев, человек энергичный и напористый, сумел доказать Москве целесообразность перевода укрупненного колхоза, всего Переселенческого сельсовета, из Костромской в Вологодскую область. Так было удобнее жителям, колхозу. Только деревеньки эти просуществовали недолго, какой-то десяток лет. Их стали покидать жители, уезжая в города. Какое-то время из хозяйственного центра колхоза еще приезжали колхозники убирать посеянные на полях травы, но потом махнули рукой. Полузабросили. Только медведи шлялись осенью по старым пашням в поисках овса. А найди его, если не сеяли! Дошло до зверей, и они подались в леса да на вырубки, поближе к ягодам. Поля в лесных массивах были не велики. Тем быстрее они зарастали, затягивались молодым леском да кустами.

Доехал до знакомого грибного местечка, загнал самокат на лесную поляну, взял корзину, и – в лес. Иду вдоль поля, поглядываю по сторонам. Под ногами травка увядшая, блеклая, почти коричневая, листочки шуршат. Хожу, брожу по лесу и кое-что нахожу: то обабок около моховой кочки встретится, серые гладыши попадутся, сыроежки в ельничке закраснеют, черныши в сухом местечке у березок огляжу. Беру все, что попадется. Знаю: скоро отойдут грибочки, В перелеске, на поляне на волнушки

навернулся. Походил, в желтеющей траве больше десятка насобирал.

Денек выдался на загляденье: солнышко светит, не печет, конечно, но хорошо пригревает. Ящерки тоже на пригревинки в затишке повылезали, растянулись на валежинах, греются. В желтых цветах шмели копошатся. Черный дятел долбит сухое дерево, только ошметки коры в стороны летят. Людей в лесу нет. Наверно, картошку копают. По-осеннему расцвечены деревья. Березы желтые, осины красно-оранжевые. Прилетела, зачечекала на рябине стайка дроздов. Не очень-то люблю этих прожорливых, нахальных птиц. Пошел потихонечку от горластых дроздов по березнячку и, какая радость, – на горушке на груздочки наткнулся. Ножичек из корзины достал и срезаю. Грибы крепкие, ядреные, не очень чтобы большие, средние такие. Гляжу – впереди кустики молодого липняка пошли. Заглянул, и там груздочки повылезали. А кое-где их и не видно. Листья на земле приподняты, бугорок торчит. Отодвинешь листочки, а там гриб. Торопиться мне некуда. Срезал липку-лутошку, батожок сладил. С ним и хожу, листья ворошу. Глянул – корзина почти полная. Присел на деревце, лежащее на земле, отдохнул и дальше двинул. Доволен. Чего еще надо? К дороге направился другим путем, взял чуть правее, и в березовых перелесках стали попадаться белые. И ни одного червивого. Рад удаче. Собираю, не спешу уходить от грибного лесочка.

Кончил собирать и вышел в поле, как раз к месту, где деревенька была. Изб и в помине нет. Все вокруг крапивой, лопухами да бурьяном заросло. Вижу – торчит из травы кроватка железная. Рядом дверь с ржавыми петлями, банки-склянки разбросаны, умывальник дырявый… «Погибла деревенька, чего уж тут…», – подумал я. Даже посидеть, отдохнуть возле хлама не захотелось. Грустно было смотреть на умершую деревеньку.

Уже подходил к дороге, когда кто-то на лесной поляне костерок запалил. Направился к нему. «Э, да это свой брат-грибник», – понял я, увидев полную корзину грибов, стоящую у березы. Возле нее притулился к деревцу пестерь, закрытый сверху желто-зелеными веточками. У костерка, спиной ко мне, стоял мужчина, прилаживая котелок на рогульку.

– Здравствуйте, – сказал я, когда грибник повернулся.

– Здравствуй и ты. Говоришь, по лесу ходи, под ноги гляди.

– Так выходит.

Познакомились.

– А меня Иван Иванович, попросту Иван, – представился муж чина. – А чего ты с одной корзиной?

– Хватит одной.

Грибнику на вид было где-то под пятьдесят. В спортивном костюме, стройный, высокий, со светлыми лучистыми глазами, выглядел он достаточно молодо. На старика никак не похож.

– Грибочки у тебя, как на подбор, – заметил я, рассматривая небольшие мохнатые груздочки, волнушки и белые. На них ни одной веточки, ни травинки, ни кусочков другого мусора.

– Ночи стали длинные и прохладные, – продолжал Иван. – Грибочки, они тоже тепло любят. Вот и льнут к теплинкам: к южной стороне дерева, к теплому склону овражка, укрываются в травке, под опавшими листьями, – поделился мыслями грибник.

Он принес скатерку, разостлал на сухой горушке, нарезал хлеб, достал из рюкзака ложки.

– Попробуй, что у меня получилось, – ставя котелок с варевом, сказал Иван. – Присаживайся поближе.

В котелке оказался грибной суп из рыжиков-еловиков. От кушанья исходили неповторимые лесные грибные запахи. В похлебке попадались зеленовато-коричневые грибочки да ломтики свежей картохи. Такая вкуснятина – пальчики оближешь. Мы ели, не торопясь, смакуя каждую ложечку варева. Не хотелось оставаться в долгу, я принес бутылек, предложил выпить по стопарику за знакомство. Так и сделали.

– Родом я из соседнего Межевского района и тоже из такой глухой деревушки, какая здесь была, – сказал Иван. – Здесь же жил мой товарищ, с которым в армии в Первоуральске служили. Думал, встречусь с ним или что узнаю о нем. А тут кого спросишь? И деревни-то не стало. Отслужили мы с Михаилом срочную, и он в Мурманск, к кому-то из своих рыбу ловить подался. А я на сверхсрочную остался. Годы пролетели, и не заметил. Пенсию заработал. Да еще десять лет в школе по физкультуре работал. Потянуло что-то в родные края. Здоровье еще есть. Пожить бы вот так, на природе. Давно мечтаю.

– Так в чем дело? Проблемы какие?

– Проблем только у покойников нет. Женушку мою Галину сюда, в эту глухомань, на веревке не затащишь. Это еще полбеды. Дочка младшая Светка в институт поступила. На врача будет учиться. А это шесть лет. Сам понимаешь, одну в городе не оставишь.

– Это серьезнее, – согласился я.

Иван подошел к костру, поворошил угли, головешки в кучку сгреб и поставил над огоньком пузатый чайник, который стоял на земле у костра. Очень скоро вода в чайнике закипела, зафыркала в рожке. Грибник достал из рюкзака пачку чая, какую-то «принцессу», и, насыпав горсть в ладошку, стряхнул в чайник.

– В деревне чем хорошо? – продолжал Иван. – Тем, что

живешь не рядом с природой, а среди нее. Домик деревянный, рубленый, это тебе не каземат городской, бетонный. Ничего лучше дерева ученые так и не придумали для жилища людей. Леса, луга, речка чистая – все рядом. Рыба, дичина какая, грибы-ягоды, само собой. Бывало, рожь вымахает, идешь по тропинке, тебя и не видно. У такой и колосья грузны, и зерно тяжело. Добрый урожай! Как он радовал душу. Конечно, и нелегко было, вкалывали порой до соленого пота, а на трудодни – шиш. Как взялись деревеньки-то в кучу сбивать, так и стали разбегаться люди, кто куда. Конечно, и время шло. И жизнь менялась. И у молодежи другие устремления появились. Не влекло, не манило их крестьянское дело. Хотелось и на города посмотреть. По смотрели, да там и остались. Каждому надо было решать, как построить свою жизнь. Поняли, конечно, что деньги даются большим трудом. А работать деревенские сызмальства приучены. Но нельзя и упрекать их за понимание жизни.

Труден хлеб крестьянский. И не в каждой деревеньке, особенно таежной и дальней, куда и дороги-то подходящей нет, останутся жить люди. Если асфальт рядом – другое дело. Хотя бы те земли обиходить. Не нам, пенсионерам, конечно. Мы-то – отработанный пар. Да что говорить?

Иван вздохнул и какое-то время сидел молча. Днем ветра не было и в помине. А сейчас, когда солнышко зацепилось за макушки островерхих елей, в низинке шевельнулся ветерок. И сразу залопотала осинка, зашелестела, зашушукалась, словно с желтыми листочками березового колка переговаривалась. А те сыпанули листвой на землю.

– Погода сменится, завтра дождь будет, – сказал Иван. – Ветерок на вечеру, да и заря алая. Ну, да ладно. Ни людям, ни нам сено не грести.

На дороге загудела автомашина.

– Это за мной сын из Пыщуга приехал, – сказал Иван Иванович и торопливо засобирался, складывая в рюкзак манатки. – Бывай здоров! – кинул на ходу.

Заря угасала, и было видно, как на западе наползали серовато-черные тучи.

Второй гриб после рыжика

Грибы с давних пор считаются деликатесом русской кухни. Только вот не каждый год радует отменным урожаем «лесного мяса». Дело тут, скорее всего, в погоде, во всяком случае, от нее зависит многое. Еще Сергей Тимофеевич Аксаков – один из старейших наших писателей-классиков, родоначальник русской охотничье-исследовательской литературы, кстати, и назвавший сбор грибов «тихой охотой», писал: «Ни суховея, ни дожделея грибы не переносят, им вольготно не в ливень, а в дождик – моросей-ситничек. В этом утверждении Сергея Тимофеевича, впрочем, как и во многих его других изречениях, «каждое лычко в строку». Почему ситничек? Да потому как дождик моросит, словно через сито, так мелки его капельки.

Давным-давно выдался однажды вот такой неурожайный на пластинчатые грибочки год. А пластинчатые – те, что особенно пригодны для солений и маринадов. Раньше такие грибы в народе называли губы. А почему губы? Так посмотрите, скажем, на шляпу розовой волнушки, молодого «бычка-кубаря» и сразу поймете – закругленные их шляпки очень похожи на губы человека.

В тот год даже в сентябре почти не было хмурых, мглистых деньков с туманами по утрам, а стояли ясные солнечные дни с холодными утренниками. Какие уж тут грибы. Для зимы, впрок, грибов никто и не заготовил.

В начале декабря, в сумерках, заглянул к Василию. Мы давно не виделись, и я был рад встрече с товарищем, испытывал к нему какое-то особое доброе чувство.

Едва открыл дверь, как услышал радостный голос хозяина:

– О! О! Проходи, проходи, прямо сюда, на кухню, подкрепимся малость – вот и картошка сварилась… Может, и грибочков желаешь?

– Какие грибочки? Сказывают старики, прошлой осенью их черт с квасом съел.

– У кого съел, а кому и оставил, – засмеялся Василий, доставая из холодильника трехлитровую стеклянную банку маринованных грибов.

– Ты смотри, – удивился я. – И что за грибочки?

– Хорошие. Осенние опята.

Я, как и многие мои земляки, в жизни не бравший этих хороших осенних грибочков, не считавший их даже за настоящие грибы, едва не поморщился.

Но недоверие к опятам прошло быстро. Как только хозяин снял с банки крышку, в комнате повеяло грибным духом,

разлился лесной аромат, запахло пряностями, уксусом, грибным отваром и еще чем-то лесным, вкусным, приятным. И запах этот напоминал запахи осеннего леса, был ничуть не хуже свежих белых грибочков, боровиков и зеленоватых, соленых рыжиков-еловиков.

– Чего удивляешься? – поглядел на меня Василий. – Страстный любитель природы и русского леса, знаток грибного царства, фенолог и самобытный писатель-москвич Дмитрий Павлович Зуев очень высоко ценил великолепные вкусовые качества осеннего опенка. Он считал его вторым грибом после рыжика.

И мне пришлось этому поверить, потому как и я хорошо знал этого «лесного человека» Дмитрия Павловича Зуева – неутомимого грибника и охотника, так много знавшего не только о лесе и его обитателях, но и обо всем окружающем нас мире, о дарах природы.

Я уставился на банку с опятами, как баран на новые ворота, и очень внимательно разглядывал темноватые шляпки небольших грибочков. Потом почерпнул их ложечкой, попробовал. Вкусно. Вполне даже.

– Высший класс! – оценил осенние опята мой друг, ветврач Иван Андреевич Хомяков. Но это было уже позднее, потом, когда я сам поднаторел собирать эти грибочки и угощать ими других. Так вот. А пока я вдыхал чудесные ароматы лесного варева, от которого пахло не только пряностями, но и всем тем, чем благоухает осенний лес. И потому нам казалось, что мы с другом сидим не на кухне, а на сказочной лесной поляне. И я слушаю рассказ товарища о том, где и как растут эти чудесные грибочки-опята, и когда и как надо их собирать, и как не спутать с ядовитыми их двойниками – ложными опенками, и как заготовлять их впрок.

Мне запомнилось даже такое, сказанное товарищем:

– У опят, как и у лисичек, даже червяков не бывает.

А еще он рассказывал, что женщина из соседней деревни намариновала осенних опят для своих родственников, живущих в Череповце, несколько десятков трехлитровых, банок.

Конечно, я поинтересовался, как же были приготовлены опята. Очень просто. Соль в воду, лаврушку, черный горошком перец, гвоздику, корицу, малость сахарного песочка. Грибы – в кастрюлю и на огонь. Варили, помешивали ложечкой, как обычно. А когда грибочки спустились, легли на дно – варево готово.

В тот зимний морозный вечер мы засиделись. Разговор был интересный и долгий. Вспомнили, как однажды собирали волнушки и груздочки возле полей, как охотились на медведя за

таежной деревенькой Кленовая, как ловили хариусов, как ездили на зимнюю рыбалку.

Исходящий от маринованных опят аромат осеннего леса, другие запахи грибного отвара, печь-лежанка, казалось, подогревали нашу беседу, располагая к особо доверительному разговору.

Впервые отведал маринованных опят, они почему-то не выходили из головы, я думал о них. Вот ведь и растут-то на пеньках, на мертвых деревьях, а отменно хороши. Надо, конечно, не перехвалить, но и то сказать, что опенок, который относится к третьей категории грибов, многие оценивают куда выше.

Возвратившись домой, я взял на полке книжку Д.П. Зуева «Дары природы» и в ней отыскал такие строки: «Всем надо знать, что осенний опенок из всех пластинчатых, кроме рыжиков, самый вкусный гриб в жареном виде и супах, а после рыжиков и груздей самый вкусный в маринаде и солении». Так вот.

Уже на следующий год мне удалось довольно быстро познать вид и внешность грибов, места их обитания, научиться безошибочно их отличать от вредных двойников и даже овладеть поварским искусством, хотя в этом помогла поварская книга, которую мне дала Муза Вячеславовна Береснева.

Встречаются осенние опята в смешанных лесах, на стволах осин, берез и других деревьев, лежащих на земле, и на их пеньках. Осенью опят больше, чем других грибов. На одном пне иной раз можно нарезать сотню-другую шляпок.

Что представляет собой гриб осенний опенок? Слово, советы – Д.П. Зуеву. Итак, опята растут на стволах умерших деревьев и на пеньках. Гриб быстрорастущий. Он поражает деревья и, как говорят, «царствует на их костях».

У настоящего опенка (в отличие отложного) шляпка буроватая, серовато-желтая, светло-коричневая. У ложного опенка – зелено-желтая, желто-зернистая, красноватая по середине. И шляпки без чешуек, ножки без колец (манжетки). У осеннего опенка чешуйки на шляпке – беловатые пластинки, у ложного – бурый или фиолетовый порошок, верный признак их ядовитости. Яркие двойники осеннего опенка не годятся для засолки и маринования. Вообще, ложного опенка изобличает яркая желтизна, ржаво-красные тона шляпок.

После чтения зарисовок Д.П. Зуева моих знаний об опенках было вполне достаточно. Я ни разу не ошибся в сборе настоящих опят и, по достоинству их оценив, с удовольствием включил их в список особо любимых мной грибов.

А далее – выпустить книжку, с тем, чтобы прочитали эту статью об опятах другие и не теряли дорогостоящее время, а

обязательно собирали такую вкуснятину, как осенние опенки. Одним этим я буду вознагражден за свой труд.

Рыжики на огороде

Во время Великой Отечественной, да и после ее окончания, в Никольском районе заметным человеком был Егор Маркович Залесов – председатель колхоза «Демино» (Верхняя Кема). Он зарекомендовал себя умелым руководителем, хорошим хозяйственником. Но сейчас не об этом. Однажды зимой к Егору Марковичу в Демино приехали москвичи – то ли родственники, то ли знакомые – по каким-то делам. За ужином хозяева решили угостить гостей солеными грибочками. Хозяйка поставила на стол чугун горячей, разваристой, рассыпчатой картошки в мундире. А еще принесла из голбца блюдо груздей. Грибочки были средней величины, как на подбор, белые, студенистые, в меру подсоленные, с бахромой по краям шляпок. Заправленные постным (льняным) маслом, грузди были превосходны. Очень понравилось москвичам такое кушанье.

– Где же вы таких берете? – спросили гости.

Вместо ответа «знамо дело, в лесу» прозвучали другие слова хозяина.

– У себя на огороде, я их каждый год сею. Хотите, и вам семян дам? – спросил Егор Маркович.

– Давай, давай, – оживились гости.

– Неси-ка, голубушка, семян груздей, да побольше, – обратился к жене Егор Маркович.

Конечно, это была шутка. Но о ней я сразу вспомнил, когда увидел в вологодской деревне Бачманке, в саду у Татьяны Ивановны и Константина Михайловича Советовых на грядках посадки настоящих лесных рыжиков-еловиков. В саду более 1200 деревьев: берез, лип, вязов, кленов, сосен, дубков, пихт, кедров и других. А еще Советовы выращивают можжевельник, на веники – париться в бане. Выращивают саженцами, себе и знакомым. Все они посажены заботливыми руками хозяев и их семьи: сына Михаила, окончившего институт с экологической направленностью, и дочери Галины (ей и карты в руки), с отличием окончившей сельхозтехникум и продолжившей учебу в институте. Сейчас и он закончен.

Сколько труда надо было затратить, чтобы привезти саженцы из леса, посадить каждое деревце в удобренную землю, полить не раз и продолжать выращивать. Ухаживают за саженцами Советовы старательно, и потому деревца прижились, пустили крепкие корни в благодатную почву. Я побывал в саду Советовых несколько лет назад и видел ладные да высокие сосенки, липки с зеленой кроной. Тянулись к свету кроны молодых кедров с

длинными иголками, шелестели листочками зеленоватые осинки, распустили зеленые косички березки. Каждый год садоводы продолжают посадки деревьев, высаживая по полсотни саженцев.

А вот и посадки елей. Они привлекают внимание каждого, кто заходит в сад. Зеленые красавицы с колючими лапачками посажены несколькими аллеями. История еловых насаждений такова.

У Константина Михайловича еще лет десять назад, а может, чуть раньше, появилась задумка заняться разведением рыжиков в своем огороде. Грибники, да и не только они, знают вкус этого грибочка, его отменный аромат, если не сказать божественный.

Рыжики – это не какие-нибудь гладыши, скрипицы, чернушки или желтые рогатики. В нашей северной лесной зоне рыжики обыкновенны в мелком ельничке, на полянах, опушках, у отдельно стоящих елочек. Здесь они встречаются чаще, чем в иных местах. За приверженность ярко-оранжевых грибов к еловым насаждениям их зовут рыжиками-еловиками. Они тенелюбивы, любят прохладу и влажную землю. Рыжики, как и грузди, растут, как говорят, «мостами» – семейками. Они всегда в окружении своих собратьев. Отличаются от еловиков боровые рыжики. Их найдешь в сосновых борах. У них, в отличие от еловиков, симбиоз с сосной. Но пока – о рыжиках-еловиках.

Первым делом Константин Михайлович занялся посадкой молодых елочек. Исходив окрестные леса вдоль и поперек, он знал все рыжичные местечки. Там и облюбовал елочки – саженцы для посадки. Копал осторожно, так, чтобы вокруг стволика оставался дерновый пласт и прикорневой ком земли. Привез молодые елочки высотой 60–70 см и посадил их так, как они росли в лесу: южной стороной (с пышной зеленью лапачков) – к югу, северной – к северу. «Рыжики высыпают уже на второй год», – говорит К.М. Советов.

В 2003 году в саду Советовых видел посаженные елочки. Они заметно выросли, похорошели. Аллеи протянулись с запада на восток. Это я определил «на глаз», без компаса. Рыжики не любят ярких солнечных лучей и скрываются от них в траве, под колючими лапачками деревьев.

Лесные гостьи опушились, гуще стали лапочки, появилась трава-подстилка. В тот же 2003 год был получен и наиболее высокий урожай рыжиков-еловиков. Собрали 2142 грибочка. Рыжики начинают расти позднее других грибов. Где-то в июле, но пик роста каждый год различен.

Собирать рыжики-еловики в своем огороде – одно удовольствие. Они точно такие же, как и в лесу: красно-оранжевые, гладкие, крепкие, душистые.

В 2006 году рыжики появились 6 августа. Их урожай, как и других, непредсказуем. Многое зависит от погоды: температуры, перепадающих дождей и других природных явлений. Рост рыжиков продолжался до 23 сентября. Всего удалось собрать 925 грибов – очень хороших, высокого качества.

Кроме еловиков, намного больше других грибов – подберезовиков, маслят – в сосновых посадках.

Константин Михайлович охотно делился своим опытом с односельчанами, жителями соседних деревень и всеми другими, кто обращался.

Летом 2006 года гостил у него заместитель директора

Национального парка Голландии Роберт Белье. Он высоко оценил труд энтузиаста. Несколько дней провел гость у Советовых. Знакомство с природой нашего края, общение и беседы были обоюдно полезны.

…Сад Советовых словно райский уголок. Сбегающая от крыльца дома дорожка ведет вниз по горушке и спускается к живописному пруду, заросшему камышом и другими травами. На водной глади промелькнули водомерки – маленькие козявки, словно на коньках проехали. У каждой водомерки по шесть непомерно длинных ножек. Благодаря волоскам на концах лапок, эти живые существа по воде передвигаются, словно по полу. Но главное в том, что водомерки – верный признак экологически чистейшей воды.

У пруда красочная беседка, слаженная умелыми руками мужчин. В саду, который доходит до беседки, весной щебечут скворцы, поют зяблики, пеночки-веснички и еще какие-то птахи. Тут же, в саду, птички гнездышки вьют, выводят потомство.

По профессии Константин Михайлович Советов инженер-механик. Он любит жизнь, всех живущих людей, и стремится делать добро. Поэтому уважают его не только односельчане, но и все те, кто его знает. А знают многие. Он один из тех, кто относится к природе вдумчиво, пытается распознать ее тайны и загадки и сделать что-нибудь такое, чтобы на пользу было. Себе и людям. Разве плохо украсить землю садами? Позаботиться о птицах и для зверей оборудовать солонцы, обеспечить подкормку животных. Соорудить и обустроить пруды на речках?

Его Бобришный Угор

Какой-то умный француз, философ или писатель, но не Антуан де Сент Экзюпери, сказал, что рая на земле нет, есть райские уголки. Наверно, с ним надо согласиться. Такие любимые местечки, райские уголки есть, прежде всего, у писателей, писателей-классиков. Наверно со времен С.Т. Аксакова, а может и раньше его. Вспомним Аксаковское Абрамцево, Пушкинское Михайловское. Кстати, Государственный музей-заповедник, и это тоже дивное райское место, «приют спокойствия, трудов и вдохновения». «Все тут способствовало возмужанию его души, питало поэтический дар», – напишет совсем недавно в «Комсомолке» с своем «Окне в природу» известный писатель и журналист Василий Песков в статье «Лесов таинственная сень».

Духовная составляющая великого поэта Пушкина. Мировой масштаб. И если продолжать разговор о райских уголках, то я бы назвал фамилию К.Г. Паустовского. Он страстно любил все свои родные места, где довелось ему жить, но особо он был неравнодушен к Мещере с ее бескрайними лесами.

«Там до конца я поляк, – писал он о Мещере, – что значит любовь к своей земле, и каждой заросшей гусиной травой колее дороги, и каждой старой ветле, и каждой чистой лужице, где отражается прозрачный серп месяца, и каждому пересвисту птицы в лесной тишине».

Вот такая же любовь к своей малой родине, своим трудолюбивым землякам, своему Бобришному Угору сложилась у известного писателя Александра Яшина.

Свой Бобришный он знал с детства, а потом подарил его нам. Эти сосны и кустарники, травы и яркие цветы, ягодники, все, что росло на Бобришном, были так любимы писателем. Здесь он работал и отдыхал, набирался сил, ощущая радость труда и жизни, и сам дарил людям то же самое.

Жизнь не баловала будущего писателя.

«Отца своего не помню, он погиб в первую мировую войну. Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось работать в полную силу», – вспоминал деревенский паренек Саша Попов, будущий писатель.

Впрочем, не легкими выдалось у него не только детство, но и более поздние годы: трудные размышления, потери близких и физические страдания. Все было. Но дружеские отношения в течение всей жизни связывали писателя с родной деревней Блудново, односельчанами, всем деревенским людом и не только.

…Здесь хата моя не с краю,
Я с детства,
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Всей душой Александр Яшин старался помочь деревне, сельскому люду, жителям лесорубных поселков, да и другим тоже. В рассказах писателя, стихах, зарисовках, этюдах, новеллах та же неизбывная любовь и доброта к людям. Вспомним его призыв: «Спешите делать добрые дела!»

Бобришный Угор был недалеко, километрах в двух от деревни Блудново. Благодарные земляки срубили писателю домик в лесу над рекой, куда был всегда рад приехать Александр Яшин. Но сталось так, что на Бобришном Угоре писатель обрел и свой последний земной приют.

Самым любимым временем года для писателя была весна, с ее таяньем снега, пробуждением природы, с ее перелетными птицами, цветами-первоцветами.

Александр Яковлевич часто вставал на зорьке ранней, выходил на крылечко и зачарованно смотрел, как просыпается лес.

Какая-нибудь птичка, чаще всего зарянка-малиновка – маленькая, с воробышка, с алой грудкой цвета утренней зари птаха, – уже встала. Она сидела на маковке самой высокой ели, откуда и лились ее веселые трельки-песенки. И уже начинали бормотать тетерева на березах в пойме реки.

Весной рано зацветал кустарник волчье лыко. Его сиренево-розовые цветы были похожи на цветы сирени. Потому и звали селяне «волчье лыко» лесной сиренью.

Почти одновременно с этим кустарником зацветали

подснежники.

Все Яшины – Злата Константиновна и Александр Яковлевич, их дети – очень любили цветы и всегда возвращались с лесной прогулки с букетами свежих благоухающих бутонов и соцветий. И не удивительно.

Арабы, например, говорят: «Если ты не чувствуешь красоты цветов, если ты не ценишь дружбу, и если тебя не радуют песни – ты больной, тебя лечить надо».

Ранней весной вместе с волчьим лыком зацветали голубые, фиолетовые ветреницы и хохлатки, а еще розово-синие медуницы и гусиный лук. Из них, цветущих желтых цветов иван-да-марьи, которые цвели в полях и овражках на пригорьях, и собирали первые букеты. Радостно было видеть и наблюдать и другое, как крупные светло-лиловые цветы сон-травы весь день ходили за солнышком, провожая его по извечному кругу. И радовала весной яркая голубизна неба, без облачков, и подсыхающие поля, и бесконечная, словно журчащий лесной ручеек, песня жаворонка. И день ото дня хорошели лиловые ольховые перелески в фиолетовой дымке пыльцы и зеленеющие в полях березовые перелески. На глазах растущая темная зелень загустевших посевов ржи – явное продолжение жизни зернового поля.

Очень любил Яшин все живое: птиц и зверушек, кузнечиков и муравьишек-тружеников, толстых, похожих на медвежат, в нарядных, черных, ворсистых обновках шмелей и своих домашних пчел, от работы которых зависел урожай на огородах и приусадебных участках и полях.

На Бобришный приходили товарищи из деревни и наезжали друзья поэта, такие как писатель В.И. Белов и Ф.А. Абрамов, друг юности Платоныч – Александр Платонович Пшеничников, учитель из деревни Кожаево. А еще Николай Михайлович Воронин – председатель колхоза «Каменный», тоже один из лучших друзей писателя, главный охотник-следопыт Павел Евгеньевич Сорокин из деревни Плаксино, которая находилась километрах в восьми от Блуднова, и другие.

Александр Яковлевич очень ждал гостей еще и потому, что кто-нибудь из приезжавших приносил с собой свежую почту, газеты, журналы, письма. Вся корреспонденция приходила на имя писателя в Никольске.

Александр Яковлевич считал свой Бобришный местом святым, символом своей малой родины. Здесь все радовало сердце, согревало душу. Даже из окон писательского домика представлялось перед взором как чудо из чудес, но самое обычное: сосновый бор, который называли Чистым. Сосны высокие и прямые, с отливающей бронзой стволами и зелеными

вершинами, вместе с встречающимися кое-где белоствольными березами, которые, окружив избу полукружьем, по косогору спускаются вниз, к самой воде. Вода в реке Юг хрустально-чистая, прозрачная. Под окнами в конце поляны, на вершине холма – кустики земляники-ягоды. Рано еще, не пришло время, и белых звездочек цветов земляники не видно. Они появятся чуть позднее. За рекой, на левом берегу, живописная пойма с кустами ивняка, купающего ветви в воде, а наверху – грибные поляны и уходящие вдаль леса, где версты не меряны, медведи не считаны.

Я уже отмечал, что больше всего хозяин бора любил весну. В стихотворении, которое так и называется «Хочу весну», поэт пишет: «… восхищенные руки тяну туда, где цветенье, туда, где свет, и весне моей, к счастью. Хочу весну!»

Даже прилет первой бабочки, обыкновенной пестрой крапивницы, воспринимался как великая радость! А гордые белоснежные птицы лебеди, с их длинными изогнутыми шеями, пролетающие над рекой или сидящие на водоеме, в речном заливе или реке-старке, озерце, являлись, словно из сказки!

Много других живописных мест и местечек на Бобришном и поблизости от него. И не случайно деревня Блудново. Бобришный Угор, ставший особо почитаемым и любимым не только для гостей, всех, кто сюда приезжает, стал «Святым местом памяти». Потому и создан здесь мемориальный комплексный заказник «Бобришный Угор» – историко-мемориальный музей Александра Яшина. В него входят деревня Блудново с мемориально-этнографическими экспозициями в родительском доме писателя. И вновь построенная банька по-черному и давний уже колодец-«журавль» в центре деревни. Все вызывает несомненный интерес. Каждый посетитель, турист, журналист волен сам определять то, что ему нравится, что кажется интересным. Известный вологодский художник Юрий Воронов был поражен

устройством высокого колодца-«журавля», увиденного в центре деревни Блудново, напротив родительского дома Яшина. «Простота крестьянской инженерной мысли и ее эстетика, изначально основанная на применении самого доступного материала – круглого дерева, и, главное, бездонная глубь воды, плещущейся в глубине деревянного сруба, вдохновила его на создание графической картины «Колодец», – читаем в книге Валерия Есипова (культуролога, кандидата наук), Елены Савиной, Валентины Устиновой («Юрий Воронов». Издательство «Белый город». г. Москва, 2007 г.). И далее: «Это был неожиданный ракурс в освещении лирики А. Яшина – поэта. Не цитата, а символический обобщенный образ стал главенствующим средством выражения чувств художника».

Березово

Знакомый путь. Деревня.
Поле.
По краю поля ряд берез.
Места знакомые до боли,
Места, любимые до слез.

Василий Мишенев.

Последняя деревня по Государевой дороге в нашем районе, граничащем с Костромской областью, – Березово. Свое название-ойконим, скорее всего, она получила от березового леса. Берез в лесных окоемах за этой деревней много.

Березово в те времена ничем не отличалось от других деревень. Встречались добротные, приземистые избы-пятистенки, рубленные из кондового борового леса, с дворами для скотины, колодцами, амбарами, баньками на отшибе. Были избы поменьше, поскромнее, с покатыми тесовыми крышами, окнами, смотревшими на дорогу, и еще ютились, словно притаившись, избенки маленькие с подслеповатыми оконцами, посеревшими от непогоды крышами, покосившимися от времени крылечками. Понятно, что все зависело от благосостояния хозяев. Возле домов всюду росли деревья: черемухи и рябины, липы, березки, иногда яблони.

В Березове, как и везде в деревнях, был колхоз. Назывался «Новый север». Земли на полях – скудные подзолы да супеси. На них высокий урожай не получишь. Еще как-то росла рожь, неприхотливый овес. «Ржица-то и соломы давала побольше, чем яровые, – рассказывала мне знакомая телятница. – Соломка-то тоже нужна. Скотинке под ноги бросить».

Едва кончалась жатва, надо было сдавать зерно государству, рассчитываться по хлебопоставкам, засыпать семена, а на трудодни – что останется. А чего там останется? Самая малость. Выручали приусадебные участки: картошка да овощи, некоторые и ячменя загон-другой сеяли. Коровенок держали. Бычка или телочку на лето пустят, овцы там, поросенок, куры. Тем и жили.

Подспорьем был лес. На много километров вверх по Югу, в сторону Дунилова, тянулись ленточные боры. Ягоды черника, брусника, морошка там росли, встречались и клюквенные болотца. Каждый год какие-нибудь ягоды в изобилии поспевали. И грибов хватало. Сколько их – белых, боровых, рыжиков,

масленников, подосиновиков, груздей, появлялось в грибную пору по увалам боров-беломошников, песчаным горушкам, в сыроватых низинках, по деревкам смешанного леса. И как не запасти, не заготовить леснины на долгую и суровую зиму?

Рано просыпалось Березово. Трудолюбивы его жители. Каждый из мужиков умел держать в руках топор, мог сплести лапти или ступни, корзину, сладить другую нужную вещь. Без этого в деревне не проживешь.

В пятьдесят четвертом, после службы в армии, я поступил на работу в редакцию газеты «Авангард». В конце июля вызвал меня заместитель редактора Л.Я. Барболин и сказал:

– Поезжай в Пермасские колхозы.

Все разложил по полочкам: где побывать, куда сходить, с кем встретиться, о чем написать. Главное – готовы ли колхозы к уборке урожая?

– Обязательно найди бригадира тракторной бригады Никольской МТС М.Г. Плотникова.

Искал я тракторного начальника почти целый день. Сказывали, где-то в бригадах, в полях. На вечеру повезло. Встретил Михаила Григорьевича около Пермасского моста за реку Юг. Сказал, зачем он мне нужен.

– Ночевать-то есть у кого? – поинтересовался бригадир.

– Нет, работать только начинаю.

– Тогда пойдем ко мне в Березово.

Понял, что это его родина. Такое предложение вполне устраивало. Тогда не мог знать, что позднее будем с Михаилом Григорьевичем не только добрыми соседями, но и друзьями.

Изба Плотниковых была в конце деревни, на левой ее стороне, если идти от Бродавицы. Сначала сытно поужинали, чаю попили.

– Мне надо в поле побывать, – сказал Михаил Григорьевич. – Отдыхать будешь или со мной пойдешь?

– Пойду, конечно. Какой отдых?

Через несколько минут были за околицей. Направились к пожелтевшему полю. Бригадир шагал быстро, и я едва поспевал. Заметив это, Плотников сбавил шаг. Завязалась беседа. Оказалось, что мы с ним одногодки, оба с двадцать восьмого, и родились: он в феврале, я – в марте.

– Служил-то где? – спросил я.

– В Западной Украине. Бендеров шугали.

Позднее узнал, что он награжден боевым орденом.

Мы еще не дошли до поседевшего поля, но почувствовали его хлебный дух. Поле было ржаным. Высокие стебли, отягощенные колосьями, никли к земле. Сорвали по колоску, вышелушили их,

выдули шелуху, пересчитали зерна, попробовали на зубок.

– Живешь не на небе, заботься о хлебе, – сказал бригадир. – Молочно-восковая спелость. День-два, и надо начинать жатву. С председателем говорил.

– Какова, думаешь, урожайность на этом поле? – спросил я.

– Центнеров 13–15 будет. Земли-то наши бедны гумусом. Для нас и это не плохо.

К добру ли, худу, в нескольких километрах от Березова, на той самой дороге в Шарью, в лесу, где и речки-то не было, образовался лесопункт с тем же названием, что и деревня. Поселок лесорубный нарекли Лесная Роща. Из ближайших деревень и колхозов потянулись в лесопункт люди. В Березове прибавилось пустующих изб. Молодые люди стали овладевать профессиями лесозаготовителей: водителей лесовозных машин, трактористов-трелевщиков, вальщиков леса. Кроме подходящей зарплаты, снабжение было на уровне. В приобретении продуктов и товаров не отказывали и тем, кто в лесопункте не работал. Ежегодно лесопункт заготовлял десятки тысяч кубометров деловой древесины. Когда лесные рощи вокруг поселка свели, да и на десятки километров все вырубили, лесопункт закрыли.

Понравилась мне эта сторонка лесная, ее работящие, добродушные, отзывчивые люди. Приглянулись и дали лесные, Юг-река с омутками глубокими, плесами тихими, широкими, пойменными лугами, речки лесные с заросшими кустами и деревьями по берегам.

М.Г. Плотникова перевели на работу в Никольск. Он возглавлял маслозавод, автоконтору, какое-то время руководил колхозом в Нижней Кеме. Для своей большой семьи купил в райцентре дом, и мы стали соседями.

К тому времени в Березове у меня появились новые знакомые, товарищи, друзья. Хорошо знал семью Михаила Андреевича и Фаины Николаевны Мишеневых, всех их шестерых сыновей. Михаил Андреевич, по-крестьянски мудрый, трудолюбивый и заботливый человек, понимал: как ни работай в колхозе, семерых детей ему не поднять, на ноги не поставить. Потому и пошел в лесхимучасток. Фаина Николаевна вела домашнее хозяйство, обряжалась со скотом да и на колхозной ферме работала.

Заготовлять смолу-живицу – работа тяжелая. Людям давно были известны ценные качества сосновой смолы. Смола эта – единственное в природе сырье для приготовления скипидара и канифоли. Без канифоли не получить хорошего мыла, гуталина, сургуча, искусственной олифы, линолеума. Канифоль используют в электротехнической, полиграфической, целлюлозно-бумажной, резинотехнической и шинной промышленности при изготовлении

синтетического каучука и т. д. Живица – необходимый материал, нашедший применение даже в космических аппаратах.

Основной участок Мишеневых для добычи смолы-живицы находился неблизко – в Чонове. Работать там, а ночевать идти домой – не резон, одна беготня. Потому жили там, в бревенчатом домике. И все в Чонове для семьи было родное и близкое: живописная речка, Холодный ключ, боры с высокими, стройными соснами с красноватой корой, зелеными кронами. Тихо и покойно было в тех борах.

Для того, чтобы получить драгоценную смолу, надо, прежде всего, нарезать на коре сосен карры – специальные надрезы «елочкой». По этим надрезам-«стрелам» потечет вниз, в приемник, сосновая смола. Заготовляют живицу только в весенне-летний период. Представьте себе, что карры надо сделать на тысяче деревьев, а потом своевременно проводить обходы по сбору живицы.

Работа вздымщиков (так называют рабочих, заготавливающих живицу) сродни крестьянской. И не только потому, что рабочий цех тех и других под открытым небом, но и потому, что от того, каким будет летний сезон – знойным или дождливым, зависит лесной урожай, выход продукции. Температура, влажность воздуха и другие особенности погоды, которые мы не очень-то замечаем, чутко улавливают сосны. Нелегок труд добытчиков лесного янтаря. Даже только запомнить тысячу деревьев не просто. Но надо вовремя освобождать приемники от смолы-живицы, а еще разрушать корку, подновлять те узкие, косые надрезы, когда требуется.

Здесь, в Чонове, любой из Мишеневых знал не только каждую дорожку, тропу, просеку, но и каждое дерево. Всюду сосновые гривки, моховые поляны в зарослях черничника, живописные местечки, наполненные запахами бора, хвои, смолы-живицы, целебных травяных настоев, поспевающей черники и еще чего-то лесного и терпкого. Михаил Андреевич дело свое, все секреты подсочного промысла знал, как свои пять пальцев. Потому и показатели работы добытчиков лесного янтаря были высокими. Смолу-живицу заготовляли тоннами. Каждый оставляет свой след на земле. Такие вот люди в Березове живут.

Характер человека, его отношение к жизни, работе, самостоятельность закладываются в детстве. Все это испытали на себе сыновья Михаила Андреевича и Фаины Николаевны и многому научились у родителей. Все обрели специальности, нашли свое место в жизни, стали уважаемыми и нужными людьми. Старший сын Николай – военный, полковник, начальник курса одной из военных академий в Москве. Носит погоны

старшего офицерского состава Михаил, Вячеслав – речник, работавший на Оби в Сибири, есть и предприниматели, Василий – писатель.

Как-то рыбачили мы с Михаилом Андреевичем в Шарапихе, на реке Юг. Удочки закинули. Только какая рыбалка! Сидели на бережку, беседовали о жизни прожитой, о том, о сем, и про удочки забыли. Ни одной рыбешки не поймали.

Пыщуг

На трассе Урень-Великий Устюг в 80 километрах от Шарьи – старинное село Пыщуг. Центр Пыщугского района. Район сельскохозяйственный. В селе проживает около 8 тысяч человек. Совсем близко, километрах в десяти, река Ветлуга – левый приток Волги. Река глубокая, нутристая. Ветлуга впадает в Волгу на территории республики Марий-Эл.

В Великую Отечественную в Пыщуге жил писатель Юрий Куранов. В одной из своих лирических миниатюр и стихотворений в прозе в книге «Пир на заре» (Москва. «Советская Россия». 1932 г.), в новелле «Липа вековая», Куранов пишет:

«…Тысячу лет назад черемисы назвали эту реку, что вблизи под горой, Пыстюг. Имя почти каждой речки кончается здесь на «юг» – Нюрюг, Парнюг, просто Юг. Юг, это и значит река. Пысть – липа. Долина в те времена была занята липовыми лесами. Там, далеко внизу, где тогда Пыщуг впадал в Ветлугу, стоял тогда город. И жил там князь Черемисов. И на частоколе городской стены, вдоль земляной насыпи, насажены были охранительные белые черепа пращуров. И назывался город Пыстюг. Над городом уж много веков шумит лес. Теперь не там, а здесь, на холме, стоит село Пыщуг. А за рекой все кто-то поет и ходит вдоль берега».

Давно река Пыстюг стала Пыщугом. А берет она свое начало в Никольском районе, километрах в шести-семи от деревни Шири. А от нашей деревни Березово до села Пыщуг всего-то километров 40. И река Юг, которую упомянул писатель, – тоже наша, никольская и вологодская.

И ведет от Пыщуга до Березова, Никольска и дальше та Государева дорога, а сейчас современная автомагистраль Урень – Великий Устюг. И вскоре после завершения ее строительства довелось проехать по ней от Никольска до Пыщуга.

Шарья

Следующий за Пыщугом – город Шарья. Это синоним от основы Шар, если обратиться к финно-угорским языкам. Шар, шор, шур – река. Город Шарья расположен на реке Ветлуга. Левый приток Волги. Шарья возникла как поселок при железнодорожной станции в 1906 году. Статус города получила в 1933-м. Шарья была ближайшей железнодорожной станцией от города Никольска. Но и когда железной дороги не было, через Шарью проходил тракт в северные края. Уже до Великой Отечественной Шарья строилась, расширялась, росло ее население. Как-никак крупная узловая железнодорожная станция.

А сколько поездов, железнодорожных составов, проходило через Шарью в Великую Отечественную! В Сибирь и обратно. Один за другим шли составы и эшелоны с вооружением, боевой техникой, живой силой на фронты Отечественной.

Снабжение продовольствием, промышленными и другими товарами, горюче-смазочными материалами близлежащих районов Костромской области и Никольского Вологодской – все через Шарью.

В послевоенные годы народнохозяйственные грузы и товары в Никольск завозились речным транспортом, весной – по большой воде, по реке Юг. Доставлялось их немало – 50 тысяч тонн. Но завоз грузов по воде прекратили. Жизненная необходимость в них для жителей района оставалась. Было решено завозить все необходимое для района автотранспортом по шоссейным дорогам.

До Вологды из Никольска 442 километра, до железнодорожной станции Шарья примерно 170. Никольчане, следуя тогдашнему призыву «Экономика должна быть экономной», предпочли ездить за грузами, возить пассажиров на Шарью. Но местами по дороге встречались труднопроезжие участки. Стали направлять большегрузные, высокопроходимые машины. Они разбивали дорогу еще сильнее.

Больше всего доставалось шоферам-профессионалам, о героической работе которых писал Александр Яшин в «Вологодской свадьбе». Да и «газики», в кузовах которых ехали пассажиры, добирались порой до Шарьи по двое-трое суток.

Вот что писала из Оренбурга одноклассница моих военных лет Ганна Кудрявцева (ныне Герасимова, кандидат наук):

«Места, природа, люди, сельская жизнь – все это мне родное, знакомое, дорогое. Мне посчастливилось в сороковых годах встретиться, пообщаться с Александром Яшиным, вместе ехали на

машине-попутке от Шарьи до Никольска, беседовали, восторгались лесными богатствами, природой, шутили, иногда толкали машину (было бездорожье после проливного дождя). Все помню. У меня есть его книга «Дневники 1941-45» (издательство «Советская Россия», Москва, 1977 г.).

Да, прекрасный был человек во всех отношениях, герой, защитник народа, справедливости, великолепный поэт и воин. Царство ему небесное! Так говорят христиане.

На реке Юг мы вдвоем с папой любили рыбачить на удочку, приносили по ведру рыбы, в основном пескарей и ершей, эта рыбешка мелкая, но вкусная. Чистить рыбу дома приходилось мне одной, сестра Галя отказывалась, не хватало у нее усидчивости. Много, много воспоминаний…

До свидания, Ганна».

– Не дорога, а черт знает что, – украшая речь крепкими словечками, возмущался плотный шофер «газона» Василий Куваев, по шоферской привычке пиная носком кирзового сапога по спустившему колесу.

Не переживай, Вася, железа на наш век хватит, – старался подбодрить его высокий водитель, который и вытащил из ямы «газик» на своей «семере». – Машины «истолкем» – новые дадут.

Строительство автомагистрали Урень – Великий Устюг, 1989 год

– Что ты хочешь? Глубинка. Медвежий угол.

Многих автолюбителей приводил в заблуждение республиканский атлас дорог. В цветной красочной книжице дорога от Шарьи до Никольска есть, а на самом деле ее нет. Доезжали туристы до непроезжих мест и заворачивали обратно. Иные водители, по совету местных доброхотов, давали кругаля километров по сотне-полторы по проселкам или леспромхозовским лесовозным трассам и тоже поворачивали

обратно или нанимали транспорт и провозили легковушку в кузове или тележке трактора.

Руководители Никольского района не раз просили руководство области достроить дорогу на Шарью. Это предложение было отвергнуто на самом высоком уровне. Может, и правы были руководители области, разрешая строить дорогу с твердым покрытием только на своей территории. Но ведь речь шла о строительстве необходимой дороги. Потому что автомагистраль была нужна не только Вологде и Никольску, но и другим.

Многие, даже шоферы, не слыхали, не знали, где же такой Урень.

– Да, где-то в Поволжье, – отвечали знатоки.

Сменилась власть, и лед тронулся. В конце девяностых Вологодское и Костромское начальство на уровне губернаторов договорилось завершить строительство автомагистрали.

Конечно же, дорога с твердым покрытием стоит не дешево. Потому и решили губернаторы вологодский и костромской выйти на федералов, на министерство транспорта. И не ошиблись. Там их поддержали, деньги выделили на благое дело. Остальное – свои заботы. Без труда не выловишь и рыбку из пруда. К тому же автомагистраль от Уреня Нижегородской области до села Пыщуг Костромской была уже построена раньше. И речь шла лишь о завершении строительства на участке Пыщуг – деревня Березово Вологодской области. В основном это был безлюдный лесной массив.

Значительный объем работ предстояло выполнить ДРСУ «Вологдаавтодор». За дело взялись дружно вологжане и костромичи. Разрубили трассу. Завезли необходимое количество стройматериалов: цемент, щебень, песок. Организовали производство асфальтобетона. Работали круглосуточно. К назначенному сроку – осени 1989 года – автомагистраль Урень – Великий Устюг вступила в строй.

«С пуском дороги на Шарью, Никольск приобрел важное значение, – писал педагог-краевед Геннадий Александрович Горчаков. – А это значит, что будут жить на этой земле наши внуки: процветать земле никольской.

Это как раз то, о чем мечтал поэт Александр Яшин, и что было нужно людям».

Завершение строительства автомагистрали Урень – Шарья – Пыщуг – Никольск – Великий Устюг обеспечило надежную связь между Нижегородской, Костромской и Вологодской областями. И сколько уже лет везут по шоссе различные грузы и товары, продовольствие, лес, пиломатериалы, все то, что необходимо для

жизни людям. Мчатся быстроходные «Жигули» и «Волги», «Мерседесы» и «Вольво», автобусы. Едут пассажиры и туристы. Так устроена наша жизнь, что люди всегда в пути. Кто-то едет на свою малую родину навестить родителей, провести отпуск на природе, кто-то совершает удивительное путешествие в сказочную страну детства – к волшебнику Деду Морозу.

Шарья небольшой город. В нем проживает 26,5 тысяч человек. Один из центров лесной и деревообрабатывающей промышленности Костромской области. Есть там комбинат «Кроностар», где исполнительный директор господин Кванц. Руководитель проекта ОАО «Кроностар» – Рене Штадельман. Немецкие специалисты сотрудничают с Никольским «Автодорлесом» (директор ООО В.М Поднебесников). «Автодорлес» ведет заготовку древесины и отправляет предприятию «Кроностар» в Шарью.

В числе других промышленных предприятий Шарьи – завод железобетонных конструкций, экспериментального машиностроения (АО «Эксмаш»), швейная фабрика, молочный завод.

Сельские труженики района выращивают зерновые, картофель, лен-долгунец, многолетние травы. Развивается животноводческая отрасль.

С каждым годом укрепляются сотрудничество и связи Никольского района, города, с администрацией и тружениками города Шарьи и не только.

Несколько лет назад Никольский район был принят в Ассоциацию «Поветлужье». Делегации никольчан участвовали в праздниках, проводимых в райцентрах Ветлуга, Урень и Воскресенск Нижегородской области, Шарья и Свеча – Кировской. Многие из районов, входящих в Ассоциацию, приезжали в Никольск на Ильинскую ярмарку.

– По мере расширения связей, узнавания друг друга, по явилась потребность еще более тесного общения, сотрудничества, – рассказывает корреспондент газеты «Авангард» Ирина Пахолкова.

Была приглашена на фестиваль самодеятельного творчества в г. Урень редактор никольской газеты «Авангард» Валентина Феодосьевна Лукьянова.

– Этот фестиваль, – рассказывает В.Ф. Лукьянова, – то же, что наши межрегиональные ярмарки. У наших соседей есть достижения и проблемы тоже, например, экологическая. На фестивале рассматривались перспективы социально-экономического развития районов Поветлужья, проблемы реки Ветлуги.

Состоялся большой праздничный концерт. На нем блестяще выступили наши Никольские самодеятельные артисты. Живой интерес вызвали изделия наших мастеров-умельцев. Среди изделий из бересты быстрее всех разошлись медальоны с изображением герба Никольска.

Нашему району от организаторов фестиваля «Мы с Ветлуги-реки» поступило предложение объединить фестивали «Поветлужье» и «Поюжье» и провести в Никольске межрегиональный фестиваль самодеятельного творчества «Содружество» с участием коллективов Нижегородской, Костромской, Кировской области и Республики Марий-Эл. Фестиваль состоялся. И не один. Проходят они ежегодно.

Город Ветлуга

«Опорной базой формирования социально-экономического и административного комплекса Поветлужья является город Ветлуга, – говорится в книге «Поветлужье» (выпуск 1, Нижний Новгород, 2004 год). – Необходимость города в Поветлужье обосновал еще М.В. Ломоносов. Потребность, по его мнению, диктовалась тем, что на протяжении семисот верст течения Ветлуги не было ни одного города, поэтому по реке и ее притокам укрывались беглые люди, промышляли разбоем на Волге. Превращению ветлужан в законопослушных граждан и должна была способствовать реорганизация «значимых сел» в города с присущими для них защитными, торговыми и хозяйственными функциями. Таким «знатным селом» явилось Верхнее Воскресение, располагавшееся на высоком берегу Ветлуги выше устья реки Вол. Этим именем нарекли, после строительства церкви, известное еще с XIII века большое селение Шулепниково. Во времена царствования Екатерины II Ярославский и Костромской генерал-губернатор, подчиняясь повелению императрицы, покупает земли Верхнего Воскресения и, учитывая выгоды его положения в среднем течении реки Ветлуги, предлагает утвердить здесь город с названием Ветлуга. В 1778 году поселение становится городом и центром уезда Костромского наместничества (губернии) с территорией в 13 тысяч кв. километров» («Поветлужье», Н. Новгород).

Хотелось бы особо подчеркнуть, что инициатива строительства города Ветлуга исходила от Екатерины II. Это лишний раз подчеркивает, как глубоко вникала императрица в жизнь страны, знала ее, заботилась о ее развитии. Ветлуга находится в 45 километрах от города Урени. В городе проживает более 10 тысяч жителей. Промышленность представлена крупным леспромхозом, асфальтовым заводом и некоторыми другими предприятиями, как льнозавод, маслозавод, ликероводочный завод, цех массового пошива одежды. Традиционное занятие населения района – сельскохозяйственное производство. На рубеже 30-х годов XX века город приобрел статус центра Ветлужского края, который ненадолго был выделен в самостоятельную краевую единицу наравне с Горьковским краем.

Город Ветлута отличается низкоэтажной, но удивительно красивой архитектурой, которая сохранилась в старой его части.

Из учебных заведений в Ветлуге работали (по крайней мере, в 2004 году) лесотехнический техникум и одно из старейших периферийных медицинских училищ. Город обладает давними

культурными традициями. В нем богатый краеведческий музей, созданный стараниями местных энтузиастов. Особый интерес посетителей привлекает мамонтовая комната. В зале представлены ископаемые останки двухсот зверей. Палеонтологическая коллекция постоянно пополняется.

Варнава Ветлужский

Ниже по течению реки Ветлуги от города с одноименным названием есть заштатный когда-то городок Варнавино, бывший даже уездным. Сейчас он один из райцентров Нижегородской области, хотя свое звание города, к сожалению, утратил, став поселком городского типа.

Но этот деревянный поветлужский городок, стоящий на высоком берегу Ветлуги, известен историей своего происхождения.

«По преданию да по скудным сведениям пришел Варнава в Поветлужье, в дикий лесной край из Великого Устюга, где был он священником в храме. На трудную жизнь обрек себя пришелец ради Веры Христовой, которую задумал распространять в еще не освоенной человеком глуши», – читаем в «Нижегородской отчине: история в лицах».

Неспокойно было на окраинах русских земель. Набеги, кровопролитные сечи, пожары нарушали мирную жизнь, обращали созданное в пепел и прах. И, уйдя в ветлужскую глушь, Варнава хотел своей подвижнической жизнью, неустанными молитвами, чудотворными исцелениями отвести от родного края беды и напасти, привлечь добрых пахарей и бортников для заселения необжитых мест, создать на Ветлуге святую обитель.

Поселился преподобный отец Варнава на берегу реки, на Красной горе в дикой пустыни, в коей жил многие лета, Богу работая во псалмопении и молитвах, питался быльем и вершием дубовым, так как хлеба у него не было по отдаленности пустыни той от жилища человеческого на сто поприщ и более.

Вот каким он представлен в «Рукописном житии Варнавы Ветлужского чудотворца»: «…Высок, сединами благолепными и брадою изрядно умеренною продолговатою украшен саном иерей, нравом зело благопотребен, в словесах сладкоглаголив и всякими добротами духовными украшен…».

Появлялись в округе воинственные черемисы, не однажды навещали Варнаву, но его смиренный вид и приветливость укрощали их гнев, и оставили они в покое безбоязненного пришельца. И какой мог быть вред от него, если птицы садились ему на ладонь, и хозяин лесов бурый медведь его не трогал?

Время, когда удалился Варнава в леса, было началом XV века, а отшельничал он 28 лет, построив себе келью. После кончины Варнавы иноки и ученики построили на Красной горе два храма: во имя Живоначальные Троицы и, над гробом старца, – во имя святого Николая чудотворца, основали монастырь, названный

Троицы Варнавиной пустынью. Здесь, при гробе ветлужского подвижника, и стали совершаться чудесные исцеления хворых, о чем распространилась весть по всей Руси. Узнал о чудесах в 1638 году и патриарх Иоасаф. Посланный им на Ветлугу игумен Желтоводского монастыря Пафнутий подтвердил истинность чудес. В следующем году Варнава был канонизирован и вошел в число русских святых.

Паломники потянулись к гробнице Варнавы, установленной в Никольской церкви, из Костромской, Вятской, Вологодской, Нижегородской и других земель.

В годы, когда набирал силу воинствующий атеизм, храмы в Варнавине были разрушены, а мощи святого Варнавы Ветлужского извлечены из гробницы и, верно, были бы уничтожены, если бы их не унес и тайно не предал земле где-то на старом кладбище последний варнавинский священник Павел Мегалинский, расстрелянный в 1937 году. Надо надеяться, что наступит время явиться этим нетленным мощам.

До сих пор одним из самых ярких и любимых народом праздников остается «година Варнавы», который постоянно июньской порой отмечается в Варнавине. Богомольцы собираются к храму перед 11 июня по старому стилю – днем памяти преподобного.

В небольшом сокращении из статьи «Варнава Ветлужский»

(«Нижегородская отчина: история в лицах». Нижний Новгород, Фонд развития народных и художественных промыслов Нижегородской области, 2007 г.).

Урень

Там, где большая среднерусская река Ока впадает в Волгу, расположен город Нижний Новгород. И если Ока широкая, полноводная, значимая, то что говорить про великую реку Волгу. «Волга, Волга – мать родная, Волга русская река», – поется в песне. Нижний Новгород – с 1,3-миллионным населением. Крупный транспортный узел, важный центр машиностроения, металлообработки, станкостроения и многого другого. Славен город автозаводом-гигантом «ГАЗ».

Нижний исстари известен как крупнейший торгово-финансовый центр. А знаменитые Нижегородские ярмарки! С севера, Урала, Сибири и других мест приезжали сюда купцы, деловой люд, гости из-за рубежа.

С давних времен исторически сложилось так, что из Нижнего, всего Поволжья и Поветлужья купцы везли свои товары на Север через Шарью и Пыщуг в Никольск и Кичменгский городок, Великий Устюг, Архангельск. И дорога та проходила там, где идет сейчас. Только почему-то ничего не было слышно об Урене, который недалеко от Нижнего. Не слышно потому, что Уреня еще и не было. Было село Тресвятское. С 1959 года оно – рабочий поселок, с 1974-го – город. Урень – марийское название села.

Торговцы Нижнего везли на север продовольствие, сладости, каспийскую селедку и прочую снедь. А еще промышленные, строительные, хозяйственные товары и многое другое. Путь проходил через Костромскую губернию, а позднее – область. В 1913 году инженер Чмутов предлагал государственной власти проект железнодорожной линии Кострома – Галич – Кологрив – Никольск – Великий Устюг. В этом случае дорога проходила бы через нашу Нижнюю Кему. Предложение инженера не было принято. Оставалось одно – строить шоссейную дорогу.

Немало лет прошло, прежде чем это строительство было осуществлено. Урень стал городом в начале магистрального шоссе на Великий Устюг.

«Урень – это транспортный узел на железной дороге Нижний Новгород – Котельнич и автомобильных путях к селениям Ветлужского, Тонкинского и Шарангского районов», – читаем в книге «Поветлужье. Природа, население, хозяйство, экология» (Нижний Новгород, 2004 г.).

В прошлом – это крупное село в центре Ополья. Здесь сомкнулись ареалы расселения русских и марийцев. Урень – марийское название села. Известно оно с начала XVIII века, когда среди русского населения преобладали скрывавшиеся от гонений

староверы, а само село известно как Трехсвятское.

С 1929 года Урень – районный центр. В 1959 году он стал поселком городского типа, а в 1973 году получил статус города.

Город, центр района, стоит на реке-Усте. В нем проживают 14 тысяч жителей, в районе – 31 тысяча.

Источниками существования жителей были лесные промыслы, гончарное производство, торговля, но ведущее место заняло лесохимическое производство (скипидар, канифоль, клей, олифа, уксус). Имеется промкомбинат, выпускающий мебель.

Важная отрасль на селе – сельское хозяйство. Весна в Костромскую, тем более в Нижегородскую область, приходит чуть-чуть раньше, чем к нам, в Вологодскую, да и климат там мягче, благоприятнее. Это создает некоторые преимущества. Сельское хозяйство, обработка сельхозпродукции для большинства районов Поветлужья являются сферой занятости населения. Температурный режим благоприятен для выращивания зерновых, зернобобовых, а также ценнейшей технической культуры – льна. Наиболее интенсивно сводились леса и формировались ополья, прежде всего, на территориях между Ветлугой, Устой и Пижмой. Здесь и по правобережью самой Ветлуги хозяйство было более доходным, чем в других районах Поветлужья. В сочетании с промыслами оно обеспечивало относительно высокий уровень благосостояния больших, включающих два-три поколения, семей. Хотя растениеводство региона не обеспечивало его потребностей в зерне.

Природно-географические предпосылки развития сельского хозяйства складываются в пользу животноводства. Это и обширность лугов по многочисленным рекам, и повышенная увлажненность, благоприятная для выращивания кормовых культур. Соответственно, специализация большинства районов Поветлужья определяется как животноводческая мясомолочного и молочного направлений.

Как и всюду, мировой кризис не мог не вызвать определенных проблем в дальнейшем развитии сельхозпроизводства. Сейчас правительствами территорий принимаются меры, направленные на устранение недостатков в аграрном комплексе.

В 2005 году в Вологде, в издательстве «Арника», по заказу правительства Вологодской области был издан путеводитель на родину Деда Мороза. Среди схем дорог был и маршрут Нижний Новгород-Великий Устюг.

Простейшая эта схема представляет собой изображение участка от Нижнего Новгорода с указанием наиболее значимых

городов и других населенных пунктов, включая Урень, Шарью, Никольск, Кичменгский Городок и Великий Устюг. К сожалению, не обозначены такой важный, на мой взгляд, город, как Ветлуга, и село Пыщуг – районный центр Костромской области. Указанная протяженность маршрута – 630 километров.

Екатерина II

Она же – Великая, Великая не случайно. В ней – немецкой принцессе, не было и капли русской крови, но как глубоко она знала жизнь России, заметно влияла на нее, расширяла границы государства, строила, заботилась о подчиненных.

Начнем, пожалуй, с Георгия Победоносца. «По святому житию, – читаем в книге Ивана Полуянова «Деревенские святцы» («По устным народным календарям». Москва. 1998 г. «Технологическая Школа Бизнеса»), – великомученик Георгий Победоносец – доблестный военачальник, воин-змееборец, защитник угнетенных темными силами, небесный покровитель земледелия, скотоводства. Со времен великого князя Дмитрия Донского всадник с копьем – «ездец», по выражению летописей – вошел в состав государственного герба Руси. Георгий, поражающий копьем змея, был изображен на груди двуглавого российского орла».

Екатерина II учредила орден Георгия Победоносца для военного сословия, с изменением статуса награды георгиевскими медалями, крестами отмечался и героизм солдат, унтер-офицеров на поле боя.

Отставной служака в те времена имел большие льготы, привилегии: уходил крепостным – становился вольным с женой и потомством, месяц участия в военных кампаниях приравнивался к году по выслуге лет. Вдовы-купчихи охотно выходили замуж за отставников, кавалеров царских наград, будь хоть и миллионное состояние, но мужу не платить налогов. Ну, а в деревне георгиевскому кавалеру исправник козырял, господин волостной писарь с ним за руку здоровался. Только сразу усвоим: образ, запечатленный деревенскими календарями, и светлый витязь икон, храмовых росписей мало в чем внешне совпадают.

От века к веку само имя по-мужски переиначивалось с Георгия на Юрия, с Юрия на Егора. 6 мая – Георгий Победоносец.

Екатерина II – основательница русского города Севастополь. К тому же она дала жизнь и многим малым городам, таким как Тотьма, Никольск, Устъ-Сысольск, Мезень и др. Хотя города эти, очень похожие друг на друга, скорее напоминали села или, как модно сейчас называть, поселения. Выбор на них императрицей, чаще всего, был положен неким географическим положением (более или менее судоходная река, даже море, другие торговые пути). Пример: Мезень – перекресток торговых и морских путей. В 1780 году по указу Екатерины II Мезень была объявлена городом и получила именной герб – красная лисица на серебряном поле –

в знак того, что здесь водился дорогостоящий пушной зверь. У каждого нового города была своя жизнь, своя судьба. Но не каждому из них повезло. Этого не скажешь о зырянском погосте-городе Усть-Сысольск (город на реке Сысоле). Даже став городом, он долго прозябал в захолустном крае, словно спавший медведь в своей опочивальне. Тот самый, что был определен на геральдическом знаке. Потому как Усть-Сысольск в те времена входил в состав Вологодской губернии, на первом плане его герба был герб Вологодский, на втором – спящий в берлоге медведь. В 1921 году Усть-Сысольск становится столицей автономной области Коми, а позднее и республики. В 1930 году город назван Сыктывкаром.

Из года в год возрастало население, развивалась добыча главных богатств края – полезных ископаемых – воркутинского угля, газа. Богата земля Коми лесом. Как велика земля края, можно судить по тому, что от Сыктывкара до Воркуты ничуть не ближе, чем от Сыктывкара до Москвы.

Население столицы Коми более 200 тысяч человек. Наша область продолжает в достатке потреблять воркутинский уголь и получать газ с газовых месторождений. В магазинах Сыктывкара постоянно наше Вологодское молоко, масло, которое пользуется повышенным спросом, водка и другие товары. В Коми-республике много вологжан, как оставшихся из числа ссыльных в годы репрессий, так и приехавших на освоение природных богатств края.

Живя заботами страны, думая о ее будущем, императрица стремилась укреплять Государство Российское. Не забывала о строительстве новых дорог, других путей сообщения. Государева дорога на Шарью – убедительный пример этого. Но далеко не единственный. Екатерининским трактом называли и дорогу из Перми на Северный Урал, построенную по повелению императрицы.

Вот что мне сообщил полковник в отставке И.Г. Попов из Сыктывкара. В республике Коми, в верховьях реки Печоры была деревня Канава. В ней жили люди, которые по указанию Екатерины II прокопали канал за горы приполярного Урала. «Канава» – так в народе называют Екатерининский канал. Он давал возможность водным путем попасть в бассейн реки Обь. Канал был построен и какое-то время действовал.

Удивительно то, как могли люди без современных приборов в короткие сроки построить этот канал. Дно и берега выложены кирпичом. Кирпич был примерно 40х40 сантиметров (толщину не знаю). Пролежав в воде более 200 лет, кирпич достаточно сохранился, и люди в наше время его выковыривали и

использовали для хозяйственных нужд. Не знаю, как сейчас, а еще 3–4 года назад по «канаве» можно было проехать на простых лодках, хотя местами канал и был загроможден упавшими деревьями.

Но вернемся к нашей Государевой дороге. Полвека назад не раз слышал байку о том, что была у Екатерины II задумка построить дорогу на Великий Устюг даже не с Верхнего Воскресения (Ветлуга), а с самого Нижнего Новгорода через Трехсвятское (Урень). Наверное, так и было.

В книге «Поветлужье» (Ассоциация «Поветлужье», Нижний Новгород, 2004 год) можно прочесть следующее: «Опорной базой формирования социально-экономического и административного комплекса Поветлужья является город Ветлуга. Необходимость этого города в Поветлужье обосновал еще М.В. Ломоносов. Во времена царствования Екатерины II Ярославский и Костромской генерал-губернатор, подчиняясь повелению императрицы, покупает земли Верхнего Воскресенья и, учитывая выгоды его положения в среднем течении рек Ветлуги, предполагает утвердить здесь город с названием Ветлуга».

И еще один любопытный факт из деятельности императрицы – ее заботы о сельском люде даже в пределах Никольского уезда.

Вот что пишет Иван Варсонофьевич Корепин из Вологды в своей книге «Никольские истоки» (Вологда, Полиграфист. 2007 г.). «Недалеко от Никольска в свое время жили прадед Петра Алексеевича Рыжкова (ныне руководитель крупной строительной организации в Вологде «Горстройзаказчик») Федор Прокопьевич и дед Павел Федорович. До коллективизации они имели большое хозяйство: 16 коров, несколько лошадей, дегтярный завод, две мельницы. На строительство мельниц давала разрешение сама императрица Екатерина II. В бумаге говорилось: «Разрешить построить мельницы, но не затоплять чужие угодья – сенокосы. Бесплатно молоть зерно в округе пять лет».

Автор не предлагает приглашать на руководящие посты в Россию иностранцев, если даже они не принцессы, а рангом выше. Сейчас у нас вполне достаточно своих талантливых руководителей, умных, знающих и энергичных. А то, что было, так было. Из песни слов не выкинешь.

На Ветлуге

Ветлугу я знал давно, почти с детства. Когда добирались из Никольска в Шарью – ближайшую железнодорожную станцию, то надо было переезжать эту реку. Иначе в Шарью не попадешь. Сносной, а иногда и хорошей дорога была только зимой. Самым лучшим строителем в те давние времена был Дед Мороз. Зимой Ветлуга покрывалась ледяным панцирем. Кроме снега и льда на ней ничего не увидишь. Где-то в конце шестидесятых, а может, и чуть раньше, в Шарью начали летать самолеты «АН-2» – «Аннушки». Как-то летом, в сенокос, на последний рейс пассажиров не набралось, и мы полетели сначала на Павино. Вышли там трое, из местных. Пилотом на той «Аннушке» был мой товарищ Юрий Перетягин – красивый парень, и я попросил его пролететь над Ветлугой до Пыщуга. Я знал, что в самолете есть какой-то прибор, который фиксирует маршруты полета. Летуны называли его «шпион». Однако необходимость небольшого отклонения от маршрута пилот и его помощник могли легко объяснить тем, что пришлось обходить грозовые облака. Впрочем, на местных авиалиниях в такие детали не очень-то и вникали. И мы полетели.

Летели невысоко, любуясь красотой реки и приречной поймы. К Ветлуге с той и другой стороны подступали леса или зеленые луга, заросшие буйным разнотравьем. Некоторые из них были уже скошены, и на них высились стога сена. Один пейзаж сменял другой, еще более красочный и живописный. То синяя, то голубоватая гладь воды блестела на солнце. Встречались высокие обрывистые крутояры, а под ними темнели глубокие омуты и заводи. Тихие плесы у берегов заросли кувшинками с белыми цветами, хвощом и рогозом. Попадались быстроструйные перекаты и светло-желтые запески. Можно было не сомневаться в обилии рыбы в реке, впадающей в Волгу. Думалось, вот бы где провести денек-другой у костра, отвести душу на рыбалке. Но в те времена попасть на Ветлугу было непросто. Не слыхал, чтобы сто-нибудь из никольчан там побывал.

Сейчас, когда дорогу асфальтировали, другое дело. Вот и мы договорились, собрались и поехали. Лето и осень в тот год выдались сухими, и листья на березах и липах давно пожелтели. Багрянцем пылали высокие кроны осин. И только на ольшанике да в дубовых рощицах, которых в Никольских лесах нет и в помине, листочки оставались зеленовато-бурыми.

На Ветлугу мы приехали где-то часа в три. Облюбовали сухое местечко, насобирали хвороста и дровишек из разного хлама и

запалили костерок. Река, ее таинственные глубины, песчаные перекаты оказались столь заманчивыми для моих товарищей, что они, не дожидаясь, когда сварится варево, наскоро перекусили и, схватив спиннинги, убежали вверх по реке.

Недалеко на отаве паслись коровы. За стадом наблюдали пастух и подпасок. Коровы были светло-бурой масти – по всей видимости, костромской породы. Сытые коровы сгрудились, некоторые лежали и изредка глубоко, утробно вздыхали, пережевывая жвачку. Пахло парным молоком и свежей зеленью отавы.

Река напротив костерка, у берега заросла стрелолистом, а кое-где – хвощом и другими травами. На текучей воде высокие зеленые стебли хвоща вздрагивали, словно живые. Но на реке тихо, не плещется никакая рыбешка.

Командир реактивного ЯК-40 Юрий Иванович Перетягин в родном городе. Сначала он летал на «Аннушке» АН-2

Глядя на стадо, вспомнился мне каламбур, стихи, которые послал как-то в Никольск известный в Вологде журналист Александр Иванович Сушинов. Стихи в газету:

Коровы на лугу гуляли
На фоне радостных лугов
И мирно травушку щипали
Под руководством пастухов.

Ответ из газеты:

Стихи мы Ваши прочитали
На фоне радостных лугов,
Коровы их забраковали
Под руководством пастухов.

Горько, больно сознавать, что нет уже с нами ни Саши Сушинова, ни Саши Рачкова – этих талантливых журналистов, я бы сказал, писателей. Нет и многих других. Грустно. Увидев меня, к костру подошел пастух – мужчина лет шестидесяти пяти. Высокий, с обветренным и загоревшим лицом, поседевшими волосами. На нем был армейский полинялый плащ-накидка, а на голове – фуражка артиллериста.

Пастух поздоровался.

– Сразу вижу, что не наши, – сказал дед.

– Да, вологодские, – ответил я. Угостил пастуха чайком.

– Приятели-то где? – спросил он.

– Они, как реку увидели, глуби да травы, так спиннинги похватали и убежали.

– Ни клева вам, ни задева, ребята, только ветерок мне не нравится. С востока задувает, а он похуже северяка будет. У нас говорят, что при таком ветерке рыба не только не ловится, а из котелка с ухой норовит выскочить. Мужики наши с утра приезжали на закидушки лещей поудить, да быстро обратно смотались.

Пастух простился и ушел. Подошли товарищи. Что-то скоро нарыбачились. Я рассказал им о том, что говорил пастух.

– Правильно старик говорил, – откликнулся Игорь. – Он же всю жизнь на реке.

Пообедали и пошли выбирать местечко для ночлега. Утро вечера мудренее. Облюбовали горушку на лесной поляне. Лесок узкой полосой тянулся вдоль реки. Подогнали «уазик», запалили костерок, нарубили лапника. Костер еще и не разгорелся, как подошли трое молодых мужчин в рабочих спецовках. У одного из них на плече висел «швед» – шведская бензопила «Партнер». Познакомились с ребятами. Они возвращались с делянки. Алексей, который нес пилу, ни слова не говоря, стал валить деревья для костра. Сначала спилил две сосны-сухостоины, затем березу и несколько елок.

– Оставайтесь ночевать с нами, завтра выходной, – предложили мы.

Двое, Иван и Алексей, согласились.

– Только домой сгоняем, скажемся и приедем. На моторе – не

пешком.

– Сети у вас есть? – спросил кто-то из новых знакомых.

– Есть. В реку не пускайте – бесполезно. Все лето, да и сейчас тину несет. Разом забьет грязью, и рыба не попадет.

– Поезжайте за реку, вон в ту старку, – показал Иван на противоположный берег.

Лодка у лесорубов стояла недалеко, и они уехали. Мои товарищи отправились ставить сетки.

Я нашел уютное местечко на бережку. С него река, как на ладони. И было это местечко совсем близко от костра. Там, на крутояре, росла липа. В метре от земли дерево раздваивалось. Его свилеватые стволики уходили в противоположные стороны, но затем почти под прямым углом снова тянулись вверх. Сидеть в развилке было очень удобно, словно в кресле. Можно было даже опереться спиной на стоящую сзади березу. Устроился я здесь, в развилке, сижу, наблюдаю, что происходит вокруг. Ниже переката на струе выпрыгивают из воды хариусы и плюхаются обратно. В лучах заходящего солнца хариусы блестят серебристыми боками, радужно сверкают большими плавниками на спинах. Из-за поворота реки вывернулась стайка уток-крякуш. Приводнились они в травянистом заливчике, и давай плавать да нырять.

На песчаной косе, около уреза воды бойко бегали два куличка-перевозчика. Маленькие, с воробья, птахи, с белыми полосками на крыльях. Через минуту-другую кулички вспорхнули и со свистом улетели за реку. Вскоре возвратились обратно. И так несколько раз. Когда куличкам перевозить надоело, они куда-то улетели и больше не возвращались.

Сгоняли ребята быстро. Мы рады-радешеньки. Они же все места знают, да и поговорить с ними интересно.

– На уху рыбы все равно достанем, – сказал Иван. Вот только товарищ приедет. Он уехал проверять сети.

– Уха не обязательно, обойдемся и без нее, – заметил Николай. – Продуктов у нас хватит.

– Нет, на Ветлуге да без ухи, так не бывает, – возразил Иван.

Закопченный чайник фыркал пузырями в рожок, побрякивал крышкой. Выпили с ребятами за знакомство, закусили колбаской, побаловались чайком. Солнце было уже на закате. Его лучи освещали вершины деревьев.

– Едет, – встрепенулся Иван.

– Да, за поворотом, – откликнулся Алексей.

Иван встал, вышел на берег и спустился к воде. Лодка выскочила из-за кривуна и, описав полукруг, уткнулась носом в песок. Минуты через три-четыре вместе с Иваном к костру подошел рыболов, среднего роста мужчина в камуфляже. На вид

ему было лет пятьдесят или чуть больше. Лицо его казалось весьма выразительным, волевым. Каштановые волосы чуть волнисты, а глаза так и пронизывали насквозь.

– Будем жить! – сказал приехавший и, пожимая руку (я стоял к нему первым), представился. – Шаман.

– Шаман?! – удивился я. – Никогда еще не видел живых шаманов. Так и звать вас можно?

– Конечно.

– Шаман так шаман, только почему-то бубна не вижу.

– Пока обойдемся и без него, – засмеялся мужчина.

Он продвинулся дальше и стал знакомиться с моими товарищами. Лешка Ларионов, или Черномырдин, – тот самый, симпатичный, черный, как цыган, парень, который пилил нам дрова для костра, шепнул мне: «Толковый мужик Иван Порфирьевич, учителем был, потом в сельсовет перевели, в сплавной работал, да и сейчас в каком-то ООО. Стихи сочиняет. Книжка недавно вышла».

Поздоровался Шаман с друзьями, подошел к костру, присел на бревешко.

– Раз вы шаман, так нашаманьте нам рыбы на уху, – попросил я.

– А тут и шаманить нечего, все здесь. – Иван Порфирьевич встал, поднял с земли полиэтиленовое ведерко, стоявшее под елкой, которое я, почему-то не заметил.

Оно было увесистым. Снял сверху траву, и я увидел судачка, леща, несколько щучек и еще какую-то мелочишку, кажется, сорог.

– Тогда я завариваю уху, свою, фирменную, – нарочито громко объявил я.

– Ради Бога! – откликнулись ребята. К Шаману со стопариком в руках подошел Николай и предложил принять за знакомство.

В таких случаях отказываться не принято. Закусили красной рыбой, которая на берега Ветлуги приехала с Камчатки. Конечно, уже тогда, в 1999-м, этой рыбой никого не удивишь. Хватает ее, лишь бы в карманах шуршало.

Не буду описывать, как я чистил рыбу и картошку, как варил на костре уху. Все знают, как это делается. Скажу только, что рыбу в ухе всегда варю не до «белых глаз», а гораздо дольше. Уверяю, что это очень важно и необходимо. Во-первых, юшка будет наваристее, а во-вторых, позволит избежать заражения гельминтами – свое здоровье надо беречь. Потому рыбу закладываю в котелок или ведро сразу вместе с картошкой. Заливаю водой, добавляю соль и ставлю над костром. Лаврушку, перец горошком, лучок добавляю позднее. Так сделал и сейчас.

Ребята травили баланду, и все-таки кто-то заметил:

– Рыба-то, кашевар, разварится.

– Нет, не разварится, – заверил я.

– Смотри, повар, тебе виднее.

Когда уха была готова, я достал рыбу, разложил в глубокие тарелки, а юшку разлил в три блюда.

– Хороша ушица! – похвалил шаман. Ему никто не возражал.

Разговор наш разгорался все ярче и ярче, как костер, в который кто-то из ребят подкинул смолистых плах. Продолжали говорить «за жись», о том, о сем.

– Как доехали-то? – спросил Шаман.

– Без проблем. Асфальт, дорогой, асфальт, – ответил Николай, который вел машину. Сейчас по Государевой-то дороге (Шарьинский тракт был проложен во времена Екатерины второй) езжай хоть в Первопрестольную, хоть в Нижний, на Великий Устюг к Деду Морозу, на Урал, в Тюмень…

– Знаю я эту «тюрмень», на буровой работал, – заметил Леша.

– Скажи-ка, дорогой Иван Порфирьевич, откуда у вашей реки такое красивое звучное название – Ветлуга? – поинтересовался я. – Мне кажется, что все просто. «Ветл» – ветлы на берегу. «Га» – по-угрофински «вода», – высказал я свою догадку.

– У нас по-другому объясняют, немного даже в историческом плане, – улыбнулся Шаман. – Не знаю, легенда это или на самом деле так было. В очень давние времена реку называли Эннер. И жил около нее Черемисский князь Коджа. Жена у него была красавица Луга. Коджа подружился с новгородским атаманом ушкуйников Кием – умелым и сильным человеком. И принял Коджа православную веру. Не понравилось это хлыновскому (Хлынов позднее стал называться Вяткой) князю, владевшему Черемисьем. Повелел он наказать отступника. Разорили имение хлыновцы, а жену Коджи Лугу повезли в полон. Темной ночью она сбежала и пробиралась берегом реки Эннер. Беглянку настигала погоня. Храбрая женщина предпочла смерть. Луга кинулась в омут и утонула. Все восхищались ее поступком. И в память о ней назвали реку Ветлугой. Кстати, «Вет» по-черемисски – женщина, баба.

– Область у нас, мужики, побольше вашей будет, – сказал Николай. Один только Вытегорский район по территории на Пензенскую область потянет, если не больше. И лесов много, особо на севере, западе и востоке.

– Слышал я, у вас народ отчаянный, – заметил Иван.

– А где сейчас не отчаянный? У нас волки зимой и те с топорами ходят, – засмеялся Игорь. – На полном серьезе говорю.

– Не загибай, Игорь, – вскинулся, не утерпел Николай. –

Топор-то они что, за поясом носят? Да и для чего петуху тросточка?

– А вот и не загибаю, – обиделся Игорь. – Конечно, топор волку не для того, чтобы сучки на делянке обрубать.

А где слышал о волке с топором – так дело такое. Включил как-то утром радио. Передача из Вологды шла. Рассказывал какой-то леспромхозовский шофер-лесовозник. Не молодой уже. Поехал, говорит, однажды за хлыстами на верхний склад. Еду, по сторонам поглядываю и, Боже мой! Гляжу и глазам не верю. Навстречу из делянки по бровке вышагивает волчара. Большущий, чуть не с теленка. Башка тоже большая, шея толстая, сам серый, только черная полоса по хребтине, как ремень, а в зубах у него – топор. Опешил я. Такого чуда, говорит, не видел, чтобы волк – с топором. А что оказалось? Топором тем на котлопункте мясо рубили да на улице и оставили. Топор-то мясом пропах за зиму, волк, наверное, подумал, что это кость какая. И прибрал, что плохо лежит. Забавная история, не правда ли? А насчет народа – так что у нас, что у вас – люди мирные, работящие, скромные и совестливые.

Иван Порфирьевич сидел молча, задумавшись, но не утерпел, вступил в разговор:

– Да, мужики, жизнь наша очень сложная, особенно сейчас. Прошлое ушло, будущее неизвестно. Жить надо сегодняшним. Трудно сейчас многим. Особенно старикам. Пенсионеры, сказывают, за инфарктом в очереди стоят. Тут раз – и готово. Был человек – и не стало его. А не дай Бог, инсульт да паралич разобьет… Кому ты нужен, больной и немощный? Кто за тобой уха живать будет, да и что это за жизнь? Позавидуешь тут не живым, а мертвым. Все мы смертны. И в этом все равны. Но каждый проживет столько, сколько заложено ему его генетическим кодом. И ничуть больше. Меньше – сколько угодно. И часто от своего неразумения. Сколько людей гибнет по пьяни! Пьют, слов но скорее хочется жизнь закончить. Что сказать о молодых? Молодость – самое счастливое время в жизни человека. Но у каждого своя жизнь, своя судьба. Многим хочется жить красиво и богато сразу, сейчас. Так не бывает, золото с неба не падает. Чтобы хорошо жить, крепко стать на ноги, надо потрудиться. Нынче даже вороны набрались ума. Прижимисты, дошлы, лука вы. Как ни старайся лиса – у нынешней вороны сыра не выманишь. Иные молодые соблазняются на городскую жизнь, а того не думают, как и где они там жить будут, чем заниматься. А думать надо. На то и дана тебе голова. Хищнический прагматизм, когда каждый думает только о себе, не по нам. По мне, так и дома в деревне, в поселке можно жить, да и живут иные не хуже

городских. Главное – от земли не отрываться да, как исстари заведено, помогать друг другу. Только везде вкалывать надо.

Шаман подгреб палочкой уголек от костра, прикурил потухшую сигарету. Ребята уже спали. Не потому, что набрались помаленьку, а просто утомились за день. Мы же с Порфирьевичем продолжили беседу.

– Говорят, что женщине столько лет, на сколько она выглядит. Прекрасно и мило, – продолжал Порфирьевич. – А если выглядит девушка молодо, а ей под тридцать? И сама хорошая, умная, образованная да работящая, а жениха подходящего нет. Не пойдет она замуж за какого-нибудь замухрышку с вредными привычками или хилявого. Ей достойный мужик нужен, чтоб род продолжить. Она это понимает. Но выбор такой: или старой де вой остаться, или стать матерью-одиночкой. Наверное, лучше второе. Кто-то осудит девушку, а другие, наоборот, поддержат. Поговорят, поколоколят да перестанут. Зато у матери будет расти сын или дочь – радость в жизни, поддержка в старости. Примеров таких много.

Во время наших разговоров я слышал, как в ночном лесу кто-то трещал, доносились непонятные звериные или птичьи голоса. Заметил, что Иван Порфирьевич чутко улавливает эти звуки, хотя некоторые из нашей компании на них не обращали внимания или не слышали. Я подумал: таежник он настоящий. Иван Порфирьевич взглянул на часы. Половина первого.

– Мне пора, надо ехать.

– Как ехать? В такую-то темень? – ошеломленно вскочил я.

– Рад бы остаться с вами, но в десять утра я должен быть на совещании в Шарье. Опаздывать не могу. Служба.

Понял, что уговаривать Порфирьевича бесполезно.

Проснулся Иван. Вдвоем проводили рыболова на бережок.

– Проверьте и мои сетки, – обратился Шаман к Ивану. – Рыбу отдайте ребятам.

Пожимая руку, сказал, чтобы приезжали еще.

– Доедете до поселка, зайдите ко мне и скажите, чтобы тебе дали мою новую книжку.

Мне оставалось поблагодарить Порфирьевича… Мы оттолкнули лодку от бережка на глубину. Движок завелся с пол-оборота и заработал, как часы.

– Порядок в танковых частях! – улыбнулся рулевой.

– Осторожнее! – крикнул я, когда лодка выходила на струю.

– Не переживай, это речник еще тот, – заметил Иван. – Вряд ли кто лучше его, сплавщика, знает реку, фарватер.

Ночь только у костра казалась столь непроглядной. Присмотрелись к реке и поняли, что не так уж и темно. Из-за

дальнего заречного леса выглядывала луна. Она поднималась, тускло освещая прибрежные кусты тальника, песчаную косу реки, ее водную гладь. Шаман помахал нам рукой и прибавил газу. Лодка исчезла за поворотом. Уплыл Порфирьевич, и стало как-то неуютно и грустно. За рекой протяжно заревел лось, наверное, он и шастал по лесу. Ему ответил соперник, и уже было слышно, как трещали кусты, как звери сшибались рогами в схватке. С реки тянуло холодом, и мы зашагали к костру. Иван только дошел до костра и сразу завалился на лапник досыпать.

Прикорнул и я под елкой, положив голову на выпирающий из земли толстый корень. Лежал, смотрел на звезды, а думал о Шамане. О том, что говорил он о жизни. И мне казалось, что воочию вижу, как Шаман плывет по Ветлуге на своей пироге в промозглом холоде ночи. И правит, ловко обходя мели, топляки, заросшие травой кочи. И как будто послышался его голос: «Хороших людей больше, чем плохих…»

Проснулся утром. Уже вовсю светило солнце. Ребята поднялись раньше меня. Мы позавтракали, попили чаю, и новые знакомые повезли нас вверх по реке. На узких листочках тальника, кустиках осоки и хвоща, серебрясь, висели капельки росы. На отмелях бегали кулички. Некоторые из них, завидев лодку, улетали, другие не обращали на нее внимания. Километра через три зарулили в заливчик. Вышли из лодки и по натоптанной тропинке пошли по травянистому заречью к озеру. Тропа почему-то вела не прямо, а виляла из стороны в сторону, ныряла в ложбинки и канавы и, наконец, привела нас к озеру.

На берегах водоема густые заросли ольхи, ивняка, жимолости и шиповника. На поляне столик со скамеечками. Захотелось посидеть, полюбоваться природой, тихим солнечным утром. На воде плавала лодка. Она была привязана веревкой к какому-то деревцу. Товарищи поехали проверять сетки. Не скажу, что рыбы попало много, но с пудишко набрали. Это были щучки, подлещики, окуни и сороги. Немного попало рыбешки и в наши сетки.

Сегодня мы уезжаем. Думалось о тех, с кем провели ночь у рыбацкого костра. Только познакомились – и расстаемся. Но какие хорошие эти люди! Веселые, общительные, добрые, отзывчивые. Какой интерес у них к жизни не только своей, личной, но и других!

В дом к Ивану Порфирьевичу за книжкой, конечно же, не заехали. Как всегда, спешили. И увидеться с ним больше не удалось. Говорят, что ходить по лесу – видеть смерть на носу. Убежден, что не менее опасно плавать на лодке, особенно в весеннюю водополицу, по такой реке как Ветлуга. В ней погибла

не только красавица Луга, но и тот, кто рассказал нам о ней у ночного костра. Утонул Иван Порфирьевич в тех самых местах, где мы расстались. И, как оказалось, расстались мы навсегда… Вечная ему память!

Сегодня и давно

В августе шестидесятого (о, век минувший!) волею судьбы, а может быть просто «распределения», я оказался в далеком тогда Никольске (только самолетом можно долететь – всего за десятку), о котором не думал тогда ни сном, ни духом. Но распределение не состоялось – некая дама не захотела, противу своих заявлений, освободить место преподавателя литературы в Аргуновской средней школе, куда я был назначен. А в другую, восьмилетнюю, и в деревню, где нет электричества, я, полуслепой, не соглашался идти на работу. Коса на камень!

И тут вдруг в Никольском райкоме комсомола, где вторым секретарем был Леонид Фролов (позднее и долго директор издательства «Современник» в Москве), годом раньше меня закончивший пединститут, негромко прозвучало:

– А у нас в редакции нужен литсотрудник.

Только сейчас я толком увидел молодого человека, лет тридцати. Крепыш среднего роста, внешности своей не провинциальной, лицо выразительных контуров и большие карие иззелена глаза. Он спокойно ждал ответа, а Леня вдруг загорелся – он-то уже поработал в «Вологодском комсомольце» и надеялся туда вернуться, – не раздумывая, настойчиво сказал:

– А чего, соглашайся!

И хотя строчки в какую-либо газету я до тех пор не писал, хотя много царапал «для себя» все студенческие годы, согласился. Районное начальство не возражало, и первого сентября появился в «Никольском коммунаре» мой первый репортаж. Как писать – проблем не было, но вот о чем? Надо было осваивать «специфику» районной жизни, и тут Вадим Николаевич Каплин (тогда зам. редактора) – это он предложил пойти в газету – стал моим первым и едва ли ни единственным учителем в журналистике. Он прекрасно знал район.

Перед Великой Отечественной войной (по переписи 1939 года) население района составляло чуть больше 55 тысяч человек. В районе было 236 населенных пунктов (город Никольск, деревни, лесные поселки) и 223 колхоза. Кстати, к 01.01.2001 года в районе проживало 28,9 тысяч человек.

Вадим мог подсказать и где ночевку найти, и с кем беседы вести. Так и вошел я в непривычный для меня, горожанина (в первом поколении), мир, и узнавал его, узнавал и своего шефа. Немногословный, четкий в деле, он не признавал никакой служебной регламентации: мог утром, к восьми часам сдать материалы и не появиться весь день. Не всем это нравилось. Но

куда денешься. Корреспондент вставал спозаранок, приходил не с пустыми руками, быстро, оперативно освещая проведение важнейших сельхозработ, будь то весенний сев, заготовка кормов, жатва, сев озимых. Определенно это ценилось. Сдав материалы, Вадим мог уехать в любое время на охоту или на рыбалку – дело от этого не страдало. А охотник он был серьезный: спустя несколько лет появилось стихотворение Александра Яковлевича Яшина «Вадиму Каплину, медвежатнику», своего рода диплом, удостоверяющий профессиональность. А в этом Яшин был уверен – на охоте они зачастую бывали вместе. Потому-то поэт помог приобрести молодому другу старенькую автомашину – район ведь велик, обширнее иного европейского государства. Дружба двух этих людей весьма своеобразна. Взаимное уважение и доверие, сохранившееся до последних дней поэта, общие интересы и никаких попыток давления друг на друга.

А Вадим Николаевич тоже «пописывал», но что это слово в сравнении с признанным талантом и профессиональностью Яшина! Каждому свое! Кроме своей газеты, писал В. Каплин охотничьи рассказы, кое-что попадало даже в элитарный альманах «Охотничьи просторы». Впрочем, об этом я узнал много позже – вот уж чего не было у Вадима Николаевича, так это хвастливости, кичливости. Скромность молчаливо определяла круг суждений.

А скромен, застенчив Вадим Николаевич без предела. Наверное, изначально заложено это его матушкой, учительницей Софьей Андреевной, старушкой деликатной и беспредельно доброй и гостеприимной: не раз доводилось мне за ее столом вкушать пирожки с медвежатиной.

Самому В. Каплину, казалось, медвежатину было легче в лесу добыть, чем устроить куда-то в печать свой очередной рассказ. Он и не рвался, локтями не работал, а для себя писал все равно, без хвастовства и рекламы. Вот появились две его книжечки: одна в соавторстве с СТ. Топорковым – «Розовые березки» (1963 г.), другая – «Лесные встречи» (1976 г.) – тиражом восемьдесят тысяч экземпляров!

В ту пору работал я в Северо-западном (Архангельск) издательстве на Вологодском отделении и предложил Вадиму Николаевичу, «косвенно» зная о его запасах, подготовить сборник посолиднее, основательнее. И что же! Смущался он, отнекивался, уходил от разговора, а сборник так и не составил… А вот теперь, в условиях, казалось бы, для пишущих самых неблагоприятных, готовит он и выпускает одну за другой новые книжки. Не измученный погоней за успехом, он в свои семьдесят пять лет пишет просто и свободно. Пишет о том, что знает – это охотничьи

байки, рассказы о всякой живности, житейские записки – и во всем убедителен, детально точен, живописен. Что, так и в классики недолго записать. Да ему, Вадиму Николаевичу, этого совсем не надо! Он знает свои пределы и возможности, работает вдумчиво. Но на мои замечания по поводу однообразия композиции, некой схематичности ряда его вещей разводит руками, смущенно отмахивается: поздно! Что есть, то есть.

На охоту теперь не ходит и не ездит. Не тот возраст. Но все такой же застенчивый и добродушный – немногие в преклонных годах умеют сохранить верность своей натуре. Он сумел.

А вот писать – теперь уже не обремененный ни служебными обязанностями, ни властными «указивками», он пишет постоянно, хотя и не торопливо.

И складывается своеобразная лесная летопись, антология жизни необычных обитателей нашей тайги, календарь природы и, попутно, страницы из жизни обыкновенного русского человека, деятельного и скромного – Вадима Николаевича Каплина. Они вызывают живой интерес сегодняшних читателей. Ведь за каждым словом – трепетная любовь к природе, неизменное уважение к матери-Родине.

Василий Оботуров.

Литература

Мегалинский К.О. Очерк о заповеднике. Сыктывкар, 1995.

Ипатов Л.Ф. Орловская корабельная роща. «Красный Север», апрель 2008.

Амалинский В.П. Вехи биографии. Вологда, 2009.

Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области. Вологда, 1993.

Шиловский М.Е. На северных увалах. Никольск, 1995.

Пискунов А.В. Сто великих охотников. Собиратель богатств Н.П. Смирнов (1898–1978). Москва, «Вече», 2008.

Тарноге – 555. Угрюмовские чтения, выпуск 4. Тарногский городок, 2008.

Полуянов И.Д. Деревенские святцы: по устным народным календарям. Москва, 1999.

Стрижев А.Н. Календарь русской природы. Москва, «Московский рабочий», 1972.

Поветлужье. Природа, население, хозяйство, экология. Нижний Новгород, 2004.

Нижегородская отчина: история в лицах. Нижний Новгород, 2007.

notes

Примечания

1

Мелкотравчатый – в старину – псовый охотник, из-за скудности своего обихода, бедности не имевший своих собак и обреченный охотиться с чужими.

2

«Кита» (так мы его звали) – от слов «Китай», «китаец». В. Мишенев – 1929 года рождения, самый молодой из нас, моряк, успевший повоевать с японцами, а позднее – с американцами в Корее. Очевидно, в армию ушел добровольно, по спецнабору.